

Дмитрий Яворницкий
История запорожских казаков.
Борьба запорожцев
за независимость. 1471—1686
Том 2

Предисловие

Весь второй том «Истории запорожских казаков» написан при самых неблагоприятных условиях: автор труда находился вдали от столицы больше чем на пять тысяч верст. Живя то в Ташкенте, то в Самарканде, автор испытывал нередко такое затруднение, о котором ученый Европейской России и самого слабого представления не может иметь: какая-нибудь ничтожнейшая справка, стоящая в столице двадцать минут, в Туркестанском крае стоит два месяца. К этому надо прибавить полное отсутствие в крае людей, интересующихся историей вообще и историей Южной России в частности: ни спросить совета, ни поделиться мыслями, ни выслушать дельного замечания — ничего того нельзя было найти ни в Ташкенте, ни в Самарканде. Оттого написать «Историю запорожских казаков» в Туркестанском крае было почти такой же задачей,

как переплыть в первобытной лодке Каспийское море. Независимо от расстояния немалую трудность составляла при написании «Истории» новизна самого дела: от начала запорожского казачества до первой половины XVIII столетия история низовых казаков представляла собой настоящую *terra incognita*, или непочатое поле, если не считать отдельных, и то весьма немногих, статей по отдельным и опять-таки весьма немногим вопросам. Поэтому возможно, что многие найдут немало пробелов в настоящем труде автора; но автор, свято уважая мнение всякого человека, нисколько не будет смущен указанием на все недостатки «Истории». В основание второго тома положены главным образом подлинные письма исторических лиц и современные событиям акты. После писем и актов брались во внимание летописцы, малороссийские и польские, а потом — исследователи настоящего и прошлого столетия. Автор избегал давать обобщения событиям и давал их лишь в такой мере, сколько позволяли делать то самые материалы. Весь второй том заключает в себе пространство времени от 1471 до 1686 год и может быть разделен на три периода: период образования запорожского казачества с 1471 по 1583 год; период борьбы против Польши за религиозно-национальную независимость Южной Руси с 1583 по 1657 год; период участия в борьбе за

религиозно-национальную независимость
Правобережной Украины против Польши, Крыма и
Турции с 1657 по 1686 год.

Глава 1

Происхождение казаков. Казаки татарские; казаки южнорусские; казаки низовые и запорожские. Причины появления южнорусского казачества. Начало отделения запорожских казаков от украинских. Шесть периодов исторической жизни запорожских казаков. Смешивание запорожских казаков с украинскими в Москве и строгое различие их самих от гетманских казаков. Первые вожди, соединившие для общей цели казаков. Князь Дмитрий Вишневецкий, его поход на низовье Днепра, первая попытка основания Сечи на острове Хортице, служба русскому царю, польскому королю, поход в Молдавию и трагическая кончина в Царьграде.

Как все основы нашей политической и религиозной жизни коренятся в колыбели рода человеческого, Средней Азии, так и начала казачества надо искать не в Европе, а в Азии. К этому приводят нас как филологические соображения, так и исторические данные. Слово «казак» — несомненно, восточное слово, подобно словам «аксак», «арак», «байрак», «бузак»,

«бурчак», «гайдамак», «инак», «кабак», «кишлак», «кулак», «кунак», «сугак», «табак», «чу(а)прак», «чумак» и многим другим в этом роде словам, имеющим весьма распространенное во многих тюркских словах окончание «ак». У туземцев Средней Азии, сартов, в настоящее время в употреблении слово «казаки», что значит пороховница¹. Название это заимствовано сартами от киргизов, кочевого и воинственного народа Средней Азии, которые сами себя всегда называли и теперь называют не киргизами, а казаками: «кыркыз», или «киргиз», есть только один из многочисленных родов, на которые делятся «казаки». Многие из называемых нами «киргизами» вовсе даже не знают этого названия и при вопросе, кто они, всегда отвечают, что они «казаки». «Казак» с гордостью отличает себя от сарта, таджика, таранчи — от всех оседлых, невоинственных, обленившихся, обнежившихся людей.

Сами оседлые жители Средней Азии, произнося слово «казак», разумеют под ним человека неоседлого, подвижного, всегда готового к войне, склонного к разбоям, грабежам, захватам. Искони веков «казаки», обитавшие в Средней Азии,

¹ Наливкин. Русско-сартовский и сартовско-русский словарь. Казань, 1884, 57.

называли себя этим именем (казак, кайсак); с этим именем они известны туземным среднеазиатским историкам, каков, между прочим, кокандский повествователь Ниаз-Мухаммад; с этим же именем они уже в первой половине XVII столетия делали приступы к большим и многолюдным городам Средней Азии, много раз побеждали правителей их ² и под конец уступили только силе могущественного бухарского эмира³.

Ученые-языковеды в слове «казак», или, полнее, «кай-сак», видят два слова: «кай» — легко и «сак» — вьюк, то есть легковьючный. Те же ученые слово «сак» видят в имени древнейших обитателей Турана (теперешнего Туркестана), саков, народа арийского происхождения; для туранских арийцев название «сак» было таким же нарицательным, как в наше время название «чернокожий», «желтокожий». Это же слово «сак» и с тем же значением — «мешок» или «походный вьюк» — сделалось достоянием большинства народов арийского происхождения, не исключая

² Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд. СПб., 1832, II, 47.

³ Яворницкий. Путеводитель по Средней Азии. Ташкент, 1893, 171, 173.

даже и славян, у которых было в употреблении слово «сак-ва» в значении вьючной сетки. У древнейших арийцев слово «сак» переняли тюрки и образовали из него сложное «кай-сак», то есть, как мы уже говорили, легковьючный. Об этом, в частности, пишет господин Фирсов в альманахе «Новости» в 1893 году.

Таким образом, и понятие, и слово «казак» впервые встречается в Средней Азии, откуда оно, очевидно, перешло и в Европейскую Россию. Перейти же в Россию оно могло только с приходом в нее тюркотатар, на что указывает и то обстоятельство, что до появления тюркотатар на юге Руси ни в одном списке русских летописей не встречается слово «казак».

Впервые это слово делается известным у половцев, опять же народов тюркского происхождения, с XII века. Голубовский в своей книге «Печенеги, торки и половцы» пишет, что на языке половцев «казак» означало «стража, передового, ночного и дневного». В течение XII, XIII и XIV веков известий о казаках ни в каких источниках не имеется. Зато с конца XV века барону Герберштейну, приезжавшему на Русь от немецкого императора Максимилиана к великому князю Василию III, известна была уже целая орда

кайсацкая ⁴ . С этого же времени идут последовательные указания о существовании казаков в разных местах Южной России.

В 1469 году многочисленное татарское войско, составившееся за Волгой из беглецов, разбойников и изгнанников и назвавшееся казаками, по словам польского историка Длугоша, прошло от Волги за Днепр и опустошило Подолию ⁵ . В 1492 году, при князе Иване III и крымском хане Менгли-Гирее, стали известны ордынские казаки. В 1601 году Иван III жаловался турецкому султану на азовских казаков, от которых сильно страдали наши послы и купцы ⁶ . Несколько позже этого сын Ивана III, Василий Иванович, требовал от султана, чтобы он запретил азовским и белгородским казакам подавать помощь Литве, воевавшей с Москвой; в то же время, когда русский посол Коробов, бывший в Азове, потребовал себе провожатых для проезда через степи, то ему отвечали, что в провожатые, за отсутствием

⁴ Герберштейн. Записки о Московии. СПб., 1866, 339.

⁵ Мельник. Мемуары Южной Руси. Киев, 1890, I, 68; примет. 2-е.

⁶ Соловьев. История России, М., 1865, V, 117.

азовских казаков, ему некого дать⁷. В 1510 году известны были казаки в Белогороде, или Аккермане, Перекопе и Крыму. В Крыму все татары этого времени разделялись на три сословия: углан, или улан⁸, князей и казаков; улане принадлежали к верхнему сословию; князья — к среднему, владевшему поземельной собственностью, но зато постоянно воевавшему и от этого получавшему добычу; казаки — к низшему сословию⁹. Крымский хан Менгли-Гирей, заключая договор с русским царем Иваном Васильевичем Грозным, обещал не позволять воевать «ни уланам, ни князьям, ни казакам»¹⁰. В этом же 1510 году великий князь литовский Сигизмунд II жаловался крымскому хану на перекопских казаков, нападавших на литовские области. В 1516 году

⁷ Архив мин. ин. дел, дела турец., № 1, 63, 160, 244.

⁸ *Углаие* — многочисленные потомки царей от равных жен.

⁹ Хартахай. Истории, судьба крым. татар // Вест. Евр., 1866, VI.

¹⁰ Зубрицкий. Критико-историческая повесть о Червонной Руси. М., 1845, 388.

крымский хан Мухаммед-Гирей писал Сигизмунду II, что происшедшее нападение татар на Украину сделано было белгородскими казаками¹¹. В 1550 году литовский писатель Михалон Литвин между разными татарскими ордами упоминает и о казацкой орде¹².

В 1561 году перекопский царь писал польскому королю Сигизмунду-Августу о желании 24 белгородских татарских казаков «оказать службу литовскому государю идти на землю московскую»; приложенные при письме перекопского царя имена белгородских казаков все восточного происхождения, каковы: Аглаберды, Аличембей, Акмалла-ага, Бакай-ага, Бассан-али, Джарлы-ага, Чабан-ага и другие¹³.

Вслед за известием о татарских казаках находим известие и о южнорусских. По мнению Максимовича, исторически известными становятся на Украине казаки уже с 1471 года, когда Киевское

¹¹ Szajnocha. Dwa lata dziejow naszych, I, 41.

¹² Мельник. Мемуары Южной Руси, 6.

¹³ Акты Южной и Западной России, II, 157.

княжество обращено было в воеводство¹⁴. По известию летописца XVII века Мартина Бельского, в 1489 году, во время преследования татар, ворвавшихся в Подолию, сыном короля Казимира IV, Яном Альбрехтом, впереди литовского войска шли до притока Буга, Саврана, казаки, хорошо знавшие местность Побужья¹⁵. По указанию Антоновича, именем казаков, в 1491 году, назвались крестьяне в Червонной Руси, восставшие на защиту своих прав¹⁶. Но документальное свидетельство о существовании украинских казаков в первый раз встречается в 1499 году в уставной грамоте великого князя Литовского Александра о воеводских доходах, данной киевскому войту и мещанам: «Который казаки з верху Днепра и с инших сторон ходят водою на низ, до Черкас и далее, а што там здобудуть, с того со всего воеводе десятое (десятую долю) мають давати; а коли рыбы привозят з верху, або з низу, просолныи(ой) и вялыи(ой) до места киевского, тоди мает осичник

¹⁴ Максимович. Собрание сочинений. Киев, 1876, I, 310.

¹⁵ Kronika Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, II, 882.

¹⁶ Антонович. Лекции по истории мал. казачества. Киев, 1882.

воеводин то осмотрети и обмитити (позначити) и маєт на город взяти от бочки рыб по шести грошей, а от вялых рыб и свежих десятое (десятую штуку). А коли привезут до места киевского рыбу свежую, осетры, тогда не мают их целиком продавати, оли-ж (но) мусить осинник от каждого осетра по хребтине взяти, а любо (либо) от десяти осетров десятого осетра»¹⁷. В 1503 году, по свидетельству Архива Юго-Западной России, становятся известными черкасские казаки и казаки князя Дмитрия ¹⁸. Те и другие составляли уже иррегулярное войско в Литве; они организованы были по мысли правительства для защиты границ Литвы от набегов татар и состояли в ведении так называемых старост, то есть управителей областей, городов и замков государства ¹⁹. Такие казаки

¹⁷ Акты Западной России, том I, № 170, II, № 1.

¹⁸ Архив Юго-Западной России. Киев, 1863, т. I, ч. III, № 1.

¹⁹ Земельная собственность Польши разделялась на два вида: имения наследственные и имения, отдаваемые во временное владение; в числе последних были староства; староства раздавались королями, в виде награды, равным сановным лицам, которые оттого назывались старостами (Карнович. Замечательные богатства в России. СПб., 1885, 257).

набирались самими старостами и нередко прозывались именами или фамилиями самих же старост: казаки князя Дмитрия, казаки князя Ружинского, казаки Мировицкого²⁰. В это же время становятся известными особые роты, или военные отряды в казачьем быту: так, под 1503 годом польский хронист Пясецкий упоминает о Щуровой казачьей роте в городе Черкассах²¹. В 1508 году одна часть казаков, под начальством брацлавского и виленского старосты, князя Константина Ивановича Острожского, разгромила наголову загон татар, грабивших пограничные области Литовской Руси; другая часть казаков, под начальством «славного казака Полюса-русака», разбила другой загон татар²². В 1512 году казаки, вместе с поляками и украинскими насельниками, участвовали в погоне за татарской ордой, ворвавшейся в южные пределы Литовского великого княжества. Начальниками над казаками и поляками были князь Константин Иванович Острожский и каменецкий староста Предслав

²⁰ Акты Южной и Западной России, I, 219.

²¹ Piasecki. Kronika, Krakow, 1870, 52.

²² Kronika Marcina Bielskiego, II, 950

Ландскоронский.

Последний известен был как лучший полководец своего времени, много путешествовавший по разным странам Европы и Азии, изучивший все боевые приемы лучших европейских и азиатских полководцев. Во время столкновения казаков с татарами первые ударили на врагов казаки; сами поляки уступили казакам право первого нападения на татар только после настоятельных убеждений со стороны Острожского, находившего казаков хотя и мало «збройными», но зато считавшего их в войнах с мусульманами более опытными, чем поляков. В 1516 году казаки, под начальством Ландскоронского, ходили походом под турецкий город Белгород, захватили там множество лошадей, рогатого скота и овец, но на обратном пути были настигнуты татарами и турками у озера Овидова, под Очаковом, разбили наголову неприятелей и возвратились домой с большой татарской и турецкой добычей²³. Этот год считается у польских летописцев уже годом значительного развития южнорусского казачества. В 1527 году на казаков черкасских и каневских жаловался крымский хан

²³ Kronika Bielskiego, II, 963, 991; Самовидец. Летопись, 1878, 329.

Саип-Гирей королю Сигизмунду II за то, что они, становясь под татарскими улусами, делали нападения на татар: «Приходят к нам черкасские и каневские казаки, становятся над улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям; я много раз посылал к вашей милости, чтоб вы остановили их, но вы их остановить не хотели; я шел на московского князя, 30 человек за болезнью вернулись от моего войска: казаки поранили их и коней побрали. Хорошо ли это? Черкасские и каневские властители пускают казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего (то есть московского князя) казаками путивльскими по Днепру под наши улусы, и что только в нашем панстве узнают, дают весть в Москву»²⁴. В 1528 году те же казаки, под начальством Хмельницкого старосты Предслава Ландскоронского, черкасского старосты Евстафия Дашковича, а также старост винницкого и брацлавского, принимали участие в походе под турецкий город Очаков; в этом походе казаки три раза разбили татар и взяли в добычу 500 коней и 30 000 голов скота²⁵.

С этого времени казаки стали приобретать

²⁴ Соловьев. История России, М., 1865, V, 434, 437.

²⁵ Kronika Marcina Bielskiego, II, 1043.

особенную известность, и этому способствовал немало «знаменитый казак» Евстафий, или Остап-Дашкович, сперва литовский воевода, потом черкасско-каневский староста, уроженец города Овруча, человек православной веры. Евстафий Дашкович воевал сперва против турок и побывал в плену у татар (в 1523 году), служил несколько лет великим русским князьям, Ивану и Василию, помогая им в войне против поляков, затем снова возвратился в Литву к Сигизмунду²⁶ и получил в управление города Черкассы и Канев²⁷, на правом берегу Днепра ниже Киева. Управляя этими городами, он привлек к себе такое множество казаков, что сделал оба города надолго ядром всего южнорусского казачества. В 1531 году на город Черкассы сделал нападение крымский хан Саадат-Гирей; Дашкович мужественно оборонял черкасский замок от татар, а потом, через два года

²⁶ Миллер. Истор. сочинение о Малой России, М., 1847, 3, 4.

²⁷ Город Черкассы построен при литовском князе Витовте (1392–1430) и осажден пятигорскими черкесами, выведенными сюда с крайнего юго-востока Европы (Антонович. История Великого Литовского княжества, 62, 63). Город Канев возник около того же времени и населен выходцами из теперешней Полтавской губернии.

после этого, представил на сейме в Пиотркове особый проект защиты границ Литовского княжества против татарских вторжений. В этом проекте Дашкович высказал необходимость построения поблизости к татарам, на одном из малодоступных островов Днепра, замка и содержания в нем постоянной стражи из казаков в 2000 человек, которая, плавая по реке на чайках, препятствовала бы татарам переправляться через Днепр. К этим 2000 казаков Дашкович предлагал прибавить еще несколько сот человек, которые бы добывали в округностях необходимые припасы и доставляли их казакам на острова. Предложение Дашковича всем участникам сейма понравилось, но не было приведено в исполнение²⁸.

В 1530 году, при споре каневских мещан со своим старостою Пеньком, который «кривды великия и угиски чинил и новины вводил», а кроме того, «порог их звечный мещанский, на имя Звонец, на Днепре, на себя отнимал» и половину имущества умершего или попавшегося в плен казака на себя отбирал, постановлено было киевским воеводой Немировичем: Звонецкого порога старосте совсем не касаться, а из имущества казака, если он, не имея ни жены, ни детей, умрет или попадется к татарам,

²⁸ Kronika Marcina Bielskiego, 1055, 1059.

одну половину отдавать на помин души тому, кому он сам завещает²⁹. Так говорят нам «Акты Южной и Западной России», уже упоминаемые мною в первом томе. В 1540 году казаки черкасско-каневского старосты, князя Михаила Вишневецкого, боясь наказания за своих товарищей, ушедших на Москву, оставили замки и засели ниже их на реке Днепре; князь Михайло Вишневецкий ходатайствовал за них перед королем Сигизмундом-Августом о высылке им охранного листа для возвращения в замки³⁰. В 1541 году король Сигизмунд-Август писал князю Коширскому, старосте Киевского воеводства, что он уже много раз приказывал ему, и с лаской, и с угрозой, удерживать «тамошних» казаков от того, чтобы они не ходили на татарские улусы и не чинили там никакой «шкоды», но князь никогда не действовал сообразно королевскому приказанию, казаков от «шкод» не удерживал и даже сам позволял им чинить то: «И теперь через нашего посла, пана Горностая, перекопский царь пишет нам, что наши казаки прошлыми разами, неизвестно откуда пришедши на людей его,

²⁹ Акты Западной России, II, № 195.

³⁰ Акты Южной и Западной России, II, 141.

которые шли воевать Москву, ударили на Кайры³¹, 20 человек до смерти убили и 250 коней у них взяли, а гонца, который к нам послан был, того на Днепре погромили и имущества его себе побрали; кроме того, тех людей царя перекопского, которые в поле кочуют, тех казаки наши часто бьют и имущества их себе забирают; а которого гонца своего брат перекопского царя, царь казанский, к нам посылал, и того гонца на Днепре погромили и статки его себе побрали». Для того чтобы казаки на будущее время, уходя из Киева на низовье Днепра за рыбой и бобрами, не позволяли себе никакого своевольтва и не чинили никаких шкод подданным царя перекопского, король отправил в Киев своего дворянина Стрета Солтовича и приказал ему всех киевских казаков списать в реестр и реестр доставить себе. Воеводы должны знать, кто из казаков и сколько их отправляется на низовье Днепра, чтобы после возвращения их назад можно было с кого спрашивать в случае ослушания и неповиновения королевской воле и приказанию. Такого же содержания посланы были грамоты старостам, киевскому Бобоедову и черкасскому

³¹ Речка левого берега Днепра, выше лимана.

князю Пронскому³², о чем читаем в тех же «Актах Южной и Западной России».

В 1545 году казаки спустились к турецкому городу Очакову, напали там на турецких послов и пограбили их; турецкое правительство заявило об этом жалобу Сигизмунду-Августу, и король должен был возместить убытки потерпевших из королевского «скарбу»³³. К этому же году, как говорится в лекциях Антоновича, относятся первые указания на существование казаков как отдельного сословия от других литовско-польских и русских сословий — шляхетского, мещанского и хлопского; они живут и по городам, и по селам, занимаются разными промыслами и составляют особые общины для постоянной обороны против мусульман; так это было в воеводствах Каневском, Брацлавском, Черкасском, Могилевском и др.³⁴

В 1546 году путивльский воевода писал в Москву великому князю Василию III: «Ныне, государь, казаков в поле много, и черкасцев, и киян, и твоих государевых, — вышли, государь, на

³² Акты Южной и Западной России, I, 109.

³³ Kronika Marcina Bielskiego, II, 1093.

³⁴ Антонович. Лекции. Киев, 1882; Акты, II, 3–4.

помощь всех украин»³⁵.

В 1547 году казаки, под начальством Берната Претвица, старосты барского, преследовали до Очакова татар, наскочивших на польские владения около Винницы и захвативших несколько человек русских в плен. Так как татары успели уже отправить христиан в оковах в город Кафу, то казаки со своим предводителем «знаменито» отомстили татарам, захватили пленных и благополучно вернулись домой³⁶, повторив свой поход против татар и на следующий, 1548 год.

В 1542 году, при описании черкасского и каневского замков, между оседлыми сословиями упоминаются и казаки в смысле временных посетителей замков: «Окроме осилых бояр и мещан бывают у них (черкасцев) прохожие казаки; сей зимы было их разом о пол-третяста. А кроме того бывает там (в Каневе) людей прохожих, казаков неоселых, а бывает их неравно завжды, але яко

³⁵ Воейков. Историческое описание земли войска Донского, Новочеркасск, 1889, 4.

³⁶ Kronika Marcina Bielskiego, II, 1100; Гвагнин в Собрании историческом Лукомского: Летопись Самовидца. Киев, 1878, 333.

которых часов»³⁷. В тех же «Описаниях украинских замков» имеются указания и на самые занятия черкасских и каневских казаков: одни из них добывают в неприятельской земле «бутынки» (добычу) и лучшее из своей добычи — пленников, коней и др. — дают старостам по их выборам; другие пребывают по левому берегу Днепра (теперешней Полтавской губернии) и «живут там на мясе, на рыбе, на меду, с пасек, с свепетов и сытят там себе мед яко дома»; третьи, оставаясь в замке, «ходят с Черкас озер тых (принадлежавших черкасскому замку) волоčiti, а которые домов в Черкасах не мают, тые дают старосте колядки (предрождественскую подать) по 6 грошей и сена косят ему по два дни толоками за его стравую (пропитанием) и за медом; а которые казаки, не уходячи в казацтво на поле, а ни рекою на низ, служат в местах (замках) боярам, або мешчанам, тии колядки давати, або сена косити не повиини». О каневских казаках, кроме того, говорилось, что, отправляясь на городские уходы, добывая там рыбу, бобров и мед и возвращаясь назад, они половину обязаны были давать своему старосте³⁸.

³⁷ Описания украинских замков // Киевская старина. 1884. Август, 588.

³⁸ Там же, 589.

Таким образом, из всех приведенных документальных данных видно, что первоначально на юге России явились казаки татарские, за татарскими казаками — казаки украинные, или южнорусские, чисто славянской народности. В первое время южнорусские казаки представляли собой не больше как пограничную стражу, состоявшую под главным ведением воевод и второстепенным — старост литовско-русских пограничных замков и городов. Популярнейшим из старост, Ландскоронскому и в особенности Дашковичу, сколько известно, выпала первая роль если не организовать казацкое сословие, как утверждают это польские писатели Несецкий, Старовольский, Зиморович и немецкий историк Энгель³⁹, то, по крайней мере, сплотить его в одно целое. При них ядром малороссийского казачества сделались города Черкассы и Канев; а скоро после них казачество, постепенно увеличиваясь в своей численности, заняло Киевскую, Черниговскую, Полтавскую и южную часть Подольской губернии. Однако рядом с казаками-пограничниками и их начальниками-старостами изредка действовали и

³⁹ Бантыш-Каменский. История Малой России. М., 1842, I, 99, 101.

независимые «купы» казаков под начальством собственных вожаков. Своим вожакам казаки давали названия гетманов (от немецкого *hautmann* — капитан) и первоначально придавали этому слову значение вообще предводителя, не соединяя с ним представления ни об административной, ни о судебной власти, как было впоследствии. Целью первых движений малороссийских казаков из городов в степи, как показывают приведенные свидетельства 1489, 1499, 1652 годов, были интересы военные и промышленные. Так, одни из них уже в это время воевали у Буга с татарами; другие, в качестве рыболовов, звероловов, пасечников и мелких торговцев, отправлялись к Днепру за разного рода добычей.

Такова видимая картина начала и развития южнорусского казачества. Но за этой видимой картиной скрываются несколько причин, благодаря которым южнорусское казачество, начавшись небольшими купами, дошло до развития в целое сословие и разлилось по обширной территории Малороссии и потом Запорожья.

В ряду таких причин первое место занимает причина земельная. Действие этой причины началось с переменой земельных отношений в южнорусских областях после перехода Киевского княжества в 1471 году к Литве и обращения его в воеводство. Литва, присоединив к себе русские

области, ввела в них собственный, феодальный порядок государственного строя, и тогда под влиянием этого порядка принцип земельного владения на Украине стал складываться совершенно иначе, чем он выражался в течение многих веков дотоле. По принципам южнорусского государственного строя земля принадлежала не отдельному лицу и не целому сословию, а считалась собственностью общины. По феодальному принципу литовского государственного строя земля считалась собственностью государя и раздавалась им лицам высшего и среднего сословия, отличавшимся на военном, административном или придворном поприще и потому считавшимся правоспособными на пользование земельными участками; крестьяне же, как низший класс населения, считались неспособными и потому не имевшими права лично на обладание землей. Этот принцип применен был и в отношении украинского населения, поступившего под власть Литовского княжества. Отсюда естественно, что южнорусское население, встретив не виданный им порядок вещей и постепенно обезземелившись, стало бросать центральные места государства и уходить на окраины его. Пользуясь правом перехода с одного места на другое, оно не встречало никаких препятствий при своих передвижениях и даже

находило сочувствие со стороны властных лиц, так как, при отсутствии постоянных войск в Литовском государстве тогдашнего времени, могло стать оплотом на порубежных владениях Литвы против подвижных, воинственных и жадных на добычу татарских наездников. Это и было первой из причин появления на Украине южнорусского казачества.

Второе место в образовании южнорусского казачества занимает экономическая причина. Эта причина состоит в зависимости от системы обработки земли в центральных областях Великого княжества Литовского до половины XVII столетия. До означенного времени в Великом княжестве Литовском ценными землями считались земли лесные, водные и болотные, на которых можно было вести лесное хозяйство, добывать рыбу, ловить зверей («бобровые гоны»), разводить пчел («пчелиные борты»). Земли же с черноземными залежами считались малоценными; самая обработка земли практиковалась в весьма малых размерах, единственно для первых потребностей хозяев. Оттого до 1569 года, или до так называемой Люблинской унии, литовские помещики совсем отказывались от окраинных черноземных земель, и правительство предоставляло их во владение низшему сословию. Но низшее сословие, получая эти земли в свои руки, должно было на

собственный страх и защищать их от воинственных соседей: чтобы удержать свое имущество и вместе с тем защитить семьи от хищных соседей, поселенцы украинских земель должны были взяться за оружие и стать на военную ногу, а это и было второй из причин появления южнорусского казачества.

Третьей причиной появления южнорусского казачества было существование в Белограде, Крыму и Азове татарских казаков. Уходя в степи ради зверя, дичи, скотоводства и пчеловодства, выплывая в реки и лиманы ради рыбы и соли, южноруссы постоянно сталкивались с татарскими казаками и постепенно усваивали от них как отдельные слова, так и костюм, вооружение, самые приемы битвы и наименование казаков. Если заимствования одного народа у другого происходят на почве мирных сношений, то тем больше делается заимствований между народами, поставленными во враждебные и воинственные друг к другу отношения: в этом случае, чтобы научиться побеждать более сильного неприятеля, нужно изучить все тонкости его боевой тактики и взять в руки одинаковое с ним оружие, надо, одним словом, располагать равномерными с ним боевыми средствами. Мирное южнорусское население, силою земельных и экономических обстоятельств вытесненное из центральных областей своего государства в степные окраины и ставшее лицом к

лицу с воинственным азиатом-наездником, волей-неволей усвоило себе все боевые приемы и самое наименование «казака».

Четвертой причиной появления южнорусского казачества была близость вольных степей. Чтобы вырасти, воспитать целое сословие, или общину, воинов — для этого нужен простор, нужны вольные земли, свободная, никем не занятая территория или, по крайней мере, окраины, пограничные со степной равниной. Оттого мы и видим, что как в самой Азии, так и в Европейской России казачество всегда начиналось на пограничной территории государств, развивалось и ширилось на открытых степных равнинах. Так было и в Южной России; сами южнорусские казаки, понимая это лучше, чем кто другой, вложили добытую ими историческую истину в поговорку «степь та воля — казацка доля», то есть воля начинается там, где начинается вольная степь, и вне степи нет ни казака, ни воли.

Наконец, в ряду перечисленных причин возникновения южнорусского казачества нельзя умолчать и об этнографических особенностях южнорусской народности, которой, в силу самой исторической подготовки, весьма сродна была такая форма общественной жизни, как казацкая община. Дело в том, что южнорусская народность, воспитанная на вечевом строе, самосуде и самоуправлении, потом ставшая в зависимость от

Великого Литовского княжества и не вполне вошедшая в колею государственных порядков его, оттого потянувшаяся на свободные, никем не занятые места, естественно могла стремиться воскресить в своей памяти «давно померкшие идеалы» некогда существовавших в Южной Руси, на началах полного самоуправления, общественных порядков и также естественно могла стремиться повторить их на новых землях, вдали от феодально-аристократических порядков Литвы и Польши. И точно, Запорожье, с его товариществом, выборным началом старшин, войсковыми радами, общим скарбом, общей для старшин и простой массы пищей, отдельными куренями — все это те же общинно-вечевые порядки древней южнорусской жизни, но только дошедшие до самого высшего предела развития⁴⁰.

Так или иначе, но документальные данные говорят, что первоначально на юге теперешней России появилось татарское казачество, за ним возникло и образовалось городовое, малороссийское. За городовым, малороссийским следовало низовое, или запорожское, казачество.

⁴⁰ Киевская старина, 1884, IX, 587; Антонович. Исторические деятели Юго-Западной России. Киев, 1885, I, 2; Максимович. Собрание сочинений, I, 310.

Отправляясь из Киевского воеводства на низовья Днепра за рыбой, бобрами, солью, дикими конями и другой добычей, городские казаки населяли там места для низового запорожского или вольного казачества, не подчинявшегося ни воеводам, ни старостам, а слушавшегося лишь своих собственных вожаков, или атаманов. Конечно, община низовых казаков сложилась не сразу, а постепенно, и число ее последовательно увеличивалось различными людьми, недовольными существовавшими в Польско-Литовском государстве порядками и искавшими выхода из своего тяжелого положения.

По месту своего жительства, на низовьях Днепра, за порогами, вольное казачество называлось низовым, или запорожским, войском. С XV до половины XVII века этим именем назывались как собственно те, которые жили на Низу, за порогами Днепра, низовые, или запорожские, казаки, так и те, которые жили выше порогов, городские или реестровые и нереестровые казаки; они именовались общим именем «войска его королевской милости запорожского». С половины XVII века городские казаки обособились от низовых, но удержали свое название «войска запорожского», хотя, живя в городах Украины, не имели никакого основания называться этим именем; низовые казаки, навсегда отделившись от

городовых, стали именоваться по праву запорожцами, сечевиками и строго отличали себя от городских казаков. В 1751 году запорожские казаки заявили официальную жалобу на то, что городовые казаки и их полковая старшина не по праву «называют себя и подписываются войском запорожским»⁴¹. В Москве часто смешивали собственно запорожских с городовыми украинскими казаками и нередко тех и других именовали общим именем «запорожских черкас».

Первым указанием отделения низовых, или запорожских, казаков от украинских, или городских, нужно считать указание 1568 года, когда казаки стали «на Низу, на Днепре, в поле и на иных входах перемешкивать», то есть проживать или иметь оседлости⁴², как говорит нам о том Архив Юго-Западной России. Но более определенным указанием обособления низового казачества от городского может служить реформа короля Стефана Батория, последовавшая приблизительно около 1583 года⁴³, о разделении

⁴¹ Киевская старина. 1889. Март, № 3, 741.

⁴² Архив Юго-Западной России, т. III, ч. III, 4.

⁴³ Киевская старина. 1884. Сентябрь, 45.

украинских казаков на реестровых и нереестровых — когда реестровые объявлены были, так сказать, подзаконным казацким сословием, а нереестровые — незаконным. Последние, горя ненавистью к правительству, устремились за пороги Днепра и там установили «свою волю, свою правду, свою силу». Наконец резкое отделение запорожских казаков от городских окончательно установилось в первой половине XVII века.

Начавшись со второй половины XVII столетия и просуществовав почти до конца XVIII, запорожцы до 1654 года находились в зависимости от Литвы и Польши, а с этого времени вошли в зависимость от России: на Переяславской раде они признали власть малороссийского гетмана и через него должны были сношаться с московским царем. Однако зависимость запорожцев от Литвы и Польши была более номинальной, нежели фактической. Так, хотя по указам литовско-польских королей, Сигизмунда-Августа и Стефана Батория, запорожские казаки должны были повиноваться старшине украинских казаков, но они не обращали внимания на эти указы. Поддерживая тесную связь с Украиной, они жили совершенно независимой от нее жизнью. Как пишет Миллер в «Рассуждении о запорожцах»: «Не отступая повиновением от гетмана по внешнему виду, надеясь на свою отдаленность, запорожцы

всегда мало и тогда только, когда им прибыльно казалось, повелениям малороссийского гетмана повиновались. Даже и тогда, когда гетманы стали именоваться гетманами обеих сторон Днепра, власть их в действительности не простиралась далее Кременчуга и Переволочной»⁴⁴.

В гораздо большей зависимости очутились запорожские казаки от Москвы, когда, с половины XVII столетия, перешли в ее подданство. Правда, в XVII веке эта зависимость выражалась еще в довольно слабой степени, но зато с начала XVIII века запорожцы все более и более теряли отличительные черты своей оригинальной жизни и под конец исторического существования жизнь запорожских казаков, если исключить безженность собственно сечевых товарищей, мало чем отличалась от жизни украинских казаков.

Несмотря, однако, на все различие запорожских и городошных казаков, между теми и другими в первое время исторического существования была такая тесная связь, что отделять историю одних от истории других в течение XVII и начала XVIII века не представляется никаких оснований. Только с половины XVII столетия различие между запорожскими и

⁴⁴ Миллер. Рассуждение о запорожцах. М., 1857, 14, 59.

городовыми, или гетманскими, казаками становится осязательным, а потому с этого именно времени начинается и собственная, в строгом смысле слова, история запорожских казаков.

По ходу исторических событий и по тем и другим задачам, которые брали на себя запорожцы, вся история запорожских казаков может быть разделена на следующие *шесть периодов* времени. Период образования запорожского казачества (1471–1583). Период борьбы против Польши за религиозно-национальную независимость Южной Руси (1583–1657). Период участия в борьбе за религиозно-национальную независимость Правобережной Украины против Польши, Крыма и Турции (1657–1686). Период борьбы против Крыма, Турции и России за собственное существование (1686–1709). Период существования запорожцев за пределами России и попытки их к возвращению в родные места (1709–1734). Период борьбы с русским правительством за самостоятельное существование и падение Запорожья (1734–1775).

Первые моменты исторической жизни запорожских казаков, как и всяких других народов, не оставивших по себе первоначальных письменных памятников, представляют собой загадку неизвестности и дают обильную пищу для всяких предположений и домыслов. Кто был истинным строителем их войска, каковы были

вначале их боевые средства, как широко простирался район деятельности их — на это никаких не имеется данных. Конечно, на первых порах в действии казаков не могло быть правильно осознанной и прямо поставленной задачи, и они в этот период времени должны были действовать партийно, или, как сами говорили, купами. Начало организации могло быть лишь с появлением на Низу общего предводителя казаков, впервые соединившего их в одно для общей цели — борьбы с мусульманами и положившего начало столице их, называемой Сечью. Первую попытку в этом роде, как утверждает автор летописи по Никонову списку, сделал знаменитый князь Дмитрий Иванович Вишневецкий⁴⁵.

Князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, истый казак по натуре и знаменитый вождь своего времени, был потомком волынских князей Гедиминовичей, родился в православной вере, имел трех братьев — Андрея, Константина и Сигизмунда — и состоял владельцем многих имений в

⁴⁵ Источники: Летопись по Никонову списку. СПб., 1791, 266, 272–275, 293, 298; Kronika Bielskiego, II, 1145–1449; Korona polska Niesieckiego, 1728–1748, IV, 545; Акты Южной и Западной России, I, II; Горецкий. Мемуары Южной России. Киев, 1890, I, 98.

Кременецком повете, каковы: Вишневец, Подгайцы, Окимны, Кумнин, Лотрика и другие. На исторической сцене Вишневецкий впервые стал известным с 1550 года, когда назначен был польским королем в старосты Черкасского и Каневского поветов. Каков был Вишневецкий как управитель поветов, нам неизвестно; известно лишь то, что в этом звании он оставался всего лишь три года; получив отказ от короля Сигизмунда-Августа по поводу просьбы о каком-то пожаловании, Вишневецкий, по старому праву добровольного отъезда служилых людей от короля, ушел из Польши в Турцию и поступил на службу к турецкому султану: «А съехал он со всею своею дружиною, то есть со всем тем казацтвом или хлопством, которое возле него пробавлялось», — писал о Вишневецком Сигизмунд-Август Радзивиллу Черному 15 июня 1553 года. Вскоре, однако, король, обеспокоенный тем, что турки в лице Вишневецкого приобретут отличного полководца с переходом его в Турцию, врага польскому престолу, снова привлек князя к себе, дав ему опять те же города Черкасы и Канев в управление. Управляя этими городами, князь хотя и был доволен на этот раз королем, но чувствовал недовольство в самом себе: душа его жаждала военной славы и ратных подвигов. Тогда он задался мыслью оградить границы Польско-Литовского

государства посредством устройства на острове Днепра крепкого замка и помещения в нем сильного гарнизона. Очевидно, Вишневецкий в этом случае хотел повторить то, что раньше его высказал Евстафий Дашкович. Свой план Вишневецкий хотел осуществить постепенно и высказал его открыто в 1556 году. Не найдя, однако, себе фактического сочувствия среди польских властных людей, Вишневецкий снова решил покинуть родину и искать счастья за пределами отечества.

В это самое время он узнал, что московский царь Иван Васильевич Грозный, желая предотвратить набег крымских татар на московские окраины, отправил два отряда русских ратников с путивльскими казаками на Низ — один под начальством Чулкова по Дону, а другой под начальством дьяка Ржевского по Днепру — и приказал им «добывать языков и проводывать про крымского хана». Весть о походе русских против крымцев пришлась как нельзя кстати по вкусу черкасско-каневским казакам, и они, собравшись в числе 300 человек под начальством своих атаманов Млинского и Михайла Еськовича, иначе называемого Миской, бросились вниз по Днепру и заодно с дьяком Ржевским и русским войском причинили много бед туркам и татарам под Ислам-Керменем, Очаковым и Волам-Керменем.

Подвиги казаков черкасско-каневских замков вызвали на сцену и самого старосту, князя Дмитрия Вишневецкого, и в то время, когда Ржевский после похода отступил в «литовскую», то есть западную сторону Днепра, Вишневецкий очутился на Днепре и расположился на острове Хортице, откуда рассчитывал открыть постоянные набеги на мусульман. С этой целью он устроил здесь, в 1556 году, земляной «город» против Конских Вод, у Протолчи, послуживший потом прототипом Сечи запорожских казаков.

О своих подвигах против татар и турок на Днепре князь Вишневецкий не замедлил известить, через служебника Миску (то есть Михайла Еськовича), короля Сигизмунда-Августа, прося у него королевской протекции. На то донесение король отвечал Вишневецкому грамотой, писанной если не весной, то летом 1557 года⁴⁶. В этой грамоте король отвечал Вишневецкому, что присланные им листы, через служебника Миску, получены во время пути, именно тогда, когда король ехал с королевой Екатериной с Варшавского сейма в Вильну, и, по распоряжению самого короля, служебник тот задержан был с ответами королевскими на продолжительное время.

⁴⁶ Грамота не датирована месяцем.

Распоряжение же это сделано было на основании известия, принесенного королевским послом, князем Андреем Одинцевичем, о намерениях и замыслах перекопского царя: перекопский царь, по известию королевского посла, о чем король узнал по приезде в Вильну, хотел добывать князя Вишневецкого в построенном им замке; вследствие этого известия, а также вследствие суровой зимы и трудного проезда к Вишневецкому и вследствие ожидания проезда посланного к Вишневецкому дворянина Василия Шишковича, король и приказал задержать отъезд Миски. Кроме этого, король писал Вишневецкому и о том, что он, сперва по слухам, а потом от присланного князем хлопца, узнал о нападении на Вишневецкого перекопского царя. Воздавая похвалу Вишневецкому за его службу, стойкость и мужественную оборону людей, при нем находящихся, король обещал и на будущее время не забывать его подвигов: «А что касается замка, построенного тобой, и твоей услуги, оказанной нам, то такая услуга приятна нам, потому что ты устроил на нас, господаря, замок на нужном месте, и именно такой замок, где была бы безопасная осторожность для удержания лихих людей шkodников с обеспечением панств наших. Но чтобы усилить тот замок людьми и боевыми средствами, как ты писал нам о том, то без личного твоего приезда к нам мы теперь не имеем достаточно основательных причин

исполнить это, хотя выводить тебя из замка на это время также не годится ради известия от тебя и из других мест («украин») о замысле со стороны великого московского князя соорудить замки при реке Днепре, в том именно месте, где и ты хотел будовать города, на нашей земле, а также и ради зацепок, на которые могли бы отважиться, в твое отсутствие, казаки и подвергать опасности области нашего государства. Выводить тебя из замка не годилось бы еще и для того, чтобы ты, оставаясь в нем, мог большую пользу принести, не допуская казаков делать зацепок чабанам и шkodить улусам турецкого царя, взирая на многие причины, на dokonчание и присягу нашу с турецким цесарем и вечный мир с перекопским царем». В заключение грамоты король извещал Вишневецкого об отпуске к нему какого-то Захарки, о котором князь писал королю, а также об отправке к князю собственного королевского слуги — дворянина с ответом на все письма и просьбы князя о возвращении из Польши посла перекопского царя вместе с польским послом Довгиром. Посла, отправленного к Вишневецкому, король приказывал людям Вишневецкого встретить у Черкасс, и самому князю, ввиду важности дела, с которым посол отправлен, выслушать его с особенным вниманием⁴⁷.

⁴⁷ Акты Южной и Западной России, II, 148.

Нужно думать, что отказ со стороны короля Сигизмунда-Августа в помощи людьми и боевыми средствами для защиты устроенного князем замка послужил причиной того, что Вишневецкий, оставив польского короля, вошел в сношения с русским царем.

В мае 1557 года Вишневецкий писал царю, что крымский хан Девлет-Гирей, с сыном и с многими крымскими людьми, приходил к Хортицкому острову, осаждал его двадцать четыре дня, но Божиим милосердием, именем и счастьем царя, государя и великого князя он, Вишневецкий, отбил от хана и, поразив у него много самых лучших людей, заставил его отойти от Хортицы «с великим соромом» и дать возможность князю отнять у крымцев некоторые из кочевий. В заключение Вишневецкий уверял царя, что пока он будет на Хортице, то крымцам ходить войной никуда нельзя.

В сентябре того же 1557 года Вишневецкий отправил от себя в Москву казацкого атамана Еськовича к царю Ивану Васильевичу бить челом о том, чтобы царь пожаловал князя и принял его к себе на службу; Еськович должен был сказать царю, что князь совсем отъехал от польского короля и поставил среди Днепра, на Хортицком острове,

против Конских Вод, у крымских кочевий, город.

Царь принял Еськовича с честью и, вручив ему «опасную грамоту» и царское жалованье для Вишневецкого, отправил, вместе с Еськовичем, боярских детей Андрея Щепотьева да Нечая Ртищева с наказом объявить князю о согласии царя принять его на службу Московского государства.

Спустя месяц после этого Вишневецкий отправил к царю новых послов, Андрея Щепотьева, Нечая Ртищева, князя Семена Жижемского да Михайла Еськовича, и через них извещал царя, что он (Вишневецкий) царский холоп и дает свое слово на том, чтобы ехать к государю, но прежде всего считает нужным повоевать против татар в Крыму и под Ислам-Керменем, а потом уже быть в Москве. И действительно, относительно своих намерений против татар Вишневецкий сдержал свое слово: в декабре названного года московский посол, живший в Крыму, извещал царя, что 1 октября князь Дмитрий Вишневецкий, выплывший на низовье Днепра, взял крепость Ислам-Кермень, людей ее побил, а пушки взял и вывез на Днепр, в свой Хортицкий город.

Почти через год после этого, а именно в октябре 1558 года, князь Вишневецкий снова и совершенно неожиданно подвергся второму нападению со стороны того же крымского хана, Девлет-Гирея. Взяв с собой, кроме татар, много

войска турецкого султана и молдавского господаря, хан внезапно подступил к Хортице и с яростью напал на Вишневецкого. Вишневецкий долго отбивался от хана, но потом, лишившись всякого пропитания и потеряв много людей, а еще больше коней, съеденных казаками, под конец оставил Хортицу и ушел к Черкассам и Каневу, откуда известил царя о всем происшедшем на Хортице и ждал от него дальнейших приказаний. Тогда царь, узнав о всем случившемся с Вишневецким, велел ему сдать Черкассы и Канев польскому королю, с которым у русских произошло перемирие, а самому ехать в Москву. Вишневецкий повиновался воле царя и в ноябре того же года приехал в Москву. Здесь он получил от царя жалованье, а также город Белёв со всеми волостями и селами в вотчину⁴⁸, да в иных городах «подклетные села и великие пожертвования», и за все это клялся животворящим крестом служить царю всю жизнь и платить добром его государству.

Однако в Белёве Вишневецкому пришлось оставаться недолго: дело в том, что в это самое время приехали в Москву черкесские послы с целью просить московского царя оказать помощь

⁴⁸ Теперешней Тульской губернии, на 125 верст ниже Тулы.

черкесам в их войне с крымцами. Царь, не поладивший перед этим с крымским ханом, решился воспользоваться просьбой черкесов в свою пользу, и в декабре месяце 1558 года снова отправил Вишневецкого, в качестве начальника над 5000 человек ратников, на крымские улусы. Вишневецкий двинулся из Москвы вместе с кабардинским мурзой Канклыком, собственным братом, атаманом, сотскими и стрельцами. Он ехал судном на Астрахань, из Астрахани сухопутьем к черкесам в Кабарду; в Кабарде ему велено было собрать рать и идти мимо Азова на Днепр, на Днепре стоять и наблюдать за крымским ханом, «насколько Бог поможет». Исполняя царское приказание, Вишневецкий сперва остановился под Перекопом и стал наблюдать за татарами; но крымский хан, извещенный польским королем о движении Вишневецкого, забил свои улусы⁴⁹ за Перекоп, а сам ушел вовнутрь полуострова. Тогда Вишневецкий, не встретив под Перекопом ни одного врага, перешел к Таванской переправе ниже Ислам-Керменя; простояв напрасно три дня на переправе, Вишневецкий отсюда поднялся к острову Хортице и близ него соединился с дьяком

⁴⁹ Слово «улус» на татарском языке значит «народ», «племя».

Ржевским и его ратниками. Встретив Ржевского выше порогов, Вишневецкий велел ему оставить все коши с запасами на острове, отобрал лучших людей из его рати — небольшое число боярских детей, казаков да стрельцов, — остальных отослал в Москву и потом с отборным войском пошел летовать в Ислам-Кермень, откуда имел целью захватить города Перекоп и Козлов. Получив известие об отходе хана за Перекоп, царь Иван Васильевич отправил к Вишневецкому посла с жалованьем и с приказанием князю оставить Ширия-Кобякова, дьяка Ржевского и Андрея Щепотьева с немногими боярскими детьми и стрельцами, Данила Чулкова да Юрия Булгакова с казаками, а самому ехать в Москву. Вишневецкий и на этот раз повиновался воле царя, оставил Днепр и скоро прибыл в Москву, откуда переехал в свой город Белёв. Зимой этого же года крымский хан, услышав о том, что московский царь оставил столицу и уехал в Ливонию, быстро собрал стотысячное войско и бросился по направлению к Москве; но узнав, что самые страшные для него люди, Шереметев и Вишневецкий, совсем не выезжали в Ливонию, так же быстро повернул назад и ушел в Крым.

В начале 1559 года царь снова отправил Вишневецкого против татар; ему дано было 5000 человек войска, а его товарищу Даниилу Адашеву

— 8000. Вишневецкий разбил 250 человек крымцев близ Азова, а Даниил Адашев выплыл в устье Днепра и отсюда бросился в Крым. Разгромив Крым и освободив множество христианских пленников, Адашев вновь вернулся к Днепру и поднялся вверх по его течению. Хан бросился за ним вдогон и настиг у мыса Монастырька, против Ненасытецкого порога, но, боясь сразиться с ним, ушел назад.

В то время, когда Адашев и Вишневецкий действовали против татар на Днепре, в это самое время, летом 1560 года, предводитель белгородских казаков Андчак ворвался в Киевское воеводство и опустошил поселение возле Белоцерковского замка, а потом написал письмо Сигизмунду Августу и в нем объяснил, что сделал свое нападение в отместку казакам киевским, белоцерковским, брацлавским, винницким, черкасским и каневским, причиняющим «великие шкоды» турецким подданным. По этому письму Сигизмунд Август отправил киевскому воеводе князю Константину Константиновичу Острожскому и всем украинским старостам приказание воспретить казакам, ввиду присяги и докончанья с турецким султаном и перекопским царем, делать нападения на турецких и татарских подданных и даже не позволять им ходить в поле для сторожи, хотя в то же время держать их наготове, чтобы

иметь возможность, при набегах со стороны татар на украинные области, вовремя ударить на врагов и отнять у них добычу и христианских пленников⁵⁰.

Между тем Вишневецкий, возвратившись в 1561 году из «Пятигорской земли» на Днепр и расположившись на урочище Монастырище, в 30 милях от Черкасс, близ острова Хортицы, стал сношаться с польским королем о том, чтобы снова перейти к нему на службу. Что побудило Вишневецкого к этому, неизвестно: не понравилось ли ему обращение Грозного с боярами в Москве, или же просто ему не сиделось на одном месте — источники не говорят об этом. Во всяком случае, находясь в урочище Монастырище, Вишневецкий отправил к королю Сигизмунду-Августу гонца с просьбой о том, чтобы он снова принял его к себе и прислал бы ему, по обыкновению, так называемый глейтовый, то есть охранный, лист для свободного проезда из Монастырища в Краков. Король охотно изъявил согласие принять Вишневецкого к себе на службу и прислал ему глейтовый лист сентября 5-го дня 1561 года: «Памятуя верные службы предков князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, мы принимаем его в нашу господарскую ласку и дозволяем ему ехать в государство нашей отчизны

⁵⁰ Акты Южной и Западной России, II, 152.

и во двор наш господарский для служб наших, не боясь строгости посполитого права и нашего от господаря каранья и неласки нашей за то; может он добровольно в панствах наших жить, пользуясь всякими вольностями и свободой, как и другие княжата, нанята и обыватели панства нашего»⁵¹. Принимая Вишневецкого вновь на службу к себе, король мотивировал свою милость к нему тем, что Дмитрий Вишневецкий ходил к московскому царю не для чего иного, как для того, чтобы узнать «справы неприятеля и тем принести возможно большую пользу Речи Посполитой». В свою очередь и казаки, бывшие с Дмитрием Вишневецким на Низу и оставленные им после отъезда, стали просить короля через черкасско-каневского старосту, Михайла Александровича Вишневецкого, о дозволении им возвратиться в места своей родины и прислать глейтовый лист.

Отправляя глейтовый лист князю Дмитрию Вишневецкому, король Сигизмунд-Август извещал о том и брата его (нужно думать, неродного), Михайла Александровича Вишневецкого. О казаках тому же Михайлу Вишневецкому король писал: «Лист для принятия казаков в наше панство мы

⁵¹ Акты Южной и Западной России, II, 155, 157.

приказали выдать и велели послать его до воеводы Киевского; кроме того, распорядились написать ему, чтобы его милость с тобой посоветовался, если те казаки придут в наше панство и меж ними окажутся такие, которые в недавнее время Очаков разорили («збурыли»), и если приход их не принесет никакой опасности от цесаря турецкого и царя перекопского, то, поразмысливши об этом хорошенько, велите послать им тот лист. И если между ними окажутся те, которые Очаков разоряли, то ты бы внушил им, чтобы они, не задерживаясь и не проживая в тамошних украинских замках, шли бы прямо в Могилевский замок, откуда мы велим направить их в Полоцк, а из Полоцка в землю Инфлянтскую (Эстляндию) и прикажем дать им содержание и живность. Посоветовавшись и поговоривши с ним об этом, извести нас о том немедленно»⁵².

Куда вернулись казаки, неизвестно, но известно то, что они покинули Хортицу и после их ухода «город» Вишневецкого, вероятно, был разрушен татарами, так как московский царь, собираясь воевать с Крымом, хотел строить новое укрепление «между Хортицей и Черкасами»,

⁵² Акты Южной и Западной России, II, 156.

которое бы заменило «город» Вишневецкого⁵³, как о том говорят все те же «Акты Южной и Западной России».

После этого Дмитрий Вишневецкий, вместе с одним польским магнатом, неким Альбрехтом Ласким, приехал в Краков, где был встречен массою народа с радостными приветствиями. Король очень ласково принял князя и простил ему его вину. Скоро после этого Вишневецкий очень сильно заболел, вследствие какой-то отравы, полученной им еще в юношеские годы. Король, узнав об этом и жалея князя, велел своим докторам осмотреть его. Доктора оказали помощь больному, и он благополучно встал с постели. Таким образом, с 1563 года Вишневецкий считался снова на службе у польского короля. Приняв к себе Вишневецкого, польский король, однако, не преминул при случае осведомиться у русского царя о причине отъезда его из Москвы. «Пришел он как собака и потек как собака; а мне, государю, и земле моей убытку никакого не причинил», — ответил царь Иван Васильевич королю Сигизмунду-Августу на вопрос о Вишневецком.

В это время Вишневецкий сделался настолько дряхлым, что едва мог садиться на коня, но дух

⁵³ Там же, 134.

героизма в нем все еще не угасал. Так, находясь в Кракове и сойдясь с Альбрехтом Ласким, владевшим молдавской крепостью Хотином и мечтавшим присоединить всю Молдавию к Польше, Вишневецкий задумал новое дело: он решился, по совету Лаского, овладеть Молдавией и сделаться ее господарем. Обстоятельства ему благоприятствовали. Дело в том, что в Молдавии в это самое время боролись за обладание престолом два претендента: господарь Яков Василид, иначе Ираклид, и боярин Томжа, иначе Стефан IX. Партия волохов, не желавшая избрания Томжи, узнав о планах Вишневецкого, отправила к нему посольство и обещала ему господарство, если только он, вместе с казаками, принесет присягу этой партии. Князь согласился и в 1564 году с 4000 казаков отправился в Молдавию. Передовой отряд его явился в то время, когда Томжа осаждал Василида в сучавском дворце; сам Вишневецкий по случаю болезни ехал сзади на возу. Его отряд поспешно прискакал к дворцу и стал требовать молдавской булавы для своего князя. Томжа, по-видимому, охотно согласился на это притязание и лично пошел встречать славного героя. Вишневецкий, не подозревая в этом никакого коварства, с небольшой дружиной двинулся к Сучаве; но тут, во время самого пути, видя ничтожность сил Вишневецкого, Томжа вдруг

переменил свою роль: он внезапно бросился на посланных в помощь князю людей, всех их перебил и готовился схватить в руки самого Вишневецкого; но Вишневецкий успел уйти и спрятаться в копну сена; к его несчастью, однако, он был замечен каким-то мужиком, приехавшим за сеном, и выдан Томже. Тогда Вишневецкого, вместе с его спутником Пясецким и некоторыми поляками, схватили и отправили в столицу Молдавии. Поляки после жестоких пыток, во время которых сам Томжа отрезал им носы и уши, отпущены были в Польшу, а Вишневецкий и Пясецкий тем же Томжей отправлены были в Царьград к турецкому султану, Селиму II. Получив пленников и пылая местью на них за разорение Крыма и южных городов, турки решили предать их жесточайшей казни: бросить живыми с высокой башни на один из железных крюков («так»), которые вделаны были в стену у морского залива, по дороге от Константинополя в Галату. Брошенный с башни вниз Пясецкий скоро скончался, а Вишневецкий, при падении с такой же высоты, зацепился ребром за железный крюк и в таком виде висел несколько времени, оставаясь живым, понося имя султана и хуля его мусульманскую веру, пока не был убит турками, не стерпевшими его злословий. Народ сохранил в своей памяти величественный образ князя и воспел его трагическую кончину в готовой

уже песне о казаке Байде⁵⁴. По словам песни, Байда так был славен, что сам султан предлагал ему собственную дочь в жены с условием, чтобы только он принял веру Магомета; но Байда настолько был предан православной вере, что с презрением отверг это предложение и стал плевать на все, что было дорого как простому магометанину, так и самому султану, а под конец ухитрился даже убить стрелой, поданной ему его слугой, самого султана с его женой и дочерью. Тогда турки, остервенившись на Вишневецкого, вынули у него, еще живого, по словам польского писателя Несецкого⁵⁵, из груди сердце, изрезали на части и, разделив между собою, съели его в надежде, так сказать, заразиться таким же мужеством, каким отличался всю жизнь неустрашимый Вишневецкий. Народ воспел славного героя в песне, дошедшей до нашего времени во многих вариантах.

⁵⁴ Байда, байдак, на общепоркском языке «буйдак» значит «холостой», «бобыль»: (Наливкин. Русско-сартовский и сартовско-русский словарь, II, 25).

⁵⁵ Писатель XVI века Леонард Борецкий о кончине Дмитрия Вишневецкого говорит коротко, что он умер «мучительною смертью» от турок (Мемуары Южной России, I, 98).

У Царыгради тай на рыночку
Там пье Байда мед-горилочку,
Ой пье Байда, та не день, не два,
Та не одну ничку, тай не годиночку.
Прийшов до нёго султан турецький:
— Ой шо ж бо ты робыщ, Байдо молодецький?
Ой ты, Байдо, та славнесенький,
Будь же ты лыцарь та вирнесенький, —
Покинь, Байдо, та пыты-гуляты,
Беры мою дочку та йды царюваты,
Беры в мене та царивночку,
Будешь паном та на Украиночку!
— Твоя вира проклятая,
Твоя дочка поганая!
Гей, як крыкне султан на гайдуки:
— Визьмить того Байду, визьмить ёго в руки!
Визьмить Байду крипко изьяжите
Та на ребро за гак добре почепите.
Высыть Байда та не день, не два,
Тай не одну ничку, тай не годиночку.
Высыть Байда про себе гадае,
Тай на свого цюру зорко споглядае,
Тай на свого цюру, цюру молодого,
И на свого коня, коня вороного;
Ой ты ж, цюро, цюро молоденький,
Подай мини лучок, та лучок тугенький,
Подай мини, цюро, тугый лучок,

Подай мини стрилок, стрилок цилый пучок!
Ой, бачу ж я, цюро, та тры голубочки,
Хочу я их вбиты за-для царский дочки.
Де я вмирю — там я вцилю,
Де ж я важу — там я вражу.
Ой як стрилив — тай царя вцилив,
А царыцю та в потылицю,
А их доньку — прямо в головоньку.
Не вмив, царю, та ты Байды вбыты,
За це ж тоби, царю, тай у земли приты,
Було б тоби, царю, конем пид изжаты,
Та було б тоби Байди голову изтяты,
Було б Байду в землю поховаты,
А ёго ж хлопця соби пидмовляты.

Глава 2

Перемешкивание казаков на Низу Днепра после князя Дмитрия Вишневецкого. Казацкие предводители: Бирю та Мадский, Карпо, Андруш, Лесун, Белоус и Лях. Нападения казаков на проезжих турецко-татарских купцов и русско-татарских гонцов. Политическая уния 1569 года Литвы и Польши и положение всего казацкого сословия в новом государстве. Меры польско-литовского правительства против казаков и назначение над ними особого правительственного

начальника, «старшого», Яна Бадовского. Походы Сверчовского в Молдавию в помощь господарю Пеоне против турок и действия низовых казаков. Кошевые атамань низовых казаков Фока Покотило и Самойло Кошка. Гетман Богдан Ружинский. Походы его с казаками в крымские владения и к берегам Малой Азии; взятие им города Трапезонта и гибель при взрыве крепости Аслама. Походы Ивана Подковы с казаками и их предводителем в Молдавию. Успех Подковы и гибель его. Преемник Подковы Александр и действия низовых казаков. Меры Стефана Батория против казаков.

Путь, намеченный князем Дмитрием Вишневецким, но оставленный им вследствие бессилия своего в борьбе с татарами, не был, однако, забыт казаками, и в 1568 году они снова очутились на Низу и с этих пор стали здесь «перемешкивать», то есть проживать и промышлять там: «Подданным нашим, тем казакам, которые, съехав из замков и украинских городов наших без позволения и ведома нашего господарского и старост наших украйных, на Низу, на Днепре, в поле и на иных входах перемешкивают. Мы имеем известие, что вы на тех поименованных местах, живя своевольно у разных входов, подданным царя

турецкого, чабанам⁵⁶ и татарам царя перекопского, делая набеги на их улусы и кочевия, большие шкоды и разорения чините и тем границы государства нашего от неприятеля в опасность приводите»⁵⁷.

Перемешкивая в полях и на Низу Днепра, казаки все еще, однако, считают Низ лишь временным своим местопребыванием и по истечении известного срока снова возвращаются в украинские города. Отсюда можно думать, что в это время на Низу не было еще ни Сечи, ни особого товарищества, ни отдельных старшин.

После смерти князя Дмитрия Вишневецкого казаки довольствуются тем, что нападают на проезжих торговцев и разных гонцов, грабят и разбивают их. Так, одна часть казаков в это время действовала под начальством каких-то атаманов Карпа, Андруша, Несуна и Белоуса, ниже города Черкас; она нападала там на турецкие и татарские караваны, ходившие с товарами в Москву, а также на крымских гонцов, ездивших от хана к польскому королю, и на украинских солепромышленников, спускавшихся из малороссийских городов в

⁵⁶ «Чабан» с татарского на русский — овечий пастух.

⁵⁷ Архив Юго-Западной России, т. I, ч. III, 4.

турецкий город Кочубеев, теперешний город Одессу. Другая часть казаков, под предводительством атамана Андрея Ляха, спустилась к речке Самаре, впадающей в Днепр выше Кодацкаго порога, и тут делала нападения на русских и крымских гонцов, а также на турецких и армянских купцов, по обыкновению ездивших с послами в Москву и обратно в Крым. Как пишет Соловьев в своей «Истории России», в это именно время казаки переняли московского гонца Змеева и какого-то неизвестного крымского посланца с несколькими купцами, тридцать человек купцов убили, а троим за то, что они покупали в Москве литовских пленников, руки отрубили⁵⁸.

В это же время, 18 января 1568 года, казаки, по словам малороссийского летописца, под предводительством славного наездника и сильного воина Бирули Мадского, впервые сделали сильное нападение на московское войско⁵⁹. Очевидно, летописец понимает здесь действие казаков во время Ливонской войны Польши с Россией при

⁵⁸ Соловьев. История России. М., 1879, VII, 30.

⁵⁹ Ригельман. Летопись. М., 1847, I, 21; Гвагнин в Собрании историческом Лукомского: Летопись Самовидца, 333.

царе Иване Грозном. Но насколько известно из других источников, в самом начале 1568 года казаки участвовали вместе с поляками и гетманом Ходкевичем в осаде московской крепости Улы.

Они наняты были для этой войны самим гетманом, но, по его же собственным словам, дошли только до рва крепости и потом бежали от нее. Впрочем, так же точно вели себя в это время и сами поляки⁶⁰. О действиях в других местах казаков этого времени ничего не известно.

Через год после этого в Литве и Польше произошло событие, которое имело огромное значение для развития южнорусского казачества вообще и запорожского в частности. Это событие — так называемая политическая уния, то есть соединение двух государств в одно, Литвы и Польши, происшедшее в 1569 году, при короле Сигизмунде-Августе. По этой унии к Польше, вместе с Литвой, была присоединена и Украина на правах свободной страны со свободным населением: «яко вольные до вольных и ровные до ровных люди». Так сказано было на бумаге, но не так вышло на деле. Поступая под власть Речи Посполитой, украинское население нашло здесь вместо «золотой» свободы «неключимое» рабство.

⁶⁰ Соловьев. История России, М., 1887, VI, 237.

Дело касалось прежде всего казацкого сословия.

Малороссийское казачество оказывалось в государстве Речи Посполитой совсем лишним сословием. Дело в том, что в Польше того времени существовало лишь три сословия — шляхетское, мещанское и хлопское; первое сословие было дворянское, второе — промысловое и ремесленное, третье — крепостное; ни к одному из этих сословий нельзя было приравнять казаков, так как дворяне их не приняли, а от мещан и хлопов они сами отказались ⁶¹, как пишет о том Антонович. Оставалось казаков поставить особо, но так как определенной организации у них не было, и только отправляясь в поход, они выбирали себе предводителей, возвращаясь же назад — поступали под ведение старост, то между старостами и казаками происходили постоянные ссоры и тяжбы: старосты гнули казаков под свой «регімент», казаки жаловались на великие утеснения и кривды со стороны старост. Тогда правительство сделало первые попытки упорядочить казацкое сословие и с тем вместе прибрать его к своим рукам. С этою целью объявлено было, через коронного гетмана Юрия Язловецкого, о выдаче казакам жалованья из

⁶¹ Антонович. Архив Юго-Западной России, ч. III, т. I, XXXIII.

королевского скарба, и тут же сделана была попытка привлечь казаков к юрисдикции коронного гетмана: низовые казаки должны были признать над собою власть гетмана и подчиниться суду и управе особого королевского чиновника, который должен носить название казацкого старшого. Таким старшим и вместе с тем судьей был впервые объявлен, в 1572 году, белоцерковский шляхтич Ян Бадовский: «Находя годным на то дело, — пишется в универсале короля Сигизмунда-Августа 5 июня 1572 года, — пана шляхтича Яна Бадовского, с давнего времени служившаго верно и усердно господарю своему (королю), гетман коронный Юрий Язловецкий назначил его старшим и судьей над всеми низовыми казаками с тем, чтобы он каждому, кто будет иметь дело до казаков и кто придет с Низу до замков и городов наших, чинил бы над ним по справедливости»⁶².

Казаки ясно видели, куда направлены были цели правительства Речи Посполитой, и потому, желая сохранить свою независимость, волей-неволей брались за оружие и тем постепенно сплачивались в сильную и оригинальную общину, мало-помалу росли в своем развитии и через то находили в самих себе силы для борьбы внутри и вовне государства.

⁶² Акты Южной и Западной России, II, 175.

Но Люблинская уния коснулась и крестьянского населения Южной Руси. Крестьянское население, очутившись во власти Польши, стало испытывать все неудобства применения на нем новых государственных и общественных порядков. Через эти порядки оно лишалось личной свободы вследствие широкого произвола, каким пользовалось в Польше привилегированное сословие в ущерб непривилегированному, и последовательно ограничивалось в земельных правах. Не имея средств спасти личную свободу и удержать за собой земельные права, крестьянское население выходило из своего положения и стало стремиться в ряды казачества, чем значительно усилило это сословие.

Поняв намерение правительства и усилившись крестьянским населением, казаки уже с этого времени почувствовали в себе большую силу, и польско-литовские короли, став впервые лицом к лицу с ними, оказались бессильными в своих мерах для того, чтобы сделать их послушными своей воле. Впрочем, в этом случае много значило и то обстоятельство, что правительство Речи Посполитой, приняв казаков в числе других сословий Украины, уже на первых порах стало в противоречие с самим собой. В этом отношении оно поступало смотря по видам своей политики и обстоятельствам дела: видя в действиях казаков в

одно и то же время и пользу и вред для Польши, оно в первом случае давало полную волю им, во втором случае или старалось отвлечь в другую сторону, или грозило истребить их в самом основании⁶³.

В этом противоречии самому себе состояла и дальнейшая политика польско-литовского правительства в отношении казаков: когда они были нужны королям, то призывались на сцену и поощрялись в их набегах на татар и турок, когда не были нужны, объявлялись врагами отечества и всячески стеснялись в действиях.

Но эти то поощрительные призывы, то запретительные постановления только разжигали страсти казаков, увеличивали их численность и заставляли многих бежать из городов Украины на низовья Днепра. Сами поляки, часто не признававшие королевского авторитета и действовавшие на собственный страх в делах войны и мира с соседями, также в значительной мере способствовали усилению казаков. Так, в 1574 году, то есть через два года после назначения особого «старшого» над казаками, польские шляхтичи, под предводительством Сверчовского, родом поляка из Мазовецкого воеводства, ходили походом в

⁶³ Киевская старина, 1884, август, 601.

Молдавию в помощь господарю Ивоне во время его борьбы с турками.

По словам современника события, Леонарда Горецкого, это дело произошло следующим образом.

В небольшом Молдавском государстве возгорелась борьба между двумя претендентами на обладание молдавской короной — молдавским господарем Ивоней и братом волошского господаря Петром, или Петриллою. Получив отказ от польского короля Генриха во вспоможении против Петра, поддерживаемого турецким султаном Селимом, Ивоня обратился к полякам, и на его зов явился, в 1574 году, предводитель Сверчовский, составивший около себя милицию, самопроизвольно собравшуюся в поход без ведома своего правительства и потому именно названную польскими историками именем «казаков». Эти «казаки» все до единого были поляки и ничего общего не имели с казаками низовыми, или запорожскими, принимавшими лишь косвенное участие в действиях Сверчовского и его сподвижников. Вместе с господарем Ивоней «казаки» Сверчовского были при взятии крепости Браилова, при поражении отдельного отряда турецкого не доходя Браилова, при взятии крепости Тятина (Бендер), при поражении турок под Аккерманом, при осаде крепости Тейвицы;

участвовали в решительной битве, 9 июня, у реки Дуная и вместе с Ивонею отступали от берегов ее. После трагической кончины Ивони, как пишет господин Мельник в своих «Мемуарах Южной России», польские «казаки» частью были перебиты, частью взяты в плен; в числе последних был и Сверчковский⁶⁴. Собственно низовые казаки во время подвигов Сверчковского и его товарищей, по указанию Мацеевского, разгуливали под начальством атамана Фоки Покотило на лодках по Черному морю и тревожили турок, не давая им возможности всеми силами ударить по Молдавии⁶⁵.

Около этого же времени по Черному морю плавал казацкий атаман Самойло Кошка⁶⁶, называемый иначе Кушкой и Косткой⁶⁷. Но этот

⁶⁴ Мельник. Мемуары Южной России, I, 101–134.

⁶⁵ Журнал Министерства народного просвещения, 1837, август, 496.

⁶⁶ Точных указаний о первом кошевстве Кошки не имеется.

⁶⁷ Величко. II, 380; Грабянка. 25; Летописи Белозерского, 56; Heidenstein. II, 448.

Кошка попался в плен к туркам и находился на турецкой галере около 25 лет, как полагают, до 1599 года⁶⁸. По летописи, изданной Белозерским, после Самойла Кошки у казаков был еще вождь Бородавка.

В это время казаки представляли собой уже довольно значительную силу, страшную татарам и туркам, жадную на добычу и подвиги, жившую большей частью в низовьях Днепра, по его островам. Польский летописец XVII века Мартин Бельский описывает жизнь казаков этого времени в следующих подробностях.

«Эти посполитые люди обыкновенно занимаются на Низу Днепра ловлею рыбы, которую там же, без соли, сушат на солнце и тем питаются в течение лета, а на зиму расходятся в ближайшие города, как то: Киев, Черкассы и другие, спрятавши предварительно на каком-нибудь днепровском острове, в укромном месте, свои лодки и оставивши там несколько сот человек на курене, или, как они говорят, на стрельбе. Они имеют и свои пушки, частью захваченные ими в турецких замках, частью отнятые у татар. Прежде не было так много казаков, но теперь их набралось до нескольких тысяч человек; особенно много их увеличилось в

⁶⁸ Исторические песни мал. народа. Киев, 1874, I, 227, 228.

последнее время. Они причиняют очень часто большую беду татарам и туркам и уже несколько раз разрушали Очаков, Тягинку, Белгород и другие замки, а в полях немало брали добычи, так что теперь и турки и татары опасаются далеко выгонять овец и рогатый скот на пастбище, как они прежде пасли, также не пасут они скота нигде и по той (левой) стороне Днепра на расстоянии десяти миль от берега. Казаки нас больше ссорят с турками; сами татары говорят, что если бы не казаки, то мы могли бы хорошо с ними жить; но только татарам верить не следует: хорошо было бы, чтобы казаки были, но нужно, чтобы они находились под начальством и получали жалованье; пусть бы они жили на мысах и на днепровских островах, которых там так много и из которых некоторые столь неприступны, что если бы там засело несколько сот человек, то самое большое войско ничего бы с ними не сделало. В числе этих островов есть остров, который казаки называют островом Коханья ⁶⁹ [вероятно, имеется в виду Кухарев остров, который лежит между порогами и выше острова Хортицы]; лежит он между порогами, на расстоянии 40 миль

⁶⁹ К этому названию подходит Кухарев остров, который лежит между порогами и выше острова Хортицы (Яворницкий. Вольности запорожских Козаков, 73).

от Киева, занимая несколько миль в длину. Если татары замечают, что на этом острове сторожат казаки, то не так смело переправляются на нашу сторону, потому что с этого острова можно препятствовать переправе татарского войска через Кременецкий и Кучманский броды⁷⁰, которыми оно обыкновенно к нам переправляется. Недалеко от этого острова есть другой, называемый Хортицей, тот самый, на котором перед этим Вишневецкий жил и татарам очень вредил, так что они не смели через то так часто к нам вторгаться; несколько ниже этого острова в Днепр впадает река Тысмевица, на 44 мили от Киева⁷¹ [реки с таким названием не встречается в записях ни в XVII, ни в XVIII веке]. Есть и третий такой остров, который называется Томаковка, на котором больше всего проживают низовые казаки, так как он служит для них самым крепким замком; против него впадают в Днепр две реки Тысмен и Фесын, вытекающие из

⁷⁰ Кучмань-шлях, шедший через правые притоки Буга Саврань, Кодыму и Кучмань мимо Бара ко Львову (Кулиш. История воссоединения Руси, I, 55).

⁷¹ Ни в XVII, ни в XVIII веке не встречается с таким названием речки ниже Хортицы (Яворницкий. Вольности запорожских казаков, 122).

Черного леса⁷². Есть там немало и других меньших островов, и если бы на них построить замки и осадить населения, то татары не посмели бы так часто врываться к вам, но мы почему-то нашли лучшим защищаться от них у Самбора. Водю также им (казакам) ничего нельзя было бы сделать, потому что с моря никакие галеры и боты не могут пройти в Днепр по причине порогов, которым сам Господь Бог определил там быть, и если бы не это обстоятельство, то турки давно бы навестили этот край; казаки же так свыклись с этой местностью, что проходят пороги в своих кожаных лодках, которые они называют чайками и на которых спускаются вниз и встаскивают против течения на веревках вверх. В таких самых лодках Русь в прежнее время причиняла вред греческому императору, подплывая иногда к самому Константинополю, как о том пишет греческий историк Зонара. Пожалуй, и теперь казаки так поступили бы, если бы их было много. Потому-то турки и хотят, чтобы этот край оставался пустым и незаселенным, чрез что они могли бы безопасно оставаться в Царьграде. Был в этих краях раньше, в Белограде, большой порт, из которого до самого

⁷² Этих рек также не имеется ни на каких планах ни XVII, ни XVIII века.

Кипра пшеницу с Подолии возили; теперь чрез тот город, сухим путем на Очаков к Москве ходят только караваны. Из Белогграда пролегает широкая дорога, на которой казаки часто турецких купцов разбивают, и если хотят добыть языка, то добывают его скорее всего именно там. Если бы мы захотели привести в порядок казаков, то это легко можно было бы сделать, — нужно принять их на жалованье и построить города и замки по самому Днепру и по его притокам, что весьма легко сделать, так как и дерева, и леса на островах имеется весьма достаточно, — было бы лишь к тому желание; об этом очень мудро говорил Ян Орышовский, который долгое время был у казаков гетманом и очень хорошо изучил те места; он взялся бы за это дело и выполнил бы его непременно»⁷³.

На основании высказанного Бельским желанья о необходимости построения на Низу Днепра постоянной крепости против татар, следует думать, что и в это время, то есть в 1574 году, все еще не было постоянной Сечи на Днестре, и казаки только временно «мешкали» на острове Томаковке,

⁷³ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1358–1360; о том же Александра Гвагнина: Собрание историческое Лукомского в Летописи Самовидца, 329–332.

хотя уже и закладывали основание для постоянного существования своей столицы.

В 1575 году казаки предприняли поход на Крым. На этот раз ими предводительствовал князь Богдан Михайлович Ружинский, родом из Ружина, Владимирского повета, славный потомок Гедимины, литовского великого князя ⁷⁴, «муж сердца великого», как называет его Папроцкий, популярнейший вождь между казаками, известный у них и у некоторых из польских историков под простым прозвищем Богданка. «Презрел он богатства и возлюбил славу защиты границ. Оставив временные земные блага, претерпевая голод и нужду, стоит он, как мужественный лев, и жаждет лишь кровавой беседы с неверными». Так характеризует князя Богдана Ружинского польский геральдик Папроцкий. Князь Богдан Ружинский ⁷⁵ сделался известным сперва как начальник польской

⁷⁴ Г-н Новицкий высказывает предположение, что Богданко Ружинский носил и другое имя, Михайлы, по отчеству Евстафиевича; обыкновенно же его называют Богданом Михайловичем (Киевская старина, 1882, II, 83; Исторические песни малорусского народа, I, 166).

⁷⁵ Князья Ружинские: Киевская старина, 1882, II, апрель, 59–84; Bielskiego, Kronika, Sanok, 1856, 111, 1367.

казацкой милиции, охранявшей границы Польской республики. Увидев общность интересов как пограничных, так и низовых казаков, Богдан Ружинский перешел к низовым казакам, и тут имя его, как смелого и мужественного вождя, скоро сделалось известным и в далекой Москве. Как пишет Соловьев: «Из Москвы государь прислал на Днепр, к голове, князю Богдану Ружинскому, и ко всем казакам днепровским с великим своим жалованьем и с приказом к ним: если вам надобно в прибавку казаков, то я к вам пришлю их, сколько надобно, и селитру пришлю и запас всякий, а вы должны идти весною непременно на крымские улусы и на Козлов. Голова и казаки взялись государю крепко служить и очень обрадовались государственной милости. Хан, услышав эти вести, созвал на совет князей и мурз и стал говорить: «Если казаки придут, то они прежде всего возьмут Белоград да Очаков, а мы у них за хребтом», но князья и мурзы отвечали на это: если придет много людей на судах, то города не остановят их; ведь казак — собака: когда на них приходят турецкие стрельцы и на кораблях, то они и тут их побивают и корабли берут»⁷⁶.

Богданка воспользовался случаем, когда

⁷⁶ Соловьев. История России, М., 1879, VII, 31.

татары, в октябре 1575 года, по повелению султана Амурата, мстившего Польше за помощь Сверчовского Ивоне, бросились, в числе 11 000 человек, «на Русь», произвели в ней страшные пожары, захватили множество христиан в плен и погнали их на переправу к Днестру⁷⁷. С отборной дружиной неустрашимых казаков Богданка ворвался в татарские владения за Перекоп, опустошил страну огнем и мечом, освободил много христианских пленников из неволи, а пойманных туземцев предал лютейшей казни: казаки Богданки мужчинам выкалывали глаза, женщинам резали груди, детей безжалостно убивали⁷⁸, как пишет о том Мельник в «Мемуарах Южной Руси». После похода на Крым Богданка с низовыми казаками пустился в открытое море и, приставая к берегам Малой Азии, брал турецкие города и истреблял в них жителей. Так, он взял Трапезонт и вырубил его население, потом овладел Синопом и разрушил его до основания, после чего подходил даже к

⁷⁷ Мельник. Мемуары Южной Руси, I, 136. По словам Бельского, поводом к походу Богданки на Крым было вторжение татар за Днепр и захват ими в местности возле Синявы до 50 000 человек христиан в плен (Kronika, III, 1366).

⁷⁸ Мельник. Мемуары Южной Руси. Киев, 1890, I, 136.

Константинополю и «взял под ним многие корысти»⁷⁹. Ровно через сто лет после этого запорожские казаки вспоминали о славных походах Богданки и грозили повторить снова подобные походы на Крым⁸⁰, читаем мы у неоднократно уже упоминаемых Величко и Грабянко. Возвратившись с моря, Богданка в 1575 году предпринял поход на турецкую крепость Аслам-город, построенную турками для преграждения выхода казакам в устье Днепра и в Черное море, и обрушился на нее с такой силой, что от нее не осталось и следов никаких, зато тут же, во время штурма замка, сам погиб при взрыве крепости подкопом⁸¹. О причине такого фанатического озлобления Богданко против мусульман ни польские, ни малорусские историки не говорят, — говорит лишь народная дума о Богданке, указывая на пленение татарами жены и

⁷⁹ Грабянка. Летопись. Киев, 1854, 22. То же говорит и Гвагнин: Собрание историческое Лукомского, 349, 350.

⁸⁰ Величко. Летопись. Киев, 1851, II, 380; Грабянка. 21, 260, 349.

⁸¹ Niesiecki. Korona polska, 1740, III, 896; Kronika Marcina Bielskiego, III, 1367; Бантыш-Каменский. История Малой России, I, 124.

убиение матери его:

Ой Богдаве, запорожський гетьмане,
Та чому ж ты ходыш в чорням оксамыти?⁸²
Гей, булы ж у мене гости, гости татарове,
Одну ничку ночувалы;
Стару неньку зарубалы,
А мыленьку соби взяли⁸³.

Все изложенные действия казаков произошли в тот период времени польской истории, который носит название «междоцарствия» (1574–1576), когда из Польши бежал Генрих Анжуйский и вместо него потом выбран был король Стефан Баторий (1576–1586), даровитый вождь, политик и администратор своего времени.

Приняв в свои руки управление Речью Посполитой, Стефан Баторий между другими вопросами внутренней политики встретился и с

⁸² После набега татар на Украину в 1575 году, когда взято было в плен 35 000 человек жителей, послы из русских провинций, по словам современного историка Оржельского, прибыли на сейм в траурной одежде.

⁸³ Исторические песни малорусского народа. Киев, 1874, I, 163.

вопросом о казаках. Но при всех своих административных и государственных способностях Баторий не придумал в этом вопросе ничего нового против своих предшественников, и его отношения к казакам противоречат одно другому: то он грозит вконец истребить казаков за их набеги на турецко-татарские владения, то дает им полное право на существование, сказываясь перед турками тем, что казаки не зависят от его власти и состоят из сброда людей всевозможных народностей. Очевидно, Баторий действовал в этом случае, как и его предшественники, применительно к общему течению политических дел.

Тотчас по вступлении на польский престол Стефан Баторий должен был вести борьбу с жителями города Гданьска (Данцига), которые не хотели признать Батория своим королем и желали вместо него видеть на польском престоле австрийского императора Максимилиана. Тогда Баторий весной 1577 года открыл войну с гданыцами, и против них действовал Ян Зборовский с поляками и казаками. Казаки и поляки поразили гданыцан под Тщевом ⁸⁴ (Тчевом), причем 4527 из них убили, 1000 человек полонили,

⁸⁴ Шмидт пишет «Тчев» (История польск. народа. СПб., 1866, II, 103).

шесть штук знамен с собой взяли и, кроме того, большую добычу получили⁸⁵, как пишет о том Самовидец.

Одобрив действия казаков под Гданьском, Стефан Баторий совсем иначе отнесся к ним за поход в Молдавию. Поход в Молдавию казаков при Стефане Батории связан был с предприятием некоего Ивана Подковы. По словам польского летописца Мартина Бельского, жившего в XVII веке, это произошло таким образом.

Между запорожскими казаками жил некто Иван Подкова, отличавшийся большой силой и могущий гнуть рукой подковы, за что и получил свое прозвище. По одним сведениям, он был двоюродный брат погибшего в борьбе с Петром Ивони, по другим — простой холоп⁸⁶. Волохи в конце ноября 1577 года отправили к Подкове, секретно, своих посланцев и через них просили его приехать к ним в качестве наследного владельца Молдавии и взять в собственные руки «батьковщину», доставшуюся ему от брата его

⁸⁵ Самовидец. 1878, 381; Шмидт. История польского народа, II, 103.

⁸⁶ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1430; Heidenstein. Dzieje polskie. СПб., 1856, I, 285.

Ивони. При этом волохи, через тех же посланцев, жаловались на своего господаря Петра за его невыносимые кривды и за тесную связь с турками, к которым он питал особенное благоволение и многих из них держал при своем дворе.

Подкова благодарил послов за оказанную ему честь, однако согласился на предложение не сразу, а попросил сперва у них же самих совета, каким бы путем ему исполнить их просьбу. Послы возвратились назад, и скоро после этого Подкове присланы были два письма, со множеством печатей знатнейших волошских бояр, одно для передачи киевскому воеводе князю Константину Острожскому, а другое для передачи барскому старосте. В этих письмах бояре усиленно просили воевод дать Подкове помощь дойти лишь до Днепра, а далее они будут сами ждать его в известный день со своим войском. Взяв эти письма, Подкова приехал с ними в город Бар и, вручив их старосте, вступил с ним в тайную беседу. Во время этой беседы староста откровенно объявил Подкове, что он рад был бы помочь ему и ничего ему не стоило бы это сделать, но, ввиду существующего между Польшей и Турцией мира, решиться на это без согласия и приказа короля не может; зато обещает просить о том, через письмо короля, а тем временем советует Подкове погостить где-нибудь в другом месте, так как, проживая в Баре, он мог бы

выдать себя и тем поднять тревогу во всей волошской земле. Подкова поблагодарил за все старосту и уехал от него прочь.

Скоро об этом узнал некто Станислав Копыцкий, один из пограничных панов, который только что вернулся с поля в Бар; он явился к Подкове, поздравил его с неожиданным счастьем и вызвался помогать ему, по мере возможности, в его деле. Подкова усердно благодарил Копыцкого и просил его исполнить выраженные обещания на самом деле, за что, в свою очередь, обещал щедро наградить его в том случае, если Господь Бог позволит сесть ему в отчизне на престол, куда призывают его подданные его. Тогда Копыцкий, пользуясь расположением у казаков, с которыми он пробыл около 20 лет, отправился к ним со всеми своими деньгами, собранными им на службе, и раздал их между казаками. Копыцкому во всем помогал один волошанин Чапа, который женился в Брацлавской волости и через то проживал в ней. Благодаря стараниям Копыцкого и Чапы, возле них собралось 330 человек казаков, единого отборного народа, над которыми гетманом был некто Шах. Явившись к Подкове, казаки ворвались в волошскую землю; но, услышав о том, что волошский воевода Петр выступил против них с большою силою и со многими орудиями, каких у них самих не было, повернули, запасшись

живностью, назад, решив попытать счастья в другой раз.

Тем временем волошский господарь Петр, узнав о происшедшем, послал турецкого чауша к галицкому каштеляну, возвращавшемуся к этому времени от турецкого султана, после заключения мирного союза, с жалобой на то, что, вопреки условиям мира и союза, казаки снова опустошают султанские владения и добиваются посадить на волошском господарстве некоего Подкову. Господарь требовал от галицкого каштеляна написать польскому королю письмо о том, чтобы он поскорее помешал этому, изловил и наказал по закону Подкову, а над всеми казаками учинил бы расправу, в противном случае грозил гневом и немилостью турецкого султана. Все это каштелян галицкий досконально вылил королю. Короля это очень обеспокоило, и он немедленно послал своего коморника с письмами к коронному гетману, а также к некоторым русским панам, чтобы они постарались поймать Подкову и всех сообщников его. После этого гетман выслал три роты, над которыми поставил старшим своего слугу Боболецкого. Боболецкий направился в город Немиров, где находился раньше того Подкова, и действительно застал его в Немирове. Но Подкова вовремя узнал об этом и выехал из города, имея при себе 50 человек пеших казаков с рушницами.

Достигши какого-то брода, Подкова стал в воде коням по брюхо и выставил впереди себя стрельцов. Когда Боболецкий подъехал к броду и заметил, насколько Подкова выбрал трудное для стычки место, то, повернув назад, поехал в Немиров. Вслед за ним, в тот же Немиров, поехал и Подкова — Боболецкий в замок, а Подкова тайно прямо в город. Прибыв в Немиров, Боболецкий потребовал у начальника той части города, где скрылся Подкова, выдачи его, но получил от начальника города ответ: «Выдать тебе я его не могу, но и не защищаю его; возьми его сам, если сможешь». Тогда Боболецкий удалился прочь, ничего не сделав с Подковой.

После этого коронный гетман донес королю, что настигнул Подкову в Немирове, но наместник брацлавского воеводы (Ян Збаражский) отказался его выдать. Король немедленно послал своего коморника к воеводе с приказанием выдать Подкову. Но пока королевский коморник приехал в Немиров, Подкова уже успел собраться и сделать набег на волошскую землю. На помощь к нему явился гетман Шах, который взял с собой 600 человек казаков, а 400 человек оставил на Низу; он вышел на шлях, называемый Пробитым, и приветствовал Подкову как волошского господаря, приказав бить перед ним в кожаные бубны. Казаки провели Подкову до Сорок, где чернь принимала

его как своего господаря.

Между тем молдавский господарь Петр, узнав о всем случившемся, стал готовиться к бою против Подковы, и когда казаки подошли к Яссам, то Петр выстроил значительное войско, поставив на переднем фланге своей рати турок, числом до 500 человек, вооруженных стрельбами. Это обстоятельство тотчас же заметили казаки и выстроились так, что вражеские выстрелы не причиняли им никакого вреда. Тут кто-то пустил молву, будто между казаками был человек, который умел заговаривать ружейные пули; в действительности же это происходило оттого, что, когда враги подносили к орудиям фитили, то казаки, заметив дым, тотчас же падали на землю и таким образом делались неуязвимы для выстрелов. Турки, полагая, что казаки побиты, ринулись на них целою массой, но те, сорвавшись с мест, бросились на них со всей силой и встретили врагов таким сильным огнем из рушниц, от которого у неприятелей тот же час пало 300 коней, а остальные разбежались по сторонам.

Потерпев первое поражение, господарь Петр, вместо того чтобы приказать своим людям идти в атаку, велел им отступать и, не возвращаясь в Яссы, повернул к низовым землям брата своего, мультанского господаря, а оттуда отправил послов к турецкому султану с жалобой на казаков,

подданных польского короля, за то, что они вытеснили его из его собственных владений и передали их другому. На такую жалобу турецкий султан отвечал господарю так: «Я считаю тебя моим подданным и посадил тебя для того, чтобы ты служил мне там, где бы я ни приказал, а ты вместо того требуешь от меня службы; теперь я приказываю тебе выгнать негодного человека, и если ты этого не сделаешь, то я сниму тебе голову, а вместо тебя посажу другого господаря».

Тем временем Шах с казаками благополучно и без урона возвел Подкову на волошское господарство. Казаки въехали в город Яссы накануне праздника ев. Андрея 1577 года, и Подкова тотчас же выпустил на волю всех пленников, бывших в городе, без выкупа. Между ними был некто Боки, шляхтич из Волыни, проданный туркам татарами; на гербе его значился белый топор на красном фоне, а сверху желтый крест. Потом Подкова стал раздавать важнейшие должности своим сподвижникам: Шаху поручил весь волошский народ; Чапе — маршалство, начальство над войсками и управление двором, Копыцкому дал Хотинское буркалабство (то есть губернаторство). После же всего этого он отправил к турецкому султану посла за господарским знаменем, но посла его перехватили в дороге и не допустили до султана.

Между тем прежний господарь, Петр, собрал большое войско и двинулся к Яссам. Когда казаки прослышали об этом, то посоветовали Подкове не ожидать неприятеля в замке, а выступить ему навстречу. Подкова послушался совета казаков, и когда Петр был недалеко от Ясс, то Подкова, с казаками и волошским народом, выступил против Петра и выстроил вперед казаков, желая, чтобы они первые выступили на бой; но казаки, не доверяя волохам, не согласились на то. Тогда Шах поставил настороже нескольких человек казаков, чтобы они сами убедились в бесхитростном отношении к ним волохов: он велел погнать вперед войска стада лошадей и рогатого скота, желая тем сбить неприятельских пехотинцев с места, а впереди стад допустил выйти турецким отрядам. Все это так и случилось, и турки так долго гарцевали в виду войск Подковы, что казаки стали терять терпение и начали сами стремиться к бою. Но Шах, желая, чтобы турки еще ближе подъехали, несколько задержался. Только тогда, когда турки уже были атакованы, Шах велел направить на них ручную стрельбу. Результатом этой битвы было то, что одна часть войска Петра осталась побитой, а другая обратилась в тыл. Казаки, воспользовавшись этим, принялись стрелять скот, выставленный Подковой; скот же, повернув назад, начал давить оставшееся в живых войско Петра. Стоявшие на правой руке

Подкова и на левой Шах скоро заметили это и разом ударили на своих врагов; они с такой силой били и секли растерявшихся неприятелей, что очень большое число их положили на месте; сам господарь едва успел, с остатками войска, спастись бегством.

Несмотря на такой исход битвы, Подкова, однако, очень сомневался насчет того, сможет ли он удержать за собой молдавские владения, тем более что он получил известия о том, что к Петру шла немалая помощь от семиградского господаря, брата короля Стефана Батория, Христофора Батория, и это делалось по распоряжению самого короля, который был большим другом Петра и желал, чтобы за ним осталось молдавское господарство. Оттого Подкова выехал вовремя из Ясс, захватив предварительно в нем 14 орудий, самые ценные вещи и большой запас провизии. Старый хотинский буркалаб, которого Копыцкий выгнал из Хотина и который проживал по сю сторону Днепра, в имении Якуба Струся, узнав о том, что Подкова идет из Ясс, выехал тайком из своего убежища, внезапно схватил Копыцкого и отдал его своим стражам, а потом, вместе с ним, поехал к своему господарю, но тут натолкнулся на казаков, которых выслал Подкова навстречу Копыцкому, чтобы ему было безопаснее ехать из Хотина. Казаки тотчас отняли у буркалаба Копыцкого, самого буркалаба рассекли

на части, не пощадили никого и из людей, бывших с ним.

Приближаясь к Сорокам, Подкова раздумывал, как бы ему направиться на низовье Днепра: полем ехать он опасался из-за больших снегов, а мимо Немирова — боялся гетмана и воеводы брацлавского, которые, по приказу короля, усердно старались его поймать.

Против Подковы вышел гетман, но, видя, что у него очень мало народа, не хотел на него нападать, рассуждая так, что он и без пролития крови возьмет его в свои руки. Брацлавский воевода, Ян Збаражский, будучи в Немирове, пригласил к себе нескольких человек казаков вместе с их гетманом Шахом. Тут воевода объявил им о том, сколько он имел неприятностей от короля, не чувствуя себя ни в чем виноватым перед ним, из-за Ивана Подковы, которого казаки вели на Молдавское государство и тем дали повод турецкому султану нарушить мир. Воевода советовал казакам посерьезнее отнестись к этому делу и не гневить короля, а Подкове рекомендовал ехать к королю и оправдать свой поступок, заверяя его, что такого рыцаря, как Подкова, король примет вполне милостиво. Воевода вызвался даже свести Подкову к коронному гетману, а гетман сведет его к королю. Казаки передали эти слова Подкове, и Подкова охотно принял предложение и отправился

с воеводой к гетману, подарив первому 12 орудий, второму — 2 орудия. Гетман отослал Подкову в Варшаву, но король принял его неблагосклонно и велел посадить в тюрьму, надеть на него оковы и приставить сильную стражу. Узнав об этом, турецкий султан послал к Баторию своего чауша и через него стал требовать выдачи ему Подковы; Стефан Баторий хотя и не исполнил требования султана, однако, в угоду ему, велел Подкове отрубить голову, что и было исполнено в городе Львове в 1578 году. Польский король делал в это время приготовления к войне с русским царем и потому находил нужным обеспечить себя со стороны турок, для чего и казнил Ивана Подкову.

После казни Подковы казаки, мстя за гибель его, нашли где-то брата его Александра и с ним снова ударились в Молдавию и снова выгнали было Петра из княжества. Но на этот раз сами турки разбили казаков и многих из них привели в Царьград, а выставленного ими претендента на молдавский престол, Александра, посадили на кол⁸⁷.

Такая смелость со стороны казаков объясняется отчасти тем, что они находили сочувствие в своих набегах на турецкие владения со

⁸⁷ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1430–1435, 1440.

стороны не только простого украинского населения, но даже и знатных польских панов. Так, приехавший в 1578 году к польскому королю турецкий чауш с требованием казни Подковы заявил жалобу на брацлавского воеводу Яна Збаражского и дворянина Филона Кмиту в том, что они содержат в своих местностях казаков, делают с ними набеги на турецкие владения и причиняют туркам большие убытки. Так как по этому поводу предъявлено было от Порты новое требование, то король Стефан Баторий отправил особых комиссаров с Яном Тарлом во главе к низовцам с целью исследования вопроса об обидах, чинимых казаками татарам и туркам, и с намерением усмирения казаков; но посланные комиссары, после долгих споров с казаками, следствия произвести не могли и возвратились ни с чем к королю⁸⁸.

Король старался снять с себя всякую вину за действия казаков и, отправляя весной того же 1578 года своего посла Мартина Броневского в Крым, велел ему относительно казаков говорить так: «Если казаки нападут на татарские улусы, то это будет наверное без нашего ведома: мы их не только не желаем содержать, напротив того, желали бы

⁸⁸ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1440, 1441; То же Гвагнин в Собрании Лукомского: Самовидец. 1878, 357.

истребить, но у нас в тех местах нет столько военной силы, чтобы совладать с ними. Для достижения этой цели ханский посол советовал нам, во-первых, запретить украинским старостам давать им селитру, порох, свинец и съестные припасы, во-вторых, не позволять казакам проживать в украинских селах, городах и замках и, в-третьих, пригласить старших казаков на королевскую службу. Попробуем, можно ли их привлечь к себе»⁸⁹.

Не довольствуясь этим, Стефан Баторий вслед за отправкой посла в Крым послал универсал к своим пограничным старостам с упреком в том, что они действуют заодно с низовыми казаками, дают им у себя пристанища и вместе с ними ходят в турецкие владения: «Не впервые уже я убеждал ларов старост не скрывать у себя низовцев и не снабжать их порохом, свинцом и съестными припасами; но они меня не слушались и тем навлекли со стороны татар опустошительный набег на пограничные области. В последнее время ханский посол прямо указывал, что предводители низовцев, Шах и Арковский, зимовали один в Немирове, а другой в Киеве, и при этом объявил, что никакие подарки не будут достаточны для

⁸⁹ Кулиш. История воссоединения Руси. СПб., 1874, I, 90.

удержания татар от набегов, если казаки не перестанут беспокоить их владений. В таком положении дела повелели мы Константину Константиновичу князю Острожскому, киевскому воеводе, чтоб он, исполняя свой договор с перекопским царем, двинулся к Днепру и прогнал оттуда разбойников-казаков, а кто из них попадет ему в руки, карал бы смертью. Всем же украинским старостам повелеваем содействовать в этом князю Острожскому и также ловить и карать смертью запорожцев, когда они разбегутся с низовьев Днепра»⁹⁰. О мерах, принятых против казаков, Стефан Баторий сообщил крымскому хану Махмеду-Гирею; но тут же заявил, что он не уверен, чтобы низовцы, по возвращении посланного против них князя Острожского, снова не собрались на Низу, так как выгнать казаков из «диких мест» весьма трудно, тем более что им покровительствует Москва, в области которой они нередко и уходят, чтобы спастись от преследований поляков⁹¹.

Несмотря на меры, принятые Стефаном Баторием, низовцы не переставали чинить походов

⁹⁰ Кулиш. История воссоединения Руси. СПб., 1878, I, 91.

⁹¹ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1442.

за Перекоп в татарские владения и ходить с новыми претендентами на престол в Молдавию, каким был и Петр Лакуста — волошанин, называвший себя сыном казненного турками Александра. 17 апреля 1579 года низовцам послан был особый универсал. В нем король, называя казаков запорожскими молодцами, говорил, что так как они вступили в королевскую службу, то обязаны верно служить королю и Речи Посполитой и во всем повиноваться черкасскому старосте, под начальством которого состоят; а между тем они этого не делают и уже в третий раз предпринимают поход в Молдавию, чем нарушают мирный договор Речи Посполитой с Турцией. Тут же король уверял, что новый претендент на молдавский престол, называющий себя сыном Александра, есть обманщик и самозванец; указывал им вместо Молдавии на Россию, куда они могли бы ходить беспрепятственно и добывать там больше славы, чем в Молдавии, и в заключение требовал полного себе повиновения, в противном случае, как пишет о том Кулиш в «Истории воссоединения Руси», грозил им лишением имущества и жизни⁹².

Зная, однако, по опыту, как принимались

⁹² Кулиш. История воссоединения Руси. СПб., 1878, I, 92, 94.

низовыми казаками королевские универсалы, Стефан Баторий на одних угрозах не остановился: он придумал средство обессилить и сократить число низовых казаков посредством формирования в Речи Посполитой так называемых выбранцев. Выбранцами названа была пехота, составленная, по решению сейма 1578 года, из каждых двадцати людей по одному человеку. Выбор производился в каждом городе, местечке и селении и непременно по добровольному желанию человека. Каждый выбранец, изъявивший согласие на королевскую службу, должен был обмундироваться на собственный счет — иметь известного цвета платье, рушницу, саблю, топор, порох, свинец и обязан был являться в назначенное место каждую четверть года к ротмистру или поручику, зато он освобождался от всяких общественных податей и повинностей в мирное и в военное время. Таким образом, как пишет все тот же Кулиш, выбранцы не имели надобности уходить за пороги, на низовья Днепра, в Великий Луг, ради заработка, и тем увеличивать собой численность низового, или вольного, казачества⁹³.

Однако, несмотря на эту меру, низовые казаки

⁹³ Кулиш. История, I, 93; Шмидт. История польского народа, II, 107.

по-прежнему не переставали тревожить татар и турок своими набегами, и в 1579 году крымский хан, отправляя своего посла к Стефану Баторию, снова заявлял через него жалобу на казаков. На эту жалобу король отвечал тем, что казаки — люди вольные и потому усмирить и наказать их, как людей вольных, и трудно, и непристойно, хотя он всячески будет стараться об удержании их от набегов на татарские владения⁹⁴. В оправдание своих слов король разослал в январе 1580 года из города Варшавы универсалы к урядникам и шляхтичам Киевского, Подольского, Волынского и Брацлавского воеводств с приказанием им предотвращать «своевольных» людей от вторжения их в турецкие пределы⁹⁵.

Довольно холодный тон ответа польского короля крымскому хану по поводу жалобы последнего на казаков объясняется самым обстоятельством дел в Польше. В это время (начиная с 1579 года) Польша вела так называемую Ливонскую войну с Москвой и потому очень нуждалась в казаках. Во все время Ливонской

⁹⁴ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1440, 1507; Гвагнин в собрании историческом Лукомского: Самовидец. 1878, 357.

⁹⁵ Архив Юго-Западной России, ч. III, т. I, 12–14.

войны казаки помогали полякам: взятием возле Полоцка замков Красного, Великолуцка, Заволочья, Невеля, Усвята, Туровля и Нисцерда, под начальством Франциска Сука, какого-то Микиты и какого-то Бирули, добычей языков при походе к Велижу у Двины, и особенно отличились они у Стародуба, в конце 1580 года. В это же время, по словам польского летописца Бельского, низовые казаки, со своим гетманом Яном Орышевским, ворвались в московские земли и причинили там большие škody: они сожгли город Стародуб и с большой добычей вернулись назад⁹⁶.

Возвратившись из ливонского похода, казаки вновь обратили свое внимание на Крым, где в это время, после смерти Девлет-Гирея, воцарился Магмет-Гирей. Желая предупредить внутренние междоусобия в Крыму, Магмет-Гирей обнажил меч против двух младших братьев своих и заставил их бежать «в поля». Но в полях, после долгого скитания, царевичи изловлены были казаками и доставлены старосте черкасскому, князю Михайлу Вишневецкому⁹⁷.

⁹⁶ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1447, 1449, 1454, 1457, 1460, 1467, 1480.

⁹⁷ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1485.

В 1582 году крымский хан опять повторил свою жалобу на казаков⁹⁸, хотя жалоба эта вызвана была, по догадке польского летописца, главным образом тем, что турецкий султан собирался в это время походом на Персию, а потому особенно добивался удаления казаков с низовьев Днепра. Стефан Баторий снова сослался на то, что казаки люди вольные и усмирить их составляет большой труд. На это ханский посол сказал, что если король не усмирит казаков, то перекопский царь не станет держать перемирия с королем и ворвется в пределы Польши. Услышав это, Стефан Баторий, после отъезда посла, двинул 22 роты конного войска на Подол для предупреждения вторжения туда татар⁹⁹.

Но вторжения татары в Подолию на этот раз не сделали, а казаки в этом же 1582 году напали на возвращавшихся из Москвы в Крым ханских послов и пограбили их. Тогда хан, через своего посла, потребовал от Стефана Батория удовлетворения и объявил, что он ждет ответа, сидя на коне, и в случае отказа со стороны короля немедленно

⁹⁸ Hammer. Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 152, 155.

⁹⁹ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1507, 1444.

вторгнется с сорока тысячами турок в Польшу. На такую речь король отвечал, что он не ответен за казаков, так как между ними столько же татар, сколько и других наций людей, и что против угроз хана он готов выставить собственное войско. И точно, желая предупредить хана, Стефан Баторий приказал коронному гетману Замойскому собирать войска, и когда гетман объявил поход, то к нему присоединился с собственными полками и князь Константин Острожский. Видя такую решимость со стороны польского короля, татары не посмели сделать нападения на пограничные польские владения, хотя уже было и подошли к Днепру и сделали набег на Подолию¹⁰⁰.

Для избежания на будущее время столкновения с турками и татарами король вновь приказал пограничным стражам не допускать казаков к походам против мусульман, но в половине этого же 1582 года, после так называемого Запольского перемирия, объявлено было об окончании войны Польши с Россией, во время которой украинские казаки принимали такое деятельное участие, и тогда масса этого, привыкшего к войне люда стала бросать свои

¹⁰⁰ Albetrandy. Panowanie Stephana Batorego, Warszawa, 1823, 222; Kronika Marcina Bielskiego, III, 1512.

пепелища на Украине и уходить на низовья Днепра¹⁰¹. Король, еще не зная замысла казаков, особенно расхваливал их за подвиги во время польско-русской войны и в 1583 году рекомендовал радным панам казаков как людей, показавших особые доблести, которым и грядущие поколения должны удивляться: «нужно, — говорил король, — чтобы на них обращено было особенное внимание»¹⁰².

А между тем казаки, собравшись на низовьях Днепра и войдя в соглашение с пограничной шляхтой, в том же 1588 году бросились в Молдавию и опустошили ее, а потом вторглись в турецкие владения и тут взяли крепость Ягорлык и разграбили город Тятин. Король, узнав об этом, приказал пограничному войску ловить казаков и заключать их в оковы. Казаки, в свою очередь, уведомясь о королевском приказании, приняли свои меры. Как пишет о том Соловьев в «Истории России», они проши Киевским воеводством в пределы Московского государства и спаслись там от преследований, и только часть из них была изловлена и поплатилась лишением свободы,

¹⁰¹ Heidenstein. Dzieje polskie. СПб., 1857, II, 361.

¹⁰² Albetrandy. Panowanie Stephana Batorego, 387.

будучи закована в кандалы¹⁰³. После этого Стефан Баторий, желая выгородить себя перед турецким султаном за набег казаков, поспешил известить его, что нападение сделано было на турецкие города людьми своевольными, которые будут строго судимы, и взятая ими добыча и отбитые пушки будут возвращены по принадлежности туркам. Султан был польщен такой предупредительностью, хотя потребовал жестокого наказания виновных в разорении Тягина, а также пригрозил королю войной на будущее время за подобные нападения со стороны казаков¹⁰⁴.

Повторявшиеся из года в год набеги казаков на турецко-татарские владения и оттого постоянные угрозы со стороны Турции и Крыма Польше давно уже заставляли короля Стефана Батория предпринять решительные меры против казаков, и если он откладывал привести казаков к строгой дисциплине, то делал в этом случае уступку обстоятельствам и нуждам республики.

Все малороссийские летописцы приписывают приведение казаков «в лучший порядок» королю

¹⁰³ Соловьев. История России, М., 1879, VII, 32.

¹⁰⁴ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1516; Albetrandy. Panowanie Stephana Batorego, 237–239.

Стефану Баторию и относят это к 1576 году¹⁰⁵, тогда как польские летописцы XVI века или совсем не говорят об этом, или же ограничиваются одними только намеками, как делает, например, в своей хронике Бельский. Под 1578 годом он сделал заметку всего лишь в две строчки: что Стефан Баторий успокоил страну от турок, татар и казаков, которых несколько подтянул, поставивши над ними гетманом Орышовского из герба Правдича¹⁰⁶. Такой же неясный намек дает в своем универсале, 17 апреля 1579 года, и сам король Стефан Баторий по поводу нападения казаков на Молдавию с Петром Лакустою: «Так как вы (казаки) вступили в нашу службу, то обязаны верно служить нам и Речи Посполитой» и проч.¹⁰⁷ Оттого современные историки и исследователи Малороссии ставят регуляцию казаков, произведенную Стефаном Баторием, под различными годами, но вероятнейшею кажется догадка, относящая это дело

¹⁰⁵ Летопись Грабянки, 1854, 21, 22; Собрание историческое Лукомского в летописи Самовидца, 1878, 349; Сборник летописей. Киев, 1888, 3; Ригельман. Летопись, I, 25.

¹⁰⁶ Kronika Marcina Bielskiego, III, 1441.

¹⁰⁷ Кулиш. История воссоединения Руси. СПб., 1874, I, 94.

к 1583 году¹⁰⁸. Что казацкой регуляции не было в 1576 году, это видно из приведенной выше инструкции, какую давал Баторий своему послу Броневскому, ехавшему в Крым в 1578 году: в ней король велел сообщить Магмет-Гирею, что он, по совету самого же хана, попытается привести в порядок казаков, но что выйдет из того — сам не знает. Также есть основание думать, что и в 1581 году такой регуляции у казаков еще не было, потому что пойманных в это время в диких полях двух крымских царевичей, бежавших от хана Магмет-Гирея, казаки предали в руки старосты черкасского, князя Михайла Вишневецкого, тогда как, при существовании отдельного казацкого уряда, они должны были бы передать их в руки собственного начальства. Подлинной грамоты о казацкой реформе не сохранилось, но она приводится в универсале гетмана Богдана Хмельницкого, писанном в 1655 году, и самим универсалом относится к 1576 году. Сущность же реформы приводится у всех малороссийских летописцев то короче, то сокращеннее, но в общем дело идет об одном и том же.

Лукомский в «Самовидце» описывает это так: «В 1576 году король польский Стефан Баторий,

¹⁰⁸ Киевская старина, 1884, сентябрь, 45.

видя у казаков большую против турок и татар храбрость и отвагу, привел их в лучший порядок: определил им гетмана и старшину, даровал знамя, булаву, бунчук и печать с войсковым гербом, на которой изображен рыцарь с мушкетом на правом плече, с левою рукою, упертою в левый бок, с саблею у того же левого бока и с рогом для ношения огнестрельного пороха и с перекинутым колпаком на голове; кроме того, после гетмана король назначил им обозного, двух судей, писаря, двух есаулов, войскового хорунжего и войскового бунчужного, полковников, полковых старшин, сотников и атаманов; не дал только король пушек казакам, потому что казаки, разоряя турецкие и татарские города и крепости, сами достали себе пушек. Устроивши казаков, король повелел им быть на страже против татар во всей готовности около днепровских порогов; рассуждая же об их храбрости, он с предсказанием заметил, что будет от тех юнаков когда-то Речь Посполитая вольная. В одно время с этим король учредил и запорожским казакам кошевого атамана и всю их старшину и пожаловал, как и гетману, войсковые клейноды, только к печати их перед рыцарем прибавил стоящее копьё, знаменующее бодрствующего воина. Кроме всего этого, помимо

старого кладового ¹⁰⁹ казацкого города Чигирина дал еще низовым казакам для пропитания город Терехтемиров с уездом и монастырем для пребывания в нем больных и на войне раненных. И всем казакам, как городовым, так и запорожским, назначил жалованье по червонцу в год и по кожуху, чем казаки долгое время были очень довольны»¹¹⁰.

Так рассказывает о казацкой реформе, произведенной королем Стефаном Баторием, один из малороссийских летописцев. Подробнее об этом излагается в грамоте короля Стефана Батория, помеченной 1576 годом, данной на имя кошевого атамана Павлюка, приведенной потом в универсале гетмана Богдана Хмельницкого.

«Богдан Хмельницкий — гетман обеих сторон Днепра и войск запорожских. Панам, енеральной старшине, полковникам, полковой старшине, сотникам, атаманам и черне всего войска украинского и всякой кондиции людем так же кому б о сем теперь и в потомние часы ведать надлежало объявляем сим нашим уневерсалом, иж атаман

¹⁰⁹ То есть города, в котором складывали артиллерию и продовольствие.

¹¹⁰ Лукомский. Собрание историческое: Самовидец. Киев, 1878, 349.

кошовий войска низового запорожского пан Демян Барабаш в обец (обще) со старшиною войсковою и атаманами куренними положили перед нами грамоту наияснейшего короля польского Стефана Батория в року 1576 месяца августа 20 дня на прошение антецессора нашего гетмана Якова Богданка и кошового низового запорожского войска Павлюка данную, в якої королевской грамоте написано, иж его королевская мосць, видячи казаков запорожских до его королевского маестату зичливую прихильность и рыцарские отважные службы, которими завжди (всегда) великие бусурманские погромляючи силы, гордое их прагнене (жажду) на кровь христианскую до конца затлумили и пашеку их на корону полскую и на народ благочестивий украинский рикаюицюю, замкнули и вход в Полшу и Украину заступили и все их неищетные силы и наглие на народ христианский набеги грудмы своими сперли; якие их службы нагорожаючи и дабы им войска запорожского казакам для земовых станций где было прихильность (пристанище) мети, также от неприятеля ранених своих заховуваты и лечиты, в других долегающих (настоятельных) нуждах отпочинок маты (иметь) и всякой пожиток ку воле своей забираты, а чтоб также и наперед заохочени были зичдиво в войску служиты и против неприятелей отчизни своей охочо и неомилно отпор

чиниты, — надает его королевская мосць казакам
нызовым запорожским векуисте (вечно) город
Терехтемиров с монастырем и перевозом, опрочь
(кроме) складового старинного их запорожского
города Чигрина и от того города Терехтемирова на
низ по-над Днепром рекою до самого Чигрина и
запорожских степов, к землям чигринским
подойшлих, все земле и со веема на тих землях
насаженными местечками, селами и футорами,
рибными по тому берегу в Днестре ловлями и иними
угодий; а вширь от Днестра на степ, як тих местечок,
сел и футоров земле (земли) здавна находились, и
тепер так ся тое в их заведаньи мает заховаты:
городок старенний же запорожский Самар с
первозом и землями втору Днестра по речку Орель,
а вниз до самих степов нагайских и кримских, а
через Днестр и лиманы Днестровий и Боговий, як из
веков бивало по очаковские влуси, и в гору реки
Богу по речку Синюху; от самарских же земель
через степ до самой реки Дону, где еще за гетмана
казацкого Прецлава Ланцкорунского казаки
запорожские свои земовныки мевали (имели). И же
би тое все непорушно во веки при казаках
запорожских найдовалось, его королевская мосць
тоєю грамотою своею казакам запорожским
укрепил и утвердил и просил он пан кошовий
запорожский Барабаш со всем войском
запорожским и нашего на тое гетманского

универсалу прекладают жалобу, же чрез многие перешедшие года от войны с татарами, турками, волохами, а на остаток и с ляхами войско запорожское вне веч изруйновалось и о таких утисках все оние их городки и земле с рук у их вилуплени що не тулко коней своих, но яких в войску служат, але и себе чим прокормить с чего не мають; мы теди Богдан Хмелницкий гетман хотя и удалялись от такого войска запорожского просби, ведаючи их и самих от стародавних королей полских привилегиями утоцненвих и особливие кленоти и армату войсковую маючих, но же ми от всего войска и народа украинского по обоим сторонам Днепра далеко разшираючогось нам врученную моц и владзу як в войску, так и по всех городах и всем украинским народам диридовать маючи, так поюй звериной владзи нашої на тую просбу пана кошового и всего войска запорожского прихиялючись тими всеми городами, местечками, селами и хуторами и зих всякими угодий як от наияснейшого короля полского Батория войску запорожскому надано владеть и пожитковать с того дозволяем и чтоб тое все непорушно вих владзи вовеки било сим нашим универсалом ствержаем вроку ануария с белой церкви»¹¹¹.

¹¹¹ Копия универсала хранится в Московском отделении общего архива Главного штаба. Дела князя Потемкина, опись

Взятая в частности, эта грамота тщательно разобрана была русским историографом XVIII века Григорием Миллером и оказалась наполненной позднейшими вставками и добавлениями, не соответствующими хронологическим данным. Так, в ней говорится о том, что за казаками оставлен был их старинный город Чигирин, но из документальных данных, а именно из грамоты Сигизмунда III черкасскому старосте Александру Вишневецкому «об основании на пустом урочище, называемом Чигрин», известно, что этот город основан в 1589 году, спустя три года после смерти короля Стефана Батория¹¹². Также несвоевременно было пожалование Стефаном Баторием казакам и города Самары, так как этого города в 1576 году и даже значительно позже этого времени вовсе не было, потому что германский посол Эрих Ласота, ехавший в 1594 году по Днепру к запорожцам и останавливавшийся в устье Самары, ни слова не говорит о существовании в области этой речки города Самари, хотя обо всех выдающихся местах и урочищах на всем протяжении своего пути Ласота рассказывает с особенной подробностью и редкой

194, связка 181, № 1.

¹¹² Миллер. Исторические сочинения. М., 1846, 43.

точностью¹¹³. Академик Григорий Миллер думает, что город Самарь запорожцы получили уже при гетмане Богдане Хмельницком. Кроме того, странно допустить существование зимовников в Запорожье при гетмане Предславе Ландскоронском, — существование их возможно было лишь при условии оседлости казаков, а во время Предслава Ландскоронского о такой оседлости не могло быть и речи. Нельзя не обратить внимания также и на то, что в этой грамоте казаки, жившие в малороссийских городах, и казаки, жившие в низовьях Днепра, смешиваются в одно, и центральный город первых отдается вместе с тем и вторым, тогда как запорожцы не могли доказать своих прав владений впоследствии даже на речку Самарь, не говоря уже о землях выше Самары, а тем более о местечке Терехтемирове, находившемся выше Черкасс и Белой Церкви и несколько ниже Киева. Наконец, в грамоте Стефана Батория, как передается она в универсале гетмана Богдана Хмельницкого, Миллер указывает и на явное противоречие: грамота то дает земли казакам в таких размерах, в каких они издавна владели ими по Днепру, то в позднейших границах, когда казаки

¹¹³ Киевская старина. 1884. Сентябрь, X, 43, примеч. 2.

сосуществовали с татарскими кочевьями¹¹⁴.

Подвергая сомнению в частности грамоту Батория, исследователи, однако, не сомневаются в произведенной королем реформе казаков.

Сущность этой реформы состояла в том, что король ввел на Украине так называемый реестровый список и в этот список приказал внести лишь 6000 человек казаков; за этими шестью тысячами правительство только и признавало право на существование казаков как свободного сословия, а что было сверх этих шести тысяч — то отчислялось от казацкого сословия и поступало в сословие людей посполитых. Внесенные в реестр 6000 человек разделились на шесть полков: Черкасский, Каневский, Белоцерковский, Корсунский, Чигиринский и Переяславский; каждый полк подразделялся на сотни, сотни — на околицы, околицы — на роты; при полках полагалась земельная с поселениями собственность, которая давалась на ранг, или чин, каждому старшине и оттого носила название ранговой земли. Всем реестровым казакам, как пишет Грабянка, определено было жалованье деньгами и

¹¹⁴ Миллер. Исторические сочинения, 43; Киевская старина, 1884, X, 44.

сукнами¹¹⁵; им выданы были особые войсковые клейноты; назначен был центральный город с монастырем, шпиталем и смежной землей — Терехтемиров; разрешено было иметь собственный в городе Батурине судебный трибунал; объявлен был вместо старосты и воеводы особый «казацкий старшой», который обязан был подчиняться польскому коронному гетману и которого казаки обыкновенно называли гетманом; после «старшого» остальных старшин — полковников, судей, есаулов, писарей — позволено было казакам выбирать самим. Реестровые казаки должны были по этой реформе содержать особый гарнизон в Терехтемирове и, кроме того, караул в 2000 человек за порогами Днепра¹¹⁶.

Цель Баториевой реформы была двоякая: с одной стороны, король, внося в реестр казаков, хотел сделать их послушными своей воле и, так

¹¹⁵ Грабянка. Летопись. Киев, 1854, 21, 22; Краткое описание Малороссии в летописи Самовидца, 214; Лукомский. 349; Ригельман. 25; Piasecki, Kronice, Krakow, 1870, 52; Бантыш-Каменский. История, I, 124.

¹¹⁶ В 1584 г. в Луцком замке, в церкви Иоанна Богослова, сложено было несколько кусков сукна, приготовленного для казаков (Архив Юго-Западной России, ч. III, т. I, 14).

сказать, обезвредить для государства; а с другой стороны, давая казакам собственную организацию и признавая за ними право на сословное существование, он рассчитывал воспользоваться ими как боевой и всегда готовой к походам силой против вечных и страшных неприятелей Речи Посполитой — татар и турок. Отсюда едва ли справедлив тот принятый взгляд на реформу Батория в отношении казаков: будто бы, признавая права на существование 6000 человек казаков и выбрасывая за рубеж остальную массу их, король тем самым хотел в будущем совсем уничтожить казачество. Это трудно допустить уже потому, что в лице казаков Стефан Баторий имел постоянное, а не временное и случайно набранное войско, которое во всякое время можно было противопоставить мусульманам и другим врагам Речи Посполитой. Стефан Баторий мог стремиться лишь к тому, чтобы только обезвредить действия казаков, а не к тому, чтобы их бесследно искоренить.

Для запорожских казаков реформа короля Стефана Батория имела то важное и решающее значение, что с нее собственно и начинается отдельное существование низовых казаков: введя реестр, Стефан Баторий положил начало для разделения южнорусских казаков на городских, или украинских, иначе называемых реестровыми, и низовых, или собственно запорожских, казаков.

Только с этого времени появляются фактические указания на существование у низовых казаков Сечи, в смысле ядра или столицы низового товарищества, и кошевых атаманов, в смысле главных и ни от кого не зависимых начальников над низовым войском.

Но помимо разделения южнорусских казаков на городских и низовых, решительные меры короля Стефана Батория, предпринятые для упорядочения казацкого сословия, имели, подобно Люблинской унии, еще и то значение, что увеличили численность низовых казаков и дали им возможность действовать с этих пор смелее, чем действовали они раньше того времени: многие из украинских казаков, недовольные распоряжениями короля и не попавшие в королевский реестр, бежали на низовья Днепра и, в качестве послушников королевской воли, не могли уже возвращаться назад в города Украины и волей-неволей оставались на Низу. Оставаясь же на Низу, они мало-помалу складывались в отдельные и небольшие группы, общины или курени, представлявшие на первых порах своего рода землячества: курень Батурицкий, то есть община земляков, вышедших из Батурина; курень Каневский, то есть община земляков, вышедших из Канева; то же нужно сказать о куренях Крыловском, Переяславском, Полтавском,

Уманском, Корсунском, Калниболотском, Стеблиивском, Донском и других. Из мелких групп, или куреней, составилаь потом большая единица общины, так называемый «вельможный Кош славных низовых казаков». Этот Кош составляли люди всевозможных народностей, не исключая даже татар и турок, но преобладающий элемент составляли южноруссы из ближайших к запорожским степям поднепровских городов Черкасс, Канева, Крылова, Киева и других мест. Прилив южноруссов в Запорожье, значительно усилившийся со времени Люблинской унии 1569 года, еще больше того усилился со времени казацкой реформы короля Стефана Батория.

Читаем в «Киевской старине»: «Таким образом, запорожское казачество, по замечанию специального исследователя вопроса о его происхождении, возникло под совокупным воздействием тех самых факторов, которые создавали и украинское казачество, и хотя вторичность формации, сопровождавшаяся некоторыми частными условиями, сообщала запорожской общине особый характер, но в общем запорожское казачество было продуктом тех же самых первичных причин, что и казачество украинское. Привнесенный Люблинской унией в южнорусские области новый общественный строй, возвышение одних классов населения над другими,

принижение и порабощение свободного населения степной полосы заставили это последнее искать выхода в бегстве; пустые места за порогами дали приют этим беглецам, а близость татар сделала возможным их независимое существование здесь, так как в этих местах брать земельные участки, вследствие опасности от татар, лицам шляхетского сословия не было расчета. Условия места распространения и соседства татар еще частнее определили быт запорожского казачества. Покидавших населенные места, главным образом в степной полосе, и являющихся в степи за Синюхой и Орелью в качестве колонизаторов приходило сравнительно с обширностью края немного, а татары были непосредственными соседями. В силу приспособления к условиям места, за порогами должно было найти применение своеобразное полукочевое колонизаторство. Такими именно колонизаторами-полукочевниками мы и видим запорожских казаков в первое время существования запорожской общины. Но самым первичным фактором в образовании запорожского казачества было соседство татар. Запорожское казачество является преимущественным результатом столкновения двух различных племен, двух несходных культур: с одной стороны — племени и культуры славян, в частности южноруссов, с другой — племени и культуры тюркской, в частности

кочевых татарских орд. Эти племена, пройдя каждое вдали друг от друга свою историческую судьбу и очутившись теперь соседями, но будучи различны по расе, по внутреннему складу, по образу жизни, неминуемо должны были стать во враждебное друг к другу отношение. Крымские орды систематически год за годом производят набеги на южнорусские земли. Грабежи и опустошения в этих землях естественно вызывают раздражение, побуждавшее отплачивать своим угнетателям тем же. Встретились две враждебные друг другу силы: народ славянского корня, оседлый и прошедший уже несколько ступеней культуры, и народ тюркского корня, полукочевой, находящийся на ступени примитивной культуры. Каждая из сил, сильная на свой лад, в борьбе друг с другом пускала в ход те средства, какие были в ее распоряжении. Татары ордами набегают на Южную Русь, — оседлая Русь выдвигает для борьбы воинов-казаков; набеги татар продолжаются, и отпор, приспособленный к культуре, быту и внутренним порядкам, существующим в данное время в государстве, усложняется: в южнорусской казатчине, в процессе дальнейшего ее развития, выделяется и складывается в особый тип запорожское казачество»¹¹⁷.

¹¹⁷ Киевская старина. 1884. Сентябрь, X, 51–52.

Находясь в непосредственном соседстве с татарами, запорожские казаки в гораздо большей степени сделали от них всяческих заимствований, чем казаки городовые, или украинские. Так, от татар запорожцы усвоили себе подобные названия, как кош, атаман (правильнее — одаман), есаул, толмач, чауш, чабан, бунчук, буздыган и др. Вместе с этим запорожские казаки усвоили себе, по примеру татар, бритье голов, кроме чубов¹¹⁸, ношение восточных шаровар, широких цветных поясов, сафьяновых сапог с острыми носками, высоких остроконечных шапок, суконных, восточного покроя, кафтанов; научились приготавливать себе брынзу, или овечий сыр¹¹⁹, пастрёму, или вяленое мясо, бузу, или напиток из кислого молока, и т. и.

Начавши с роли промышленников, торговцев («чумаков»), рыболовов, добычников, низовые

¹¹⁸ В Средней Азии, в Кафиристане, мужчины племени сияк-пуши и теперь бреют себе головы, кроме круглого места, около 3 дюймов в диаметре, на темени, где предоставляют волосам расти свободно (Биддедьф. Народы, населяющие Гиндукуш. Ашхабад, 1886, 170).

¹¹⁹ *Брынза* — любимое кушанье во всех городах Персии, смежных с нашим Закаспийским краем.

казаки постепенно дошли до роли защитников Христовой против мусульманства и православной против католичества веры, и вместе с тем охранителей славянской народности против туркотатар. Уже в 1610 году запорожские казаки говорили о себе, что они «с давних часов», заставляясь против ногайского народа за православную веру, часто теряют здоровье и жизнь свою через войну с татарами и турками, освобождают из неволи народ христианский, доставляют много турецких и татарских языков и пленников на пользу короля, Речи Посполитой, сенаторов и панов коронных, для похвалы Божией, милости храмов Господних и размножения народа христианского, чем всегда оказывали и оказывают услугу отечеству своему «не лютуячи о здоровье и животе своем»¹²⁰. С тех пор как низовые казаки взяли на себя роль защитников веры и отечества, они сделались в глазах своих соплеменников рыцарями церкви, правды и чести, стали бессмертными в глазах многих поколений и с этим именем вошли на страницы славянской или вообще мировой истории.

¹²⁰ Акты Южной и Западной России, II, 59.

Глава 3

Родина Самуила Зборовского. Роль Зборовских при избрании королей Генриха и Батория на польский престол. Преступление Самуила Зборовского, банация и замыслы его о прославлении своего имени и геройских подвигов. Поход Зборовского по Днепру и свидание с казаками. Планы его о походе на Молдавию. Сношения с крымскими послами и мысль о походе на Персию вместе с турками и татарами. Отказ в этом Зборовскому со стороны низовых казаков. Посольство Зборовского к молдавскому господарю и движение его по Днепру для промыслов. Столкновение с татарами и турками низовых казаков. Напрасное ожидание на Пробитом шляху известий от молдавского господаря. Затруднительное положение Зборовского в степи, возвращение его на родину и казнь по приказу короля Стефана Батория.

Но как ни старался король Стефан Баторий о том, чтобы упорядочить сословие казаков и сделать их послушными своей воле, все же он остался бессильным в этом отношении, и в 1583 году низовые казаки предприняли большой поход под предводительством родовитого поляка Самуила Зборовского в запрещенную им от турецкого султана и польского короля страну — Молдавию.

Самуил Зборовский был младшим из шести сыновей краковского кастеляна и состоял владельцем города Злочова, Львовского уезда, в Галиции. Находясь при дворе польского короля Генриха, Самуил Зборовский сразился у ворот краковского замка с Яном Тенчинским и в пылу гнева убил кастеляна пржемысльского Ваповского, который защищал Тенчинского, и потому, опасаясь королевского суда, бежал к трансильванскому господарю Стефану Баторию. Когда потом возник вопрос в Польше о выборе короля после бегства из Польши Генриха Анжуйского, то все Зборовские стояли за Стефана Батория и содействовали выбору его в король. Сделавшись королем Польши, Стефан Баторий облегчил положение Самуила Зборовского тем, что не казнил его смертной казнью, как того требовал закон Польской республики, а объявил его лишь банитом, но и то без лишения чести. Тогда Самуил Зборовский, желая заслужить милость короля, стал искать случая, чтобы отличиться каким-нибудь необыкновенным подвигом и вновь приблизиться к королевскому двору. Обстоятельства дел в Польше и в России того времени вполне благоприятствовали ему. В ту пору король Стефан Баторий вел войну с русским царем Иваном IV на западной границе России, и заодно с Баторием хотели действовать низовые казаки. Не имея у себя общего вождя, а между тем

наслышавшись много о подвигах Самуила Зборовского и его замыслах, низовые казаки отправили к нему посланцев и через них предложили ему звание своего «гетмана»¹²¹ и поход в юго-восточные окраины московских владений. Самуил Зборовский поблагодарил «запорожских молодцов» за честь и, возвращая назад от себя посланцев их, отправил на низовье Днепра подарки и деньги для войска. Отпустив казацких посланцев, Самуил Зборовский стал готовиться к выходу и пунктом своего похода назначил город Путивль.

Весть о предприятии Зборовского скоро дошла в Молдавию и в Крым. Не зная истинной цели похода Зборовского и опасаясь большой беды от казаков, молдавский господарь и крымский хан Мухаммад-Гирей поспешили прислать к Зборовскому своих гонцов с мирными предложениями: господарь обещал ему 500 коней, а хан — право на молдавское господарство, если только Зборовский оставит свое предприятие без исполнения. Но Зборовский весной 1583 года¹²², в

¹²¹ Potem byl od nizowych kozakow, ktorzy sie zaporozkii mi molojcy zowia, deklarowan za hetmana.

¹²² По Папроцкому, Зборовский вышел в Запорожье в 1583 г., а по Несецкому, в этот год он окончил на Запорожье

сопровождении гайдуков, любимого повара и многих любителей военных приключений, двинулся в поход. Дойдя до города Канева, он посадил свою дружину в лодки и пустился вниз по Днепру, а лошадей приказал вести сухим путем вдоль Днепра. Ниже Канева Зборовского встретили посланцы от казаков и приветствовали его речью. Приняв посланцев, Зборовский отпустил их в Сечь с новыми подарками низовому войску. Проезжая мимо Черкасс, казаки получили приглашение от старосты черкасского замка покинуть Зборовского и соединиться с ним, но низовые рыцари нашли такое предложение не согласным с собственной честью и отвечали на него полным отказом.

Спускаясь постепенно вниз по Днепру, Зборовский дошел до устья левого притока Днепра, Псела, и тут на некоторое время остановился с намерением дождаться здесь пограничного старосту, давшего перед выступлением Зборовского в поход свое обещание содействовать ему при вторжении в юго-восточные пределы российских владений. Но, не получив никакой помощи от старосты, Зборовский оставил свои виды на Путивль и решил воспользоваться предложением крымского хана идти вместе с казаками на

молдавского господаря. Тут выступили перед Зборовским низовые казаки и предложили ему ехать «по их войска». Тогда Зборовский, оставив устье Псела, дошел до устья речки Самары, где нашел 200 человек «речных» казаков с их атаманом, занимавшихся охотой и рыболовством; эти речные казаки, занимаясь звероловством, кожи оставляли в свою пользу, а мясо отправляли за пороги к жившим там казакам-воинам. От устья Самары Зборовский вступил в страшные днепровские пороги и, пройдя первые четыре из них, очутился перед пятым, самым грозным, Ненасытецким порогом, и тут неожиданно для себя и для сопровождавших его нескольких сот поляков встретил засаду со стороны низовых казаков: пригласив Зборовского в качестве предводителя, казаки вдруг впали в подозрение насчет истинных планов его и вообразили себе, что он идет в Запорожье не с тем, чтобы заодно с ними московские города воевать, а с тем, чтобы самих же казаков к рукам прибрать. Попавшись в такую ловушку, Зборовский сумел, однако, тот же час рассеять ложные подозрения казаков насчет его планов и доказал, что он чужд всяких враждебных им замыслов и совершенно готов разделить с ними всю тяжесть боевой жизни. Казаки поддались убеждениям Зборовского и под конец дали ему 80 человек лоцманов для проведения судов через

остальные пять порогов Днепра. Но тут обнаружилось, что некоторые из спутников Зборовского, увидевшие воочию, что значит переправа через днепровские пороги, не решились дальше следовать за своим вождем и, выйдя на берег, сочли за лучшее возвратиться назад. Но сам вождь не испугался порогов и, пройдя последние из них, благополучно пристал к большому и великолепному острову Хортице, на котором до его прихода подвизался знаменитый вождь, князь Дмитрий Иванович Вишневецкий.

Дойдя до Хортицы, Зборовский расположился здесь для отдыха и тут не раз видел, как выскакивали в разных местах пустынной степи татарские разьезды и зорко следили за казаками и за тем, чтобы поживиться от них каким-нибудь казацким добром. После ночлега на Хортице Самуил Зборовский поплыл далее, но тут на его отряд налетели тучи саранчи, и от ее смрада стали пухнуть люди, а от ее трупов, поглощаемых вместе с травой лошадьми, пало несколько коней, следовавших по берегу Днепра за вождем. Спустившись ниже урочища Микитина Рога, Зборовский встретил депутацию, высланную ему навстречу от казаков с приветствием и благими пожеланиями во всем предприятии его. Зборовский, выслушав речь посланцев, благодарил войско за оказанный ему почет и радостные приветствия,

после чего, в сопровождении казаков, отправился в то место, где они проживали. То урочище называлось Томаковским островом, который настолько был обширен, что на нем можно было проживать двадцати тысячам людей и немалому количеству коней. На том острове было большое, обильное рыбой озеро. Лишь только казаки вышли на берег, Зборовский всеми был радостно приветствован и тут же, при ружейной пальбе, провозглашен гетманом. На следующий день, в присутствии многочисленного собрания казаков, на войсковой раде, Зборовский получил булаву. Вручая новоизбранному гетману булаву, казаки высказали ему, что хотя они очень рады видеть у себя знатного пана начальником своего войска, но выше всего ценят мужественное сердце и славные дела человека: «много мы наслышались о тебе от соседних народов и от собственных братьев, — знаем, что Бог всегда помогал тебе против каждого твоего неприятеля». В ответ на речь казаков гетман отвечал им, что он приехал в Запорожье именно для самого дела, а не для того, чтобы стремиться к достижению власти над таким мужественным войском, каким прославили себя низовые рыцари, что он считает себя лишь самым младшим членом всего казацкого войска и с охотой будет следовать его благоразумным во всем советам.

После объявления Зборовского гетманом

низовые казаки осведомились о дальнейших его планах и получили в ответ, что, согласно предложению крымского хана, обещавшего предоставить Зборовскому молдавское господарство, он имеет целью снестись с ханом и потом вести казаков на Молдавию. Казаки одобрили план Зборовского, и тогда решено было отправить посольство к хану. Отправляя посланцев к хану, Зборовский просил через них назначить ему место для свидания и переговоров с представителями от хана в каком-нибудь укромном урочище. В ответ на эту просьбу указано было место на левом берегу Днепра, в татарских владениях Карай-Тебень, в котором обыкновенно происходил размен пленных между мусульманами и христианами и которое потому называлось татарским и казацким форумом или рынком.

В назначенный день Зборовский выехал в Карай-Тебень и тут встретил ханских посланцев, с двенадцатью богато убранными конями и с тремя парчовыми кафтанами, присланными для подарка казацкому гетману. Ханские послы надели на Зборовского богатый кафтан, назвали его от имени своего повелителя сыном хана и обещали ему молдавское господарство, прося лишь его о двух вещах — дождаться на Днестре извещения от султана и удержать своих казаков от набегов на татарские селения.

Уговариваясь с ханскими послами, Зборовский высказался перед ними о том, что ему хочется не столько того, чтобы добиться через Мухаммад-Гирея молдавского господарства, сколько того, чтобы получить от хана помощь войском и с ним идти к своему королю Стефану Баторию против московского царя Ивана. На это Зборовскому отвечали, что хан с особенной готовностью исполнил бы просьбу казацкого вождя, но должен идти походом против персов по приказанию падишаха. Зборовский, выслушав сообщение ханских посланцев о предстоящем походе турок и татар против персов и потеряв надежду быть полезным своему королю, нашел нужным, не переговоривши о том предварительно с казаками, предложить свои услуги турецкому султану для похода в Персию. За услуги султану он ничего не просил, а требовал лишь со стороны крымского хана полной неприкосновенности своей личности, для чего просил прислать в условленное место особого поручителя (мусталика), который бы поклялся, что казацкий вождь во все время своего пребывания с татарами не будет никакими средствами изведен ими. Условившись о месте и о времени для свидания с ханским поручителем, Зборовский благополучно отъехал к своему войску, которое находилось в то время на острове, называемом Чертомлык, и объявил рыцарству о

том, что вместо похода на Молдавию он имеет намерение повести их на персов заодно с турками и татарами. Услышав такое неожиданное и вовсе не желательное решение со стороны Зборовского, казаки подняли крик и стали доказывать ему, что с турками и татарами казаку, человеку православной христианской веры, связываться вовсе не следует, потому что все они — неверные собаки, никогда не держащие своего слова, всегда жившие обманом и на этот раз думающие лишь об обмане и гибели казаков и самого гетмана.

Только незначительное число казаков согласилось следовать за Зборовским в Персию; масса же, выбравшая себе какого-то атамана и доходившая до трех тысяч человек численности, решительно отказалась идти за ним в Персию и подняла против него такую бурю, что Зборовский потерялся и не знал, как ему прекратить смуту между казаками. Как истый польский пан, привыкший к полному самовластию, он хотел было смирить казаков страхом и послал сказать им, что если они немедленно не усмирятся, то он с остальной частью казаков, изъявившей свое желание идти с ним на персов, силою смирит бунтовщиков. Вместо ответа на это требование казаки собрали раду и на ней решили насыпать песку в пазуху Зборовскому и бросить его в Днепр. Видя такой оборот дела, Зборовский неожиданно

явился в раду и показал перед казаками полное смирение, чем и успокоил бунтовщиков; а потом, призвав к себе казацкого атамана, заявил ему, что он никого не принуждает идти походом в Персию и каждому предоставляет свободный выбор — или оставаться на Днепре, или же следовать за ним: «Об одном только прошу тех, которые останутся, — не нападать в мое отсутствие на татар, потому что этим они обидели бы короля и Речь Посполитую, да и моя голова была бы в опасности у хана».

Когда казаки успокоились от своего волнения, тогда прибыли от хана посланцы с поручителем и с объявлением о том, что хан с особенной радостью готов принять гетмана в поход против персов и через своего поручителя приносит присягу в полной безопасности вождя казаков. При поручителе было 1000 человек конных татар, несколько сотен знатных мурз и еще больше того простого пешего народа.

Прибыв в условленное место, ханский поручитель отправил от себя в Запорожский Кош 300 человек мурз и через них просил гетмана явиться к нему для произнесения перед ним клятвы и для немедленного отправления в поход в Персию.

Тогда между казаками снова поднялись волнения: одни хотели идти в Персию, другие отказывались от нее, советовали и Зборовскому отказаться от этого хотя и заманчивого, но весьма

опасного предприятия. Но Зборовский, увлекаемый жаждой видеть далекую Азию и хотевший на месте изучить все приемы военных действий восточных людей, стоял на своем и, распорядившись о приготовлении всего нужного к отъезду, приказал подать себе коня. Когда же конь был подан, то оказалось, что он слишком горяч, и тогда стали искать другого, более спокойного. В ожидании такого коня Зборовский, уже готовый к походу, с саблей у пояса и сагайдаком через плечо, стал прохаживаться между рядами казаков. Тут к нему подошел его любимый повар и стал упрасивать его покушать щуки: «Пане мой, верно, я тебя уже больше не увижу; есть у меня хорошая щука, — покушай на дорогу». Зборовский тронут был слезной просьбой своего повара и согласился поесть щуки. Во время этой еды к нему подвели спокойного коня, и Зборовский уже хотел было сесть на него, но перед этим обратился к ожидавшим его мурзам и потребовал, чтобы они поклялись за его безопасность. На это требование мурзы отвечали, что за них поклянется перед ним ханский поручитель. Но тут к Зборовскому внезапно подскочили казаки, схватили его на руки и быстро унесли к берегу Днепра. Сев в лодки, они с быстротой молнии отчалили на середину реки и стали стрелять по оставшимся на суше мурзам. Мурзы немедленно ускакали, а казаки

благополучно привезли гетмана до своего войска, где от радости за спасение своего вождя стреляли из ружей, пели песни, играли на кобзах.

Чтобы успокоить своего гетмана, казаки привели к нему найденных где-то христианских невольников, бежавших из плена, и заставили их рассказать Зборовскому о том, будто бы ему готовилась от татар неволя, а его спутникам — жесточайшая из казней — острый кол. Зборовский поверил этому и стал стараться всеми мерами о том, чтобы разъединить силы татар и не допустить их до похода в Персию. Тогда хан, узнав об этом, прислал к казацкому вождю третье посольство с большими подарками и с обещанием непременно дать ему молдавское государство, если только он не будет вредить татарам.

Оставшись в Запорожье, Самуил Зборовский стал получать письма из Польши от своего брата Криштофа, весьма тревожного содержания. Из этих писем Самуил Зборовский узнал, что, несмотря на помощь, которую Зборовские оказали Стефану Баторию при его восшествии на польский престол, король приблизил к себе не Зборовских, а Замойских. Криштоф Зборовский в своих письмах позорил короля, считал его недостойным носить высокое королевское звание и сообщал брату о своем старании составить партию солидарных с ним панов с тем, чтобы унижить достоинство

короля. Самому Самуилу Криштоф советовал держаться с турками на мирной ноге, чтобы не возбудить тем неудовольствия со стороны панов, державшихся партии Зборовских, внушал ему совсем оставить Запорожье и ехать, ввиду важности политических дел, в Польшу. А низовым казакам тот же Криштоф Зборовский писал, что брат его, Самуил Зборовский, не для чего иного и приехал к ним, как для борьбы с турками, и в то же время выражал надежду на то, что казаки не откажутся содействовать и дому Зборовских в каком-нибудь важном деле их в самой Польше.

Таким образом, Самуил Зборовский, связанный письмами брата о мирном отношении к мусульманам, ничего другого не мог предпринять, как только разъезд по низовью Днепра и его притокам с исключительной целью степного «полевания», то есть охоты на зверей. Разгуливая по приднепровским степям, он старался приблизиться к родным местам Подолии, но тут, от свирепствовавшей в то время саранчи, потерял много коней и, очутившись под конец в очень затруднительном положении, вспомнил о тех 500 конях, которых предлагал ему, перед выходом в Запорожье, молдавский господарь. Теперь эти кони были бы как нельзя кстати годны для Зборовского. Казацкий вождь отправил от себя к молдавскому господарю гонцов и через них просил господаря

выставить через четыре недели со дня отправления гонцов на Пробитом шляху, возле Буга, 500 обещанных коней.

К одному затруднению Зборовского скоро прибавилось и другое: казаки, бывшие в походе Зборовского, узнали через бежавших к ним христианских невольников о близости татарских пастбищ и подвижных кошей их и хотели воспользоваться ими. Тщетно Зборовский убеждал их не делать этого, указывая на существовавший мир Турции с Польшей: казаки не могли равнодушно видеть татар без того, чтобы не пограбить их. Тогда Зборовский, желая удовлетворить эту потребность казаков, раздал старшим из них имевшееся с ним добро, оружие, платье, лошадей и деньги, и казаки успокоились.

Устранив столкновение казаков с татарами, Зборовский должен был заботиться и о предотвращении столкновения их с турками. С последними казаки вошли в соприкосновение по поводу добычи ими соли у берегов приморских островов, стоявших между лиманом Днепра и морем и охранявшихся турецкими стражниками, плававшими на галерах. Имея полное изобилие в рыбе и птице, спутники Зборовского особенно нуждались в соли. Зборовский не раз посылал их к устью лимана за солью и всегда давал своим промышленникам особый отряд воинов для

обороны на случай нападения со стороны турок. Во время этих плаваний казаки едва не вступили однажды в бой с турками и избежали этого единственно потому, что не успели заманить неприятелей в тесное место. Тем временем, прождав некоторое время возвращения своих гонцов, посланных к молдавскому господарю, и не получив от них никакого известия, а между тем по-прежнему испытывая большую нужду в лошадях, Зборовский, наконец, решил лично отправиться в Молдавию. Решено было идти сперва днепровским, потом бугским лиманом, далее рекою Бугом и до Пробитого шляха. Для облегчения движения по реке на воду пущены были одни лодки с припасами и рыболовными снарядами, а сами казаки должны были двигаться по берегам рек. Уже вскоре после выступления в поход Зборовского на низовья Днепра татары получили о том подлинную весть и сильно встревожились. Переполох между татарами был так велик, что сама ханша бежала в Черные леса. Зборовский узнал об этом от беглецов-невольников и поспешил успокоить ханшу через своих посланцев, объяснив цель и намерение своего похода. Но татары мало доверяли Зборовскому и приготавливались к самому худшему.

Между тем казаки, двигаясь по Днепру, дошли до турецкой крепости Аслам-города, под стенами которого так недавно погиб знаменитый

казацкий вождь Богданка, князь Ружинский. Живо помня подвиги Богданки, казаки сильно хотели было ударить на крепость, но Зборовский, хотя и с большим трудом, удержал их от этого намерения. Зато при переговорах Зборовского с высланными к нему татарами один из казаков не сдержался и выстрелил в татарина. Зборовский так был возмущен этим, что хотел было казнить виновного, но против этого восстало все войско, защищая своего товарища, который дорог ему был тем, что считался «характерником», то есть человеком, умевшим заговаривать вражеские пули и делать их безвредными для себя лично и для всего отряда, где он находился. Долго по этому поводу происходили раздоры между вождем и казаками, и примирение состоялось с особенно большим трудом для Зборовского.

После примирения Зборовский и казаки продолжали дальнейший путь. Выйдя в днепровский лиман, Зборовский отправил вперед один отряд от себя по реке Бугу, к Пробитому шляху, для отыскания казацких послов. Высланный отряд встретил на своем пути 13 человек турок и, взяв их в плен, продолжал дальнейший путь, не известив о том Зборовского. А Зборовский между тем, запасшись рыбой и дичью на морских островах, продолжал свой путь все еще по лиману Днепра, не вступая в Буг. Не предвидя никакой

опасности, Зборовский поднимался по реке вверх, как вдруг ранним утром какого-то дня увидел перед собой турецкий флот из девяти галер и множество лодок. Не решаясь вступить в битву, спутники Зборовского поспешили пристать к берегу. Турки готовы были погнаться вслед за казаками, но вследствие мели на реке не могли этого сделать. Одна из галер, погнавшаяся за казаками, села на мель и ограничилась тем, что выстрелила из пушки в лодку, где находился Зборовский, и пушечным ядром убила одного казака. Тогда казаки бросились было к этой галере, чтобы взять ее на абордаж, но к ней поспешили другие суда, и турки, стрелявшие из них в казацкие чайки, причинили им такой вред, что казаки поторопились подойти к правому берегу реки, оставить возле него свои незатейливые лодки и залечь в ямах, вырытых дикими кабанами в береговых песках. Находя число ям недостаточным для всего войска, казаки немедленно приступили к рытью новых земляных укреплений. Видя это, турки решили зайти в тыл казакам и для этого отделили от себя две галеры, которые направились к правому берегу реки на две мили ниже казацкой лежки. Казаки, заметив маневр своих врагов, поспешно захватили со своих лодок съестные припасы и бросились в степь. Зборовский, видя это, стал останавливать казаков и упрекать их в отсутствии мужества: «Вам ли так поступать, когда

все народы уверены, что в мужестве никто не сравнится с вами?»»

Между тем турки уже успели выбраться на правый берег реки и обойти казаков. Но нападение их было неудачно, и они с уроном бросились в Днепр.

Отбившись от турок, казаки взяли направление вдоль берега днепровского лимана к устью Буга и тут попали в перекрестный огонь: с поля на них напирала татары, с реки преследовали турки. Казаки хотели избежать, по крайней мере, турецкой флотилии и, в ночное темное время, решились сделать движение назад, обойти тыл турецкого флота и поспешно пробраться вперед в реку Буг. Но этот маневр оказался очень неудачным, и смельчаки поплатились собственной свободой вместе с провизией и лодками. Зборовскому оставалось всего лишь восемь лодок, в которых лежали раненые казаки, да немного съестных припасов, и с этими остатками флота он добрался до устья Буга. Зато положение его здесь оказалось более чем печально: продовольственные припасы все были съедены, рыболовные снасти затеряны, а в окружающей местности, представлявшей собой полную пустыню, — ни зверей, ни дичи никакой. Единственной отрадой для Зборовского было то, что у устья Буга он нашел свой конный отряд, который следовал за ним по

правому берегу Днепра. Силы Зборовского увеличились до 2500 человек, но зато вопрос о продовольствии оставался по-прежнему безнадежным; оставалось только съесть лошадей, чтобы не умереть от голода.

Истребив несколько штук лошадей, Зборовский нашел за лучшее оставить главную массу своего войска у реки Буга, а самому броситься в степь к Пробитому шляху и искать там молдавских послов. Но вместо послов он нашел здесь одни следы какой-то стоянки и ни одного степного зверя, которым можно было бы утолить страшное чувство голода. Единственной пищей для Зборовского и его спутников были желуди, кое-где попадавшиеся им на пути. После долгих скитаний Зборовский набрел на посланный им к молдавским послам отряд казаков на каком-то Кривом шляхе и нашел его в таком же печальном положении, как и собственную дружину: отряд нигде не видал молдавских послов, долго скитался по диким степным местам, претерпел большие муки от голода и решил атаковаться среди степи и ждать прибытия гетмана. Единственным богатством этого отряда были рыболовные снасти, которыми тотчас и завладели спутники Зборовского. Но едва успели голодные казаки несколько подкрепиться пойманной рыбой, как вдруг разнеслась весть, что где-то невдалеке показался отряд молдавской

конницы, и Зборовский немедленно стал собираться к тому, чтобы ударить на молдаван и отбить у них съестные припасы. Но неудача и здесь преследовала казацкого вождя: молдавский отряд так же внезапно исчез, как и внезапно появился.

После целого ряда неудач Зборовскому оставалось вернуться к главной массе своего войска, стоявшей у Буга, и втуне оставить все свои замыслы, что и было им сделано. Вернувшись к Бугу, он нашел своих казаков в самом печальном положении: они ели олени копыта, ели рога и давние, валявшиеся по степи, кости диких животных. Тогда Зборовский довел своих казаков до Саврана и Брацлава, а сам вернулся на родину. Но на родине казацкого гетмана ждал печальный конец: агитация Зборовских против короля и вражда к ним их противников Замоиских были причиной того, что Самуил Зборовский был схвачен Яном Замоиским и, по воле короля, казнен за замковыми воротами Кракова 26 мая 1584 года.

Глава 4

Нападения казаков на крымские владения. Жалобы крымского хана на казаков королю Стефану Баторию. Посольство, отправленное Баторием к низовым казакам, дворянина Глубоцкого и расправа казаков с королевским посланцем. Поход казаков с атаманом Орышовским на крымские улусы и мирные предложения их хану Ислам-Гирею. Действие преемника Ислам-Гирея. Взятие казаками крепости Очакова и разграбление берегов Крыма. Действие преемника Ислам-Гирея, Казы-Гирея, против казаков. Политика московского правительства в отношении запорожских казаков, разгром казаками турецких городов Козлова, Аккермана и Азова и погоня турок за казаками. Радость в Москве по поводу успеха казаков на Черном море. Жалобы султана польскому королю на казаков и меры короля Сигизмунда III для укрощения их.

Расставшись с Самуилом Зборовским, низовые казаки все внимание свое обратили на турецкие и крымские владения и с особенной настойчивостью стали беспокоить их своими нападениями. Так, в 1584 году они разорили Тятин, за что турки ограбили у Адрианополя шгалмейстера

польского короля¹²³.

Крымский хан потребовал от короля Стефана Батория, чтобы он укротил низовых казаков в их набегах на Крым. По этому требованию Стефан Баторий в 1585 году послал на Низ своего дворянина Глубоцкого (иначе Глембоцкого) уговорить казаков не делать нападений на Крым и тем не быть причиной разрыва мирного договора Польши с Крымом. Низовые казаки на это требование отвечали тем, что утопили Глубоцкого в Днепре¹²⁴.

В это время, а именно в конце 1585 года, у казаков гетманом был князь Михайло Евстафьевич Ружинский, находившийся вместе с братом своим, Кириком Евстафьевичем, на Запорожье¹²⁵. Виновниками убийства Глубоцкого оказались 11 человек низовых казаков, которые присланы были, по распоряжению князя Михайла Ружинского, в

¹²³ Paprocki. Panosza rycerstwa polskiego, Krakow, 1584, 103–112; Niesiecki. Korona polska, 1740, IV, 717, 718; Кулиш. История воссоединения Руси. СПб., 1874, I, 112–130.

¹²⁴ Hammer. Geschichte des osmanischen Reichs, IV, 155, 209.

¹²⁵ Соловьев. История России. М., 1879, VII, 280.

Киев к воеводе князю Воронинскому для содержания их под стражей впредь до королевского суда над ними. Князь Воронинский, поставленный в щекотливое положение между казаками, с которыми он, как всякий пограничный староста, имел более приятные, чем враждебные отношения, и своим королем, которому он обязан был повиновением и от которого зависело его положение, поспешил отправить присланных казаков киевскому войту и радцам. Но войт и радцы, находясь в таком же положении, как и сам воевода, отказались принять преступников, за неимением крепкой тюрьмы при городской ратуше, а занесли свой протест в житомирские замковые книги, так как сделать запись о том в книги киевского замка им не было позволено, как не было позволено и посадить преступников под стражу в замок, чем, как пишет Кулиш в «Истории воссоединения Руси», и воспользовались казаки, бежав из Киева¹²⁶.

Не обращая внимания ни на повеления короля, ни на препятствия со стороны гетмана, низовые казаки, с атаманом Яном Орышовским, в 1585 году два раза ходили походом на крымские улусы, взяли нескольких человек татар и захватили

¹²⁶ Князь Ружинские: Киевская старина. 1882. Апрель, 67.

больше 40 000 лошадей и разного скота. Однако, побив татар и пограбив их, казаки вслед за тем, от имени Орышовского и всех других атаманов, отправили к хану Ислам-Гирею четырех своих посланцев с предложением мира и собственных услуг: «Прислали нас (четыре казаков) атаманы днепровские, чтобы ты, государь, их пожаловал, с ними помирился и давал им свое жалованье, атаманы же и все черкасы тебе хотят служить: куда пошлешь на своего недруга, кроме литовского короля, и они готовы». На это предложение Ислам-Гирей, недавно испытавший нападение низовых казаков и, вероятно, уже в то время знавший истину, что худой мир лучше доброй ссоры, отвечал своим согласием: «атаманов и всех черкас рад жаловать, и как они будут мне надобны, то я им тогда свое жалованье пришлю, и они бы были готовы»¹²⁷.

Однако скоро оказалось, что низовые казаки вместо дружбы с мусульманами внесли в их пределы снова войну: они взяли город Очаков, на правом берегу Днепра, потом, в 1588 году, собравшись в числе 1500 человек, сели в лодки, вошли днепровским лиманом в Черное море и,

¹²⁷ Кулиш. История воссоединения Руси. СПб., 1878, I, 135.

пристав к крымскому берегу, в так называемую Туптархань, между Перекопом и Козловом, разграбили тут 17 татарских селений. Нужно думать, что такие смелые действия казаков против татар вызваны были слухами о намерении Москвы воевать с Крымом и об отправлении русских ратных людей на Дон, на Волгу и на Днепр. Как бы то ни было, но весть о погроме казаками Крыма дошла до турецкого султана Амурата, и он так разгневан был за это на хана Ислам-Гирея, что грозил ему, в случае повторения нового набега казаков, изгнанием из Крыма. Ислам-Гирей, ожидая нового нападения казаков на Крым, трепетал за свое существование, но в этом же году он скончался и тем предупредил решение падишаха.

Преемник Ислам-Гирея, Казы-Гирей, выступил ярым противником низовых казаков и через них — врагом Речи Посполитой, но зато другом московского царя. Сделавшись ханом, Казы-Гирей снесся с московским царем Федором Ивановичем по поводу его намерений относительно войны с крымцами и получил от него на этот счет такой ответ, приведенный Соловьевым в «Истории России»: «Прежде, как был на крымском юрте Ислам-Гирей, то мы послали свою большую рать на Дон и на Волгу со многими воеводами, а идти им было с царевичем Мурат-Гиреем на царя Ислам-Гирея за его неправды. Да и на Днепр за

пороги к князю Кирику Ружинскому и к князю Михайлу Ружинскому, к атаманам и черкасам, послали мы голов, Лихарева и Хрущова, и велели им идти со всеми черкасами на Крым, но когда услышали мы, что ты воцарился, то поход отложили, и послали к тебе языка-татарина, которого прислали к нам с Днепра головы Лихарев и Хрущов и князя Ружинские»¹²⁸.

Но и сам царь в это же время имел причины быть недовольным на запорожских казаков. По смерти короля Стефана Батория казаки, проживавшие в Каневе, Черкассах и Переяславе, внезапно явились в город Воронеж и объявили воронежскому воеводе, что они собрались, вместе с донцами, воевать против татар и потому просят дать им время отдохнуть и покормиться в Воронеже. Воевода, не подозревая никакой хитрости со стороны казаков, поместил их в остроге города и приказал выдать корм. Но когда настала ночь, казаки неожиданно зажгли город и, истребив во время пожара много людей, ушли назад. Царь обратился с жалобой на казаков к киевскому воеводе, князю Острожскому, и воевода дал по этому поводу такой ответ: «Паны радные писали к князю Александру Вишневецкому, велели ему

¹²⁸ Соловьев. История России. М., 1879, VII, 312.

схватить атамана запорожского, Потребацкого с товарищами, которые сожгли Воронеж; паны грозили Вишневецкому, что если он не переловит казаков, то поплатится головой, потому что они ведут к розмирю с государем московским. Вишневецкий Потребацкого схватил и с ним 70 человек казаков»¹²⁹.

Несмотря на это, Москва все-таки старалась ладить с запорожскими казаками. Так, отправляя вслед за этим гонца Петра Зиновьева в Крым, правитель Московского государства Борис Годунов прежде всего должен был обезопасить своего гонца от низовых казаков и потому дал ему относительно их такой наказ, цитируемый также Соловьевым: «Как пойдет Петр с Ливен¹³⁰, и будет известие, что пришли на Донец с Днепра, из Запорожья, черкасы, Матвей Федоров с товарищами, и стоят смирно и государевым людям от них нет никакой обиды, то Петру посылать наперед от себя станицу к запорожским черкасам и велеть про себя сказать, что есть с ним от государя ко всем им, казакам, грамота и речь, и Матвей бы Федоров и товарищи его с ним, гонцом, виделись, и черкасам своим всем

¹²⁹ Соловьев. История России. М., 1879, VII, 313.

¹³⁰ *Ливны* — уездный город Орловской губернии.

по всему Донцу заказали бы, чтоб они над Петром и над крымскими гонцами и над провожатыми их ничего не сделали, а он, Петр, идет в Крым с крымскими гонцами легким делом наскоро, и поминков (подарков) с ним ничего не послано. Да как с ним атаманы и молодцы запорожские съедутся, и Петру от государя поклон им исправить и грамоту от государя подать; а говорить им от государя, чтоб они его, Петра, и крымских гонцов пропустили и провожатых ничем не тронули, а государево к ним жалованье будет сейчас же с государским сыном боярским. А государь, увидя их перед собой службу, пришлет к ним на Донец свое жалованье»¹³¹.

Запорожские черкасы московским и крымским гонцам ничего дурного не сделали, зато от своих видов на Крым они нисколько не думали отказываться. В 1589 году они выбрались в открытое море и близ города Козлова взяли один турецкий корабль. Вслед за тем, как пишет Соловьев, 800 человек черкас, с атаманом Кулагой во главе, выйдя в море на малых стругах, ночью ворвались в город Козлов, забрали лучшие товары в лавках, жидов и турок, бывших в городе, частью побили, частью с собой забрали, но тут же, в самом

¹³¹ Соловьев. История России. М., 1879, VII, 280.

посаде города встретились с калгой Фети-Гиреем, учинили жестокий бой с ним, во время которого поплатились убитым атаманом Кулагой и тридцатью пленными товарищами, после чего ушли прочь из города. За ними погнался было сам хан Казы-Гирей, но они поспешно ушли из Козлова и вслед за тем сделали набег на города Аккерман (Белый город) и Азов, где пожгли посады, взяли в плен 300 туземцев и избили нескольких человек, приезжих с товарами бухарцев¹³².

Весть об этом походе казаков скоро долетела в самый Константинополь, и султан распорядился прислать к устью Днепра три морских судна, по 50 человек янычар в каждом, снабдив каждое судно «огненным боем» и четырьмя пушками и обещав к трем каторгам прислать еще пять; начальникам судов падишах приказал зорко следить за выходом казаков устьем Днепра в море, а крымскому хану предписал идти на польско-литовские земли для отмщения полякам за набеги в Крым казаков. Вероятно, этот самый поход казаков в 1589 году понимает и историк Турции Гаммер, рассказывающий о разорении казаками городов Аккермана, Тягина и Оди, за которые турецкий султан заносил жалобу на казаков польскому

¹³² Соловьев. История России. М., 1879, VII, 313.

королю¹³³.

В Москве к этим вестям отнеслись с особенной радостью и втайне старались поощрять низовых казаков в их походах против татар. Так, в апреле 1589 года приказано было Афанасию Зиновьеву, отправленному на речки Донец и Оскол «для проведывания там о хане», отправить к запорожскому атаману Матвею с товарищами посланца и через него узнать, оберегает ли атаман станичников, сторожей, путивльских казаков и севрюков государевых, стоящих по Донцу, пропускает ли крымских гонцов, будет ли он прям государю и станет ли защищать государево дело. Если проведает, что казаки и атаман Матвей с товарищами прямы, то Афанасий Зиновьев должен промышлять над крымскими людьми.

Исполняя в точности данный наказ, Зиновьев отыскал казацкого атамана Матвея на речке Донце, увидел, что он служит «прямую» государю службу, и передал от него государю челобитную о пожаловании казакам продовольствия, так как они, за недостатком пропитания, ели все, что попадалось им под руку, даже разные травы. Государь, узнав об этом, послал казакам запасы муки, толокна и 100 рублей денег для раздела на 620 человек

¹³³ Там же, 314.

товарищей, а кроме того, особые подарки атаманам¹³⁴.

Но то, что было полезно для Москвы, то было очень вредно для Польши. Москва, поощряя низовых казаков к походам их на Крым, тем самым возбуждала против Польши крымских ханов, которые считали низовых и украинских казаков подчиненными польской короне: турецкий султан, возмущенный набегами казаков 1588 года, в следующем году двинул к польским границам такие силы, которые испугали коронного гетмана Яна Замойского и заставили поляков взять решительные меры против казаков на Варшавском сейме 1590 года. Чтобы парализовать действия казаков, преемник короля Стефана Батория, Сигизмунд III, на сейме 1590 года пришел к таким мерам: 1) Устроить за порогами или из самих казаков, там проживающих, или же из других каких-нибудь людей войско, послушное правительству. 2) Ограничить число всех казаков реестром в 6000 человек, реестр отдать на хранение коронному гетману, и ему одному предоставить право наполнять его за убылью казаков. 3) Подчинить это войско польскому коронному гетману и гетману же

¹³⁴ Hammer. Geschichte des osmanischen Reichs, Pest, 1827, IV, 155, 209.

предоставить право назначать старших над казаками. 4) Назначить старшиной сотников для этого войска из людей шляхетского сословия, имеющих на Украине недвижимую собственность. 5) Воспретить без воли старшего и утверждения коронного гетмана принимать новых лиц в список казаков. 6) Учредить из оседлого шляхетского сословия двух дозорцев для наблюдения за спокойствием и добрым поведением в отношении панов и владельцев сословий казацкого и хлопского. 7) Воспретить строжайше продажу простонародью пороха, свинца и оружия. 8) Установить в земских имениях особых охранителей, так называемых урядников, а в королевских и панских имениях — присяжных бурмистров, войтов и атаманов, обязанных, под страхом смертной казни, не пропускать никого из казаков, мещан и хлопов в поле и низовье Днепра, задерживать и карать смертью всех, кто придет с добычей из других мест. 9) Воспретить казакам выходить за границу польских владений сухим и водным путем без позволения коронного гетмана и нападать на купцов и других людей. 10) Заставить присягнуть казаков на верность Польской республике¹³⁵.

¹³⁵ Соловьев. История России, VII, 351. Были ли низовые казаки в 1569 г. при погроме на Волге волжского атамана

Не довольствуясь всеми этими мерами в отношении казаков, правительство Речи Посполитой, в июле того же 1590 года, обнародовало универсал о вербовке тысячи человек опытных в военном деле людей и о построении в урочище Кременчук или в другом каком-либо удобном месте крепкого замка для помещения в нем польского гарнизона, с целью удержания украинских жителей от набегов на мусульманские земли. Старшим над этим гарнизоном назначался снятынский староста Николай Язловецкий. Ему именно, как записано в Архиве Юго-Западной России, и выдан был «приповедный» королевский лист на собиране гарнизона и на постройку замка, а жителям соседних коронных имений приказывалось доставлять продовольствие гарнизону¹³⁶.

Нечего и говорить о том, насколько действительны были эти меры в отношении

Волдыря с товарищами — в точности неизвестно, так как эти казаки названы просто «черкасами» без эпитета «запорожские» или «низовые». Соловьев. VII, 350.

¹³⁶ Volumena legat. СПб., 1860, II, 310; Костомаров. Богдан Хмельницкий. СПб., 1884, I, 22; Соловьев. История России, М., 1860, X, 67; Кулиш. История воссоединения Руси, I, 139.

казаков; они только разжигали страсти народные против самих же поляков и заставляли многих недовольных искать себе приюта на Запорожье.

Сами поляки настолько были бессильны, что приказание о построении крепости на Днепре для удержания беглецов с Украины на Запорожье совсем не было приведено в исполнение; а меры, выработанные на сейме против казаков, исполнялись ими в самой слабой степени или даже вовсе не исполнялись.

Тем не менее в следующем, 1591 году польское правительство, благодаря объявленным сильным мерам против казаков, успело заключить с турками и татарами вечный мир в Константинополе. В это же время заключено было одиннадцатилетнее перемирие и с русским царем.

Но уже вскоре после этого мира низовые казаки, с годами привыкшие к военному делу и от военного дела добывавшие себе пропитание, решили нарушить главные пункты сеймового решения — подчинение коронному гетману и запрещение выхода за границу — и задумали идти походом на Молдавию. Они нашли где-то человека, объявившего себя сыном убитого турками господаря Ивони, и решили добыть ему господарский престол. Но польский король вовремя узнал об этом и поручил официально старшему казацкому Николаю Язловецкому вступить с

казаками в переговоры о выдаче правительству самозванца. Самозванец был доставлен в Мальборк и там заточен, а казаки, привезшие самозванца, щедро были награждены¹³⁷.

Глава 5

Первое восстание казаков против поляков под начальством Ковинского. Боевые силы казаков и главный контингент восставших. Первые известия о жизни и действиях Криштофа Ковинского, Пребывание его в Запорожской Сечи, возвращение для лёжки на Украину и движение на Волынь и Подолию. Бессильные меры короля Сигизмунда III против казаков. Неудачное движение против казаков князя Острожского и понесенное поражение им от Ковинского. Постановление короля и сейма относительно казаков. Действия против казаков князей Острожских и князя Александра Вишневецкого. Поражение Ковинского под Пяткою и принесение им присяги на верность Речи Посполитой. Неисполнение присяги со стороны Ковинского и новое движение казаков

¹³⁷ Heidenstein. Dzieje polski, Petersburg, 1857, II, 297; Ioachima Bielskiego Dalszy ciąg kroniki polskiej, Warszawa, 1851, 145.

против поляков. Сборы Ковинского и казаков в городе Черкассах и внезапная смерть Ковинского. Значение первого движения казаков против Польши.

До сих пор мы видели низовых казаков в борьбе с Крымом и Турцией и с находившейся в зависимости от Турции Молдавией. Теперь, то есть с конца 1591 года, впервые видим их в борьбе с самой Польшей. Принято думать, с голоса малороссийских летописцев, что первое движение казаков против поляков вызвано было насилиями со стороны польского правительства над религией южноруссов и стоит в связи с введением на Украине унии. Фактическое изложение первого похода казаков против поляков, самые действия и мысли, высказанные при этом ими, совершенно не оправдывают укоренившегося в наших понятиях мнения. Первое казацкое движение против правительства и панства Речи Посполитой вызвано было не чем иным, как бедственным, сословным и экономическим, положением южнорусского народа вообще, казачества в особенности, в каком они очутились со времени слияния Украины с Литвой и Польшей. Пройдя с огнем и мечом волыно-подольские и киево-белоцерковские области, казаки не обмолвились ни единым словом жалобы на притеснения их православной веры и высказывались только за то, чтобы одобычиться на

счет богатых людей и ввести казацкий присуд между не знавшими от польских судей правды селянами, мещанами и мелкими южнорусскими шляхтичами, или дворянами.

Выступая в поход, казаки обратили свое внимание на имение соседних польско-русских панов, и прежде всего на маетности князя Константина Константиновича Острожского, воеводы Киевского и маршалка Волынского. Почему внимание низовых казаков прежде всего привлекли владения Острожского, источники не говорят, хотя и не оставляют сомнений, что центром тяжести казацкого движения этого времени были именно волыно-подольские маетности князя Острожского.

Общая численность казаков, поднявшихся против поляков в это время, простиралась всего лишь до 5000 человек. Главное и действующее большинство всего этого числа составляли низовые, или вольные, казаки, что подтверждают и современные акты и летописцы того времени¹³⁸. Но кроме низовых казаков в этом движении принимали участие и негербованные и бездомные

¹³⁸ Архив Юго-Западной России, т. I, ч. III, 32, 34, 36, 39, 45, 49, 58; Listy Zolkiewskiego 22, 23; Bielskiego Dalszy ciąg kroniki, 151, 178, 188, 189, 190; Heidenstein. 317.

«шляхтичи-выволанцы», полупаны, полукрестьяне, «рукодайные» панские слуги, называемые в актах здрайцами и збегами, оседлые хлопы и, наконец, как говорит нам все тот же Архив Юго-Западной России, панские подданные¹³⁹. Все они составляли ничтожное меньшинство против собственно низовых казаков, но это меньшинство не пользовалось многими благами своего отечества и потому всегда искало добычи в войне и во внутренних неурядицах своей родины.

Во главе восставших казаков стал шляхтич православной веры Криштоф Косинский¹⁴⁰. По месту рождения он был полешанин, а по званию — низовой или запорожский казак. Но как и когда он сошел с Полесья в Запорожье — на это указаний нет. По-видимому, это был человек уже немолодой, весьма незаурядных способностей, весьма популярный между запорожцами. Уже в 1586 году, 22 мая, некто Богдан Микошинский писал письмо Каспару Подвысоцкому и какому-то владыке

¹³⁹ Архив Юго-Западной России, т. I, ч. III, 58, 55, 57–62.

¹⁴⁰ Кулиш на основании имени и происхождения Косинского считает его если не католиком, то лютеранином, но малороссийские летописцы Грабянка и другие считают Косинского человеком православной веры.

Юрию, в котором сообщал о новостях селевых после их отъезда: с Низу, от Тавани и от городков прибегли сторожа от Криштофа, давая знать о выступлении в поход перекопского царя со всей силой своею¹⁴¹. Несколько позже указанного времени имя Косинского стало известным и в Москве. Так, в грамоте царя Феодора Ивановича к донским казакам, 30 марта 1593 года, как пишет о том Бантыш-Каменский в «Истории Малой России», велено было донцам промышлять вместе с низовыми казаками и их вождем Криштофом Косинским, на реке Донце, против крымских татар¹⁴². А в письмах Станислава Жолкевского говорится даже, будто Косинский «поддал» русскому царю пограничную, более ста миль расстояния, окраину земли и оттого дал повод царю писаться царем Запорожским, Черкасским и Низовским¹⁴³.

Из всего этого видно, что Косинский действительно был видной и влиятельной

¹⁴¹ Listy Zoikiewskiego, Krakow, 1868, 34, примет.

¹⁴² Бантыш-Каменский. История Малой России, 1, примет. 110.

¹⁴³ Listy Zoikiewskiego, 27.

личностью, дававшей тон и направление самому движению¹⁴⁴.

Состоя в числе низовых казаков, Криштоф Косинский, по укоренившемся издавна между низовцами обычаю, ушел, вследствие полного затишья, на зимнее время из Сечи на Украину «на приставство, домованье», чтобы «долежать» там зиму, а с весной, когда зашумят травы в лугах и потекут речки в берегах, снова спуститься на Низ. Вместе с Косинским «долеживали» зиму и много простых казаков. Все они находились в Белоцерковщине. Были ли у них раньше какие-нибудь замыслы, когда они находились еще в Сечи, или же эти замыслы пришли в головы казакам уже на «лѣжах», в точности неизвестно, но движение началось в последних числах декабря 1591 года. Казаки захотели посчитаться с некоторыми пограничными панами и, снявшись с лѣж, прежде всего, в начале января 1592 года, «гвалтовне» напали на дом белоцерковского подстаросты, князя Курцевича-Булыги, мстя ему за какую-то неправду («снять з направи чиее»). Наскочив на дом Булыги, казаки проникли в его «комору», забрали у князя имущество и шкатулку с деньгами, клейнодами и листами; между

¹⁴⁴ Николайчик: Киевская старина. 1884. Март, 432.

последними были так называемые мамрамы, то есть особые для вписывания панских приказов бланки, вверенные Булыге белоцерковским старостой князем Янушем Острожским, а также некоторые жалованные грамоты и привилегии, данные князьям Острожским на староства, маетности, грунты¹⁴⁵.

О первом движении Косинского и казаков скоро узнал король Сигизмунд III и уже в половине января того же года снарядил особую комиссию и издал королевский лист с обращением к Волынскому населению сообщать комиссарам сведения о действиях своевольных людей и с приказанием всем урядам карать по закону бунтовщиков. В своем универсале король говорил о дошедших до его слуха сведениях касательно действий некоторых своевольных людей в воеводствах Волынском, Киевском и Брацлавском. Не обращая внимания ни на верховную власть, ни на посполитое право, своевольные люди делают неслыханные шкоды, большие кривды, убийства и грабительства в разных местах, местечках и селениях воеводств. Поэтому, чтобы предупредить действия своевольных людей, всем старостам, державцам, урядникам и посполитым воеводства Волынского предписывалось помогать комиссарам

¹⁴⁵ Архив Юго-Западной России, ч. III, т. I, 31.

в расследовании своевольных людей, ловить и представлять их на суд, а в случае ухода из местечек — доставлять комиссарам списки их¹⁴⁶.

Во главе комиссии поставлен был официальный старшой казацкий, снятынский староста Николай Язловецкий. Не довольствуясь предписанием короля Сигизмунда жителям Волынского воеводства, сам Язловецкий отправил в Запорожье воззвание к казакам с приказанием оставить «лотра» Косинского и повиноваться правительству. Эти приказания повторены были несколько раз, и в одном из них, писанном 10 марта, Язловецкий грозил казакам поднять против них оружие и жестоко наказать за все бедствия, причиняемые ими населению волынскому¹⁴⁷.

Но предписания эти, как старшого, так и самого короля, не имели никакого действия на казаков и Косинского.

Взяв Белую Церковь, казаки вслед за тем взяли Киев, а после Киева, как пишет Костомаров, — несколько других городов¹⁴⁸,

¹⁴⁶ Там же, 33–35.

¹⁴⁷ Listy Zoikiewskiego, Krakow, 1868, 21.

¹⁴⁸ Костомаров. Исторические моногр., 1867, III, 250

причем оружие и порох забирали с собой, жителей или убивали, или заставляли присягать себе на послушание, замки и места королевские и панские жгли и опустошали¹⁴⁹.

Запасшись всем необходимым в Белой Церкви, Киеве и других смежных с ними городках, казаки спустились на Волынь и Подолию и расположились в имении князя Константина Острожского Острополе¹⁵⁰. Стоя в Острополе, Косинский взял несколько других городов, принадлежавших князю Острожскому, и подверг их опустошению. Главной заботой Косинского было насаждение везде казацкого присуда вместо панского, то есть распространение казацкого суда на шляхту, мещан и селян.

Так простоял Косинский все лето безбоязненно в Острополе. В августе этого года¹⁵¹ против него пытался действовать князь Острожский, но он был разбит казаками и потерял

¹⁴⁹ Архив Юго-Западной России, ч. III, т. I, 38–40.

¹⁵⁰ Ныне местечко Новград Волынского уезда.

¹⁵¹ Николайчик: Киевская старина, 1884, март, 435, примеч. 2.

свое войско¹⁵².

После этого Косинский стоял спокойно и всю осень того же года в том же Острополе. Само правительство ничего решительного не предпринимало против него. Только князь Константин Острожский и заботился о мерах против казаков. В октябре месяце, на вальном сейме, он высказал мысль о необходимости починки разрушенных низовыми казаками замков в Киеве и Белой Церкви. Однако, несмотря на очевидную необходимость этого предложения, оно не было принято панами, и князь потребовал себе свидетельство от короля в том, что он хотя и состоит киевским воеводой, но не может считаться виновным на тот случай, если замки, будучи открытыми, вновь подвергнутся нападению казаков. Свидетельство, как записано в Архиве Юго-Западной России, было выдано, за подписью короля Сигизмунда III, 15 октября 1592 года¹⁵³. Такое положение дел продолжалось до конца всего года, и еще в половине января следующего, 1593 года обыватели Луцкого и Владимирского поветов, съехавшиеся было для судебных роков,

¹⁵² Bielskiego Dalszy ciąg kroniki, Warszawa, 1851, 178.

¹⁵³ Архив Юго-Западной России, ч. III, т. I, 36.

сговорились закрыть заседание судов и прекратить судебные делопроизводства по причине восстания казаков и разорения ими шляхетских имений¹⁵⁴. Только 16 января 1593 года король издал универсал к шляхте Волынского, Киевского и Брацлавского воеводств, «ознаймуя о великом своевольстве низовых казаков и призывая жителей на посполитое рушение против них за то, что они по неприятельски имения шляхты разоряют, а самих шляхтичей и мещан к присяге на верность себе насильно приводят»¹⁵⁵.

Нужно думать, что к этому же времени относится и постановление сейма относительно казаков, отмеченное в собрании польско-литовских законов: «Своеволие казачества чем дальше, тем больше вредит Речи Посполитой; вследствие этого сейм 1593 года постановляет назвать казаков врагами отечества. Гетману войска нашего поручаем тех своевольников уничтожить. Но для подлинного удержания этого своеволия нужна конституция (постановление) 1590 года, по которой наш гетман и сами обыватели тех краев, откуда выходят эти своевольные люди, могут брать оружие

¹⁵⁴ Там же, 38–44.

¹⁵⁵ Там же, 44–46.

и защищаться»¹⁵⁶.

На королевский универсал и постановление сейма прежде всего отозвался князь Константин Острожский, маршал волынский, воевода киевский и староста володимирский. Уже в конце января стало известно, что Острожский начал собирать шляхетское ополчение против казаков ¹⁵⁷. Сборным пунктом назначен был Константинов. Кроме Константина Острожского, сбором ополчения занимались также князь Януш Острожский, действовавший возле Тарнополя (город в теперешней австрийской Галиции), а также сын Януша и внук Константина. Не довольствуясь местным ополчением, Януш Острожский послал за пехотой в Венгрию и таким образом в конце концов успел стянуть значительное число войска под свои знамена.

К февралю месяцу войска уже успели собраться, и начальство над ними принял Януш Острожский, потому что он был бодрее своего слишком престарелого отца и опытнее своего молодого сына. Вместе с Янушем Острожским действовал и князь Александр Вишневецкий,

¹⁵⁶ Volumena legum. СПб., 1860, II, 364.

¹⁵⁷ Архив Юго-Западной России, ч. III, т. I, 47–52.

староста черкасский.

Косинский сперва стоял в Острополе, при нем было около 5000 человек войска. Не считая удобным и безопасным для себя Острополь, Косинский передвинулся к местечку Пятке (теперь Житомирского уезда Волынской губернии), положение которого во многом находил более выгодным, для военных действий. Острожский последовал за Косинским к Пятке. Но Косинский, не желая допустить князя в самый город, вышел к нему навстречу за город и здесь устроил, по казацкому обычаю, в открытом поле табор из возов, заключивши свое войско в середину его. Дойдя до казацкого табора, войско Острожского сперва не решалось напасть на казаков и даже склонно было к бегству, но когда Острожский обратился к нему с теплым словом убеждения и показал пример собственного мужества, то рать его с отвагой бросилась на Косинского, успела разорвать казацкие возы и проникнуть в центр табора. Тогда казаки поспешили отступить к городу, но поляки преследовали их до самых ворот города, нанося им раны и поражая на месте. Это произошло 2 февраля, когда в поле не успел еще стаять снег¹⁵⁸. Неудача

¹⁵⁸ Listy Zolkiewskiego, 25; Heidenstein. II, 317; Bielski. 188–190.

казаков произошла, главным образом, оттого, что они действовали против своих врагов на малорослых конях, тонувших в таявшем снегу и оттого замедлявших все действия своих всадников в противоположность полчанам Острожского и Вишневецкого, сидевшим на рослых лошадях и хорошо справлявшимся с проталинами в снегу. Под конец Косинский потерял, по польской народной молве, до 3000 человек войска, 26 пушек, почти все хоругви и 10 февраля¹⁵⁹ сдался на капитуляцию победителям: выехав из замка, казацкий вождь, по словам польского летописца Иоахима Бельского, упал к ногам Острожского с мольбой о прощении и был прощен.

В тот же день Косинский дал лист и принес присягу Константину Острожскому о прекращении набегов на магнаты князя и его друзей, о сложении с себя «гетманского» уряда, о выдаче польских слуг и о возвращении оружия и имущества, у панов взятого.

Архив Юго-Западной России приводит такой текст его присяги: «Я, Криштоф Косинский, на это время гетман, и мы, сотники, атаманья, все рыцарство войска запорожского, сознаемся в этом листе нашем, что, несмотря на великие

¹⁵⁹ Николайчик: Киевская старина. 1884. Март, 438, пр. I.

добродейства и ласки ясневельможнаго пана Константина княжаты Острожского, воеводы киевского, маршалка земли волынской, старосты володимирского, которые его милость во все время своей жизни, вследствие своей милостивой панской власти, оказывал всему войску и каждому из нас особо и много добра делал; а мы, забыв обо всем том, не мало огорчения и убытков причинили как самому ему и деткам его, так и слугам и подданным его милости, и ласку их милости к себе нарушили; а их милость, будучи под Пятком, все поступки наши, после униженных и усердных просьб наших и после заступничества многих знатных людей, по своей милостивой ласке, как христианские панове, не желая проливать нашей крови, нам простите. Поэтому мы, все рыцарство вышеименованного войска, обещаем и присягою своею утверждаем: с этого времени пана Косинского за атамана не иметь и на его место иного на Украине, в течение четырех недель поставить, и потом находиться в послушании его милости короля, не чиня никакого розмирья с посторонними соседями панств его королевской милости, жить за порогами на указанных местах, ни лёж, ни приставств, ни убытков, ни кривд не иметь и не чинить в державах и маетностях их милостей князей и их приятелей, его милости княжати Александра Вишневецкого, старосты черкасского, и иных, находящихся в это

время при их милости; также не подмалывать к себе слуг из маетностей и державств их милости; беглецов, изменников и слуг их милости у себя не хоронить и выдавать; оружие, когда-либо взятое в замках, городах и державах их милостей, кроме трипольских [то есть взятых в Триполье], вернуть; также вернуть хоругви, лошадей, скот и движимое имущество, взятые в имениях княжат их милости; кроме того, отправить от себя челядь обое плоти [то есть обоего пола], имеющуюся при нас; вечно жить у князей их милостей в прежней любви, никогда не приставать ни к одному человеку против их милостей, а напротив служить им. На все эти вышепрописанные кондиции, поданные нам от их милостей князей, мы, все войско, приносим присягу вечно, свято и ненарушимо, не подыскивая причин к нарушению, хранить и по ним на вечные времена поступать. А присяга та наша заключается в следующих словах: я, Криштоф Косинский, мы, сотники, атаманы, все рыцарство войска запорожского, один за другого и каждый из нас за себя присягаем Господу Богу в Троице Единому, который сотворил небо и землю, на том, что мы все и каждый в отдельности имеем и повинны все вышепоименованные кондиции, на этом листе нам поданные им милостию князьями Острожскими, в целости и ненарушимо, не подыскивая никаких причин к нарушению, содержать и сообразно с

ними вечно поступать с их милостями, а не против их милостей панов, приятелей, слуг и подданных их, — в этом помоги нам, Господи Боже! Если же мы неправильно присягнули, то скарай нас, Господи Боже, на душах и на телах наших, в настоящем и будущем веке! А для лучшей верности и вечного нашего утверждения, я, Косинский, этот лист властною рукою своею подписал и печать свою приложил; мы все также приказали приложить к этому листу войсковую печать и которые из нас умели, к нему руки свои подписали; просили то же сделать и их милостей панов вельможных, бывших при этом: его милость пана Якуба Претвича из Гаврон, каштеляна галицкого, старосту теремовльского; пана Александра князя Вишневецкого, старосты черкасского, каневского, корсунского, любецкого, ловвского; пана Яна Тульского, войкового требовльского; пана Вацлава Боговитина, хорунжего земли волынской; пана Василия Гулевича, войкового володимирского, что их милости, по просьбе нашей, сделать изволили и, приложив печати свои к этому нашему листу, изволили подписать руки свои. Деялось под Пятком року божого 1593, месяца февраля 10 дня. Криштоф Косинский рукою своею, Иван Кречкевич писарь войковой именем всего войска рукою; Якуб Претвич из Гаврона своею рукою: Александр князь Вишневецкий, староста черкасский; Вацлав

Боговитин, хорунжий волынский, Василий Гулевич войский володимирский, Ян Тульский войский требовельский»¹⁶⁰.

Очистив Волынское воеводство и расставшись со своим вождем Косинским, казаки частью ушли на Запорожье, частью разошлись по домам на Украине, но большая часть их, вопреки условию с князем Острожским, очутилась под городом Киевом и скоро овладела им, поместивши в нем свою армату и утвердившись в мысли навсегда остаться в нем. Тогда некоторые из волынских панов обратились к киевскому и волынскому воеводе с просьбой принять против казаков самые решительные меры, оповестить о том всех панов Волыни и таким образом общими силами прекратить казацкие своеволия. Но эти просьбы оставлены были Константином Острожским без внимания, казавшегося для многих весьма загадочным, но объясняемым частью рознью, всегда существовавшей между всеми польскими панами того времени, частью той связью, которая существовала между многими пограничными старостами и воеводами и низовыми казаками, а частью и тем равнодушием, с которым паны отнеслись к Янушу Острожскому в то время, когда

¹⁶⁰ Архив Юго-Западной России, ч. III, т. I, 53–57.

он, перед пяткинским делом, вышел на защиту своих маетностей и потерпел поражение от казаков.

Такое равнодушие со стороны князя Острожского к просьбам волынских панов как нельзя больше пришлось по вкусу бывшему казацкому вождю Криштофу Косинскому. Стесненный безвыходным положением, он дал клятвенный лист князьям Острожским в полном повиновении им, но теперь оказалось, что клятва дана им вынужденно и что он вовсе не думал об исполнении ее, получивши свободу. Теперь он снова выступил на сцену; снова вокруг него стали собираться войска, частью из польских бояр, частью из побывавших на Запорожье мешчан, а частью и из блуждавших по Украине запорожцев; вместе с войском у Косинского явилась и армата. Сборным пунктом назначен был приднепровский город Черкассы. Косинский решил прежде всего ударить на черкасского старосту, князя Александра Вишневецкого, за то, что он осмелился принимать участие, вместе с князем Острожским, в деле под Пяткою. Вначале с Косинским было, по приблизительному расчету, от трехсот пятидесяти до четырехсот коней, но потом к нему водой и сухопутьем потянулись отовсюду новые силы, и восстание грозило принять широкие размеры. К счастью поляков, случилось обстоятельство, которое сразу разрушило все намерения казаков, —

это убийство Косинского. Оно произошло во время пира Косинского в корчме города Черкассы и сделано было служебниками Вишневецкого, которых Косинский приглашал под свой «реймент». Во хмелю пировавшие сперва поссорились, потом от ссоры перешли к драке, и во время драки какой-то шляхтич одним ударом сразил Косинского, а товарищи его бросились на казаков, бывших с Косинским, и перебили их. Оставшееся без вождя войско Косинского ушло за пороги.

Так передают о кончине Косинского Бельский и Гейденштейн. Иначе рассказывает об этом сам князь Александр Вишневецкий. В своем письме от 23 мая 1593 года к коронному гетману Яну Замойскому он говорит, что Косинский погиб во время сражения под Черкассами: несмотря на то, что при нем было 2000 человек казаков, он был разбит Вишневецким и пал на месте. Народная молва и украинские летописцы придали Косинскому особенный ореол мученика и о кончине его рассказывали, будто бы он живым был замурован в каменном столбе, в Брест-Литовске, и погиб там лютой смертью. Впрочем, такой конец приписывает Косинскому псевдолетописец Георгий Кониский; большинство же летописцев говорят о гибели Косинского под Пяткою, причем одни относят дату смерти его к 1593, другие — к 1594

году¹⁶¹.

Фактическое и последовательное изложение войны Косинского и низовых казаков с поляками не дает нам прямых указаний на то, чтобы уяснить себе определенно выраженные причины этой войны. О гнете религиозном украинского народа поляками в это время еще не может быть речи, так как этот вопрос, хотя и успел уже к тому времени назреть, выступил со всей силой несколько позже самой смерти Косинского. Остается поставить это первое казацкое движение против польского правительства в зависимость от политической унии 1569 года, по которой народно-казацкая Украина, оторвавшись от Литвы, вошла в состав аристократически-шляхетской Польской республики и стала чувствовать себя в новом отечестве так, как чувствует себя приемыш в чуждой ему по плоти и вере семье. Первыми причинами казацкого движения в областях польской Украины и в тесно связанном с ними Запорожье с 1569 года могли быть постепенный захват польскими панам земельными угодий на Украине и последовательное стремление со стороны панов к закрепощению и порабощению

¹⁶¹ Bielskiego Dalszy ciąg kroniki polskiej, 190; Heidenstein. Dzieje polski, II, 318; Listy Zolkiewskiego, 26.

простого украинского населения. Что личное положение украинцев под властью поляков действительно имело в описываемое время известное значение, это видно из частых побегов панских подданных на Запорожье, а также и из старания Лосинского распространить равноправность суда между казаками, шляхтичами и нешляхтичами. Таким образом, не имея фактических указаний на то, чтобы связывать первые движения казаков против поляков с вопросом о борьбе за веру, мы должны отвергнуть свидетельства малорусских летописцев, утверждающих, без всякого на то основания, будто бы казацкий вождь Криштоф Косинский поднял свое оружие против поляков за веру казаков, оскорбляемую католиками. О первых казацких войнах против поляков можно сказать то, что причиной их было, согласно выработанной историей истине, нарушение экономического равновесия в государстве, или, иначе говоря, всеобщее обеднение народа в государстве и стремление его выйти из этого состояния через борьбу с другим народом. В государстве Речи Посполитой материально лишенным было низшее население Украины, которое и стремилось восстановить экономическое равновесие с оружием в руках.

Глава 6

Идея об изгнании турок из Европы. Сношения австрийских императоров с Москвой по этому поводу через посла Воркочу. Сведения о запорожских казаках, собранные Воркочей в Москве. Отправление и приезд в Запорожскую Сечь германского посла Эриха Ласоты. Приезд папского посла патера Комулео. Предложение запорожцам от императора и папы. Согласие и потом отказ запорожцев в участии в войне императора против турок. Условия, предъявленные запорожцами императорскому послу, и отправка к императору собственных посланцев. Уклонение со стороны молдавского господаря от союза с запорожцами, хлопоты по этому поводу и успех со стороны папского посла патера Комулео.

Едва успели запорожские казаки покончить с делом Косинского, как у них началось новое и весьма важное дело — сношение с австрийским императором. Имя запорожских казаков сделалось известным при дворе австрийского императора через некоего Станислава Хлопицкого, в свое время популярнейшего авантюриста, червоннорусского уроженца, выдававшего себя при императорском дворе за казацкого гетмана. В то время австрийский император очень занят был вопросом об изгнании турок из Европы.

Идея об изгнании турок из Европы занимала умы политиков разных стран этого времени: Испания, Италия, Германия составили союз против турок, к которому они нашли нужным привлечь Польшу, Молдавию и даже Россию. К этому последовательно стремились Филипп II, испанский король, Григорий XIII, папа римский, Максимилиан II и Рудольф II, германские императоры. Каждый из них старался непременно вовлечь в это дело и Россию. Высказана была даже мысль обещать московскому царю Крымский полуостров, а потом и самую столицу турок, Константинополь, лишь бы только царь согласился принять участие в составленном союзе. Но так как всех этих союзников для осуществления идеи казалось мало, то нашли нужным привлечь к задуманному делу еще запорожских казаков, всегдашних врагов турок, как и всяких других мусульман. Особенно энергично хлопотали об этом Рудольф II и Григорий XIII, германский император и римский папа.

Сношения Австрии с Россией велись через германского посла Николая Воркочу, бывшего при дворе царя Федора Ивановича и регента Бориса Федоровича Годунова. Прослышав о военных доблестях низовых казаков, германский император Рудольф II обратился с просьбой к московскому царю дать ему в распоряжение казаков для

вспомоществования в предположенной войне против турок. Московское правительство, не владея запорожскими казаками, не могло исполнить просьбы императора, но тем не менее вполне сочувственно отнеслось к просьбе его. Воркоче передано было, как пишет Соловьев в своей «Истории России», что запорожские казаки очень выносливы в голоде, очень полезны для захватывания добычи, для опустошения неприятельской земли и для внезапных набегов на врагов; но с другой стороны было сказано, что казаки — народ неукротимый, жестокий, не имеющий страха Божия и ненадежный; что им не следует вверять крепости, зато можно поручать дальние экспедиции в земле неприятельской¹⁶².

Но германскому императору такой народ был как нельзя кстати, и он решил во что бы то ни стало привлечь запорожцев к задуманному им делу.

Император отправил в Москву (в 1694 году) грамоту на имя царя Федора Ивановича и вместе волошского воеводы Аарона, брацлавского воеводы князя Збаражского и всех доблестных рыцарей, живших в запорожском войске. Грамоту эту привез в Москву шляхтич Станислав Хлопицкий,

¹⁶² Соловьев. История России. М., 1879, VII, 295; Чтения Общества истории и древностей, 1863, II, 269.

предложивший свои услуги Рудольфу II набрать восемь или девять тысяч казаков на службу Австрии. В грамоте прописана была просьба пропускать Хлопицкого везде беспрепятственно, а также изложена была и самая программа действий казаков: одна часть их должна была закрыть все дороги крымским людям и не пустить их для помощи туркам, другая должна внести войну в турецкую землю и опустошать ее. Хлопицкий, прибыв в Москву, объяснил там, что император обращается с просьбой о запорожских казаках к московскому царю именно потому, что считает запорожцев царскими слугами, да и сами запорожцы указывают на то и без воли царской не хотят служить императору. Но кроме этого тут же Хлопицкий стал просить и о том, чтобы московский царь к войску запорожскому прибавил и своих людей, а также дал бы казакам знамя и помог бы им казной: «тогда у неприятеля креста святого упадет сердце, как услышит такую силу царского величества». В Москве к просьбе германского императора отнеслись с подобающим вниманием, но самый прием просьбы нашли обидным для царского величества: Хлопицкому быть у государя непригоже, потому что в императорской грамоте, писанной к царю, рядом с царем поставлен князь Збаражский, холоп литовского короля. Но царь, не полагая опалы на Хлопицкого из желания добра

цесарскому величеству, отпускает Хлопицкого назад, а вместе с тем приказывает отписать начальнику запорожских казаков, Богдану Микошинскому, о том, чтобы он шел на помощь цесарю¹⁶³.

С такую же настойчивостью добивался союза с запорожскими казаками и римский папа. С той и с другой стороны отправлены были к запорожцам послы: от императора — Эрих Ласота¹⁶⁴, вместе со Станиславом Хлопицким и неким Яковом Генкелем, пользовавшимся репутацией знатока польско-украинских отношений; от папы — патер дон Александро Комулео. «Донесения патера дона А. Комулео, благочинного святого Иеронима Римского, о турецких делах», писанные на итальянском языке, были доставлены автору профессором Харьковского университета М.С. Дриновым. Как говорится в этих донесениях, «Александро Комулео был послан папою Григорием XIII к христианским народам Турции с апостольскими целями, и при этом посещении,

¹⁶³ Соловьев. История России. М., 1879, VII, 295.

¹⁶⁴ *Ласота* (по догадке Кулиша, от корня «ласый») был славянин — мораванин, родом из Блашевиц, понимавший свободно по-украински, но писавший по-немецки.

длившемся три года, близко узнал число христиан, как латинских, так и греческих, находящихся в некоторых областях и царствах турецкой земли, узнал дух этих народов, видел те страны и военные проходы для войск и усмотрел, насколько легко и каким способом можно выгнать турок из Европы, о чем со всею откровенностью и доносил кардиналу Джиорджию Романо»¹⁶⁵.

Побывав в Трансильвании, Галиции, Молдавии и Польше и везде заручившись согласием со стороны правительств идти против турок, патер Комулео решил, наконец, отправиться к запорожским казакам. «Казаки находятся у Большого моря (Черного), — говорит он, — ожидая случая выйти в устье Дуная. Число этих казаков не доходит и до 2000 человек. Думают, что они отправились туда по просьбе его цесарского величества, другие казаки находятся на татарской границе. Для личных переговоров с последними я поеду в Каменицу и куда понадобится, 27 апреля 1594 года».

¹⁶⁵ «Донесения патера дона А. Комулео, благочинного св. Иеронима Римского, о турецких делах». Эти донесения, писанные на итальянском языке, доставлены автору профессором Харьковского университета, М.С. Дриновым. Комулео был иллирийским священником; зная по-славянски, он мог объясниться с казаками без переводчика.

Переговоры Комулео с казаками продолжались около полутора месяцев, с самого конца апреля до половины июня. В то время казаки стояли в пяти днях пути от Каменицы, в числе 2500 человек, вместе с начальником Богданом Микошинским. Последний письмом уверял папского посла, что готов со своими казаками послужить папе против турок. Заручившись этим письмом, Комулео стал настаивать, чтобы молдавский господарь соединился с казаками против общего врага. Но молдавский господарь, давший раньше полное согласие во всем следовать папскому нунцию, теперь отвечал уклончиво: частью из боязни турок, с которыми ему нужно было ладить, чтобы остаться молдавским господарем, частью же из боязни самих казаков, которые могли обратить оружие против него же самого.

Между тем, пока происходили эти совещания дона Александро Комулео с молдавским князем и с запорожскими казаками, в самой Сечи на острове Базавлуке находился тогда германский посол Эрих Ласота. Как добрался в Сечь Ласота, что он там видел и к чему пришел в своих переговорах — об этом он рассказывает в своем дневнике. Дневник этот любопытен во всех отношениях и дает точные сведения для топографии края и внутреннего строя низовых казаков.

Спустившись ниже Киева к устью реки Псела, Ласота встретил здесь московского посла Василия Никифоровича, ехавшего также к запорожцам «от великого московского князя» с подарками. Московский посол, свидевшись с Ласотой, объявил, что его повелитель склонен оказать помощь императорскому величеству и разрешает запорожским казакам поступить в распоряжение императора. После этих переговоров оба посла сели в лодки и пустились вместе до самого лагеря запорожцев вниз по Днепру. Они минули устья речек Ворсклы, Орели, Самары и дошли до знаменитых днепровских порогов.

«Плавание через пороги чрезвычайно опасно, особенно во время низкой воды; люди должны в опасных местах выходить, и одни удерживают судно длинными канатами, другие опускаются в воду, поднимают судно над острыми камнями и осторожно спускают его в воду. При этом те, которые удерживают барку канатами, должны все внимание обращать на стоящих в воде и только по их команде натягивать и отпускать вершку, чтобы судно не натолкнуть на камень, ибо в таком случае оно немедленно гибнет. Таких мест двенадцать; если же причислить к ним еще одно, Воронову забору, то будет тринадцать, на протяжении семи миль... [В настоящее время всех порогов насчитывается девять и несколько забор.] Июня

6-го дня мы пустились через пороги и до обеда миновали первые шесть порогов; близ первого, называемого Кодак, мы вышли на правый берег, у второго, Сурского, высадились на остров, лежащий у правого берега, при впадении в Днепр реки Суры; у третьего, Лоханского, также сходили на правый берег, и четвертый, называемый Стрельчим [теперь забора Стрельчатая, или Стрежичья], проехали; у пятого, называемого Звонец, мы высадились на правый берег у подножия высокой скалы. Шестой порог, Княгинин [теперь забора Княгинина, или Тягинская], мы оставили вправо, объехавши его с левой стороны, и затем обедали ниже на Княгинином острове. После обеда прошли через седьмой порог, Ненасытец, близ которого должны были сойти на левый татарский берег, и долго замедлили, так как это самый большой и опасный из порогов. Место это опасно по причине татар, которые чаще всего производят здесь нападения; еще около трех недель перед тем татары напали на двенадцать городовых казаков, которые хотели спуститься вниз, и перебили их. Поэтому мы поставили на горе стражу, для наблюдения, которая заметила вдали четырех татар и дала нам знать; мы тотчас отрядили до двадцати человек из своей свиты в погоню за ними, сами же со всеми остальными держались наготове и следили, не понадобится ли им подкрепление. Но татары,

заметив, что мы сильны и держимся настороже, не стали ожидать нас, а скрылись и исчезли. Пройдя этот порог, мы провели ночь на близлежащем островке [надо думать, на так называемом Песчаном острове, у левого берега Днепра]. 7 июня мы прошли восьмой порог, Воронову забору; здесь один из наших байдаков, на котором находились Андрей Затурский, Ян Ганнибал и некто Осцик, наткнулся на камень и потонул; сами они были спасены маленькими лодочками, называемыми здесь подьыздками, но все их вещи погибли. [Если считать только двенадцать порогов, Воронова забора не считается в их числе, а почитается только опасным местом.] У девятого порога, Вовнига, мы сами сошли на берег и снесли свои вещи. Потом мы прошли десятый порог, Будило, а за ним пристали к левому татарскому берегу; там обедали. Здесь в настоящее время находится самая обычная и известная из татарских переправ, простирающаяся за остров Таволжанский, так как Днепр течет здесь одним только руслом и не слишком широк. Мы нашли здесь много маленьких татарских лодочек, связанных из хвороста и кругом обтянутых свежей кожей. Близ этого порога, на правом берегу, скрывались в засаде до четырехсот казаков, которые вытащили свои лодки или челны на землю, а сами лежали в кустах и зарослях; они были высланы сюда из Сечи, чтобы преградить путь

татарам, на случай, если бы часть их задумала переправиться сюда, как того опасались. Одиннадцатый порог, Таволжанский [теперь забора Таволжанская], мы оставили вправо, обойдя его с левой стороны, а двенадцатый, Липший, — прошли. У тринадцатого, именно Вольного, мы вышли на татарский левый берег и, причаливая к земле, наткнулись на камень, но, к счастью нашему, судно ударилось своим хорошо укрепленным носом. Близ этого порога впадает в Днепр речка Вольна; здесь оканчиваются пороги в расстоянии семи миль от первого; отсюда до Кичкаса $1\frac{1}{2}$ мили. Здесь также существует татарская переправа; Днепр в этом месте очень узок и берега его, особенно левый, весьма возвышенны и скалисты. Отсюда до Хортицы — прекрасного, гористого, обширного и веселого острова, имеющего около двух миль в длину и делящего русло Днепра на две ровные части, — $1\frac{1}{2}$ мили. Здесь мы провели ночь. На этом острове казаки держат зимою своих лошадей. К вечеру упомянутые выше 400 казаков, которые составляли стражу против татар у Будиловского порога, присоединились к нам и отсюда уже вместе со мною отправились в Сечь. Июня 8-го дня дошли до острова возле Белогорья $3\frac{1}{2}$ мили [против села Беленького, Екатеринославской губернии и уезда]; там обедали. Отсюда до другого острова $5\frac{1}{2}$ мили. Июня 8-го

дня прибыли на остров, называемый Базавлук, лежащий при одном из днепровских рукавов — Чертомлыке, или, как они называют, при Чертомлыцком Днеприще, 2 мили. Здесь находилась в то время казацкая Сечь; они выслали навстречу нам несколько более знатных лиц, чтобы приветствовать нас от имени всего их товарищества, и при нашем приближении салютовали множеством пушечных выстрелов. Едва мы вышли на берег, как они тотчас же проводили нас в коло. Всего за несколько дней перед тем, именно 31 мая, их вождь Богдан Микошинский отправился в море на 50 судах с 1300 человек. [Микошинский предпринял поход на турецкие владения по внушению императора Рудольфа II, который завел сношения с запорожцами через Станислава Хлопицкого еще в начале 1594 года.] Мы просили доложить колу, что мы чрезвычайно обрадованы, найдя все рыцарское товарищество в добром здоровье. Затем, так как вождь был в отсутствии и не все войско находилось в сборе, мы не пожелали на этот раз изложить свое поручение, оставляя это до благополучного возвращения гетмана и всех остальных. Они охотно согласились на это; затем мы отправились в свои шалаши (которые они называют кошами), плетенные из хворосту и покрытые сверху лошадиными кожами для защиты от дождя.

Только 18 июня вождь с остальным войском, бывший, как упомянуто выше, в морском походе, возвратился в стан. Он встретил татар при очаковской переправе, имел с ними две схватки, одну на воде, другую на суше, причем казаки взяли в плен раненного в колено знатного татарина, по имени Белена, из числа царских придворных. Но так как турецкие силы, оберегавшие татар от опасности, были слишком значительны, именно состояли из 8 галер, 15 каравелл и 150 сандалов, то казаки принуждены были отступить и не могли воспрепятствовать переправе.

Расспрашивая Белена через переводчика о силах и намерениях татар, я узнал, что хан выступил в поход с двумя царевичами и 80 000 человек, из которых, впрочем, не более 20 000 вооруженных и способных к войне; и что они должны были, нигде не останавливаясь надолго, прямо идти в Венгрию. Сверх того, я узнал, что в Перекопской орде оставалось немного больше 15 000 человек и что хан их, извещенный еще до выступления о некоторых неудачах, которые турки потерпели от венгерского народа его императорского величества, очень неохотно выступают в поход.

Июня 19-го дня, поутру, вождь посетил нас вместе с некоторыми старшинами и затем принимал у себя. После обеда они выслушали московского

посла, который, вручив подарки, открыто изложил перед колом то же самое, о чем говорил со мною раньше в дороге. Но прежде чем выслушать его, вождь прислал к нам из кола с просьбою, чтобы аудиенция, данная московскому послу раньше, нежели нам, не послужила поводом к недоразумению, ибо им хорошо известно, что его императорское величество стоит выше всех других европейских монархов и что поэтому его послов следовало бы выслушать первыми. Но так как они предполагали, даже отчасти убедились в том, что москвич должен был высказать соображения относительно вербовки сил его императорским величеством, то поэтому они сочли уместным предварительно выслушать его.

Июня 20-го дня мы имели аудиенцию и представили письменно в коле наше поручение о вербовке войск. После этого казаки, пригласивши нас выйти из круга, прочли публично нашу грамоту и потребовали, чтобы каждый высказал о ней свое мнение. Когда же, после двукратного воззвания вождя, все продолжали молчать, то присутствующие разделились, как это у них принято при обсуждении важных дел, и образовали два кола: одно, состоящее из старшин, и другое из простого народа, называемого у них чернью. После долгих совещаний чернь, наконец, обычными возгласами выразила свое согласие вступить на

службу его императорского величества, в знак чего бросали вверх шапки. После этого толпа бросилась к другому колу-старшине, угрожая бросить в воду и утопить каждого, кто будет против этого мнения. Поэтому старшины тотчас же согласились на все, не смея противоречить черни, столь сильной и могущественной, когда она приходит в ярость, и только требовали переговорить с нами об условиях. Избраны были 20 депутатов, и нас снова пригласили в коло.

Тогда эти депутаты, усевшись на земле посреди большого кола, образовали маленькое коло и после долгих совещаний пригласили нас к себе; мы пришли и уселись среди них. Тогда они изъявили нам свою готовность поступить в службу его императорского величества, не щадя своей жизни. Они по существу согласны были двинуться в Молдавию, переправиться через Дунай и вторгнуться в Турцию, но для исполнения этого предложения оказались многие препятствия, которые удерживали их и заставляли совершенно отказаться: во-первых, они не имели достаточного количества лошадей ни для самих себя, ни под орудия, так как татары во время семи одновременных набегов, предпринятых в течение минувшей зимы, захватили и угнали более двух тысяч лошадей, которых после того не осталось и четырехсот; во-вторых, они не решаются вступить в

Молдавию в столь ограниченном количестве наличного войска, именно около 3000 человек, так как трудно полагаться на господаря, да и сами молдаване от природы непостоянный, изменнический народ, вероломство которого хорошо известно казакам. В-третьих, при столь незначительном вознаграждении и при такой неопределенности наших предложений они не могли вступить с нами в договор относительно службы, как мы того требовали, равно как и предпринимать такой дальний поход. Потому они требовали, чтобы я облегчил им пути и средства, как заpastись лошадьми; они осведомлялись, не взялся ли бы я выхлопотать у брацлавского воеводы несколько сот лошадей, как для них самих, так и под орудия.

Притом они утверждали, что не имеют обыкновения поступать на службу и идти в поход при неопределенности условий и потому желают, чтобы я заключил с ними договор от имени его императорского величества относительно трехмесячного жалованья и продовольствия их самих и лошадей; тогда они согласны принять предложение и подумают, что делать дальше. На это я ответил относительно лошадей, что мне, как иностранцу, незнакомому с Польшей, трудно советовать им что-нибудь; но я не сомневаюсь, что, поднявшись вверх по Днепру, они могут заpastись

лошадьми в своих городах и селлах, где они родились и выросли и где у каждого были родные и знакомые; брацлавский воевода [князь Януш Збаражский], как большой друг их, также мог бы снабдить их лошадьми, если бы они того потребовали. Что же касается жалованья, то я не могу входить с ними в переговоры, не будучи уполномочен на то. Его императорское величество иначе бы распорядился, если бы они раньше заявили эти требования, и, вероятно, все дело приняло бы другой оборот. Что касается молдавского господаря, то я уверен, что он, при нашем прибытии, объявит себя на стороне императора. Поэтому я советовал им ввиду оказанных его императорским величеством милости и доверия, выразившихся в том, что, несмотря на дальний и опасный путь, он прислал им в самый их стан столько значительных и великолепных даров и почестей, равных которым они никогда не получали от другого монарха, со своей стороны оказать доверие его императорскому величеству и, согласно его желанию, подняться вверх по Днепру на Украину, где к ним, без всякого сомнения, тотчас пристало бы много народа; тогда можно было бы со значительными силами пройти Валахию до Дуная, настичь татар и преградить им дальнейший путь. Исполнивши это, они могут быть уверены в том, что его императорское величество,

как верховный монарх, не станет поступать вопреки своему достоинству и величию, а, напротив, убедившись в их доброй воле и преданности и усмотревши начало этого в их службе, — наградит их с такою щедростью, которая может значительно превзойти требуемое ими жалованье, на славу себе и к их вящей выгоде. На это они снова отвечали мне и призывали Бога в свидетели, что все они охотно готовы служить его императорскому величеству, но что существуют важные причины, уже выслушанные мною, препятствующие им на этот раз предпринимать столь отдаленный поход. Тем не менее, чтобы его императорское величество мог убедиться в их покорнейшей преданности, они намерены немедленно отправить к нему своих послов, уполномоченных заключить с императором условие относительно их содержания, между тем они обещают сами позаботиться о приобретении лошадей и не оставаться в бездействии, но ради службы императору готовы отправиться в море и, если погода будет благоприятствовать, употребить все усилия к тому, чтобы напасть на Килию и Бабадаг, два знаменитых турецких города, лежащие на Дунае выше его устья в Черное море, или же попытаются разрушить Перекоп, главный город крымских татар, отстоящий всего в 26 милях от Сечи по прямому пути, но если ехать морем, то расстояние несколько больше. На это я отвечал, что

задуманный ими морской поход, при других обстоятельствах, мог бы считаться услугою, но так как он не соответствует планам и намерениям его императорского величества, то, по моему мнению, не может считаться за особую заслугу, тем более что не преградит пути во владения императора татарам, которые уже переправились за Днепр и теперь находятся на пути в Венгрию, и не отвлечет части турецких сил. Между тем эти два предмета и составляют собственно главную цель нашего посольства. Итак, я по-прежнему предложил от имени его императорского величества тотчас подняться, двинуться в Валахию, постараться настигнуть татар и преградить им путь в Венгрию; тогда им можно будет от границ Валахии снарядить посольство к императору для переговоров относительно их продовольствия. Без всякого сомнения, его императорское величество, видя, что они не остаются в бездействии, а, напротив, служат ему, храбро действуют против неприятеля, тем с большею милостью и благосклонностью отнесется к их просьбе при переговорах.

Затем, когда есаулы (начальники, которых можно приравнять к поручикам) обошли вокруг большое коло и все сказанное изложили прочим казакам, чернь снова отделилась, образовала особое коло и после новых совещаний опять выразила согласие громкими восклицаниями,

сопровождавшимися бросанием шапок вверх. Когда мы вслед за тем вышли из кола, тотчас загремели войсковые барабаны и трубы, сделано было десять пушечных выстрелов, а ночью пущено еще несколько ракет. Но в тот же вечер некоторые беспокойные головы вместе с более зажиточными казаками, каковы, например, охотники или владельцы челнов, ходили из хаты в хату и смущали простой народ, указывая на отдаленность и опасности пути, предостерегали, убеждали пораздумать о том, что они намерены предпринять, чтобы не раскаиваться впоследствии. Они указывали на незначительность присланной казакам суммы, на которую невозможно продовольствовать такое количество людей в таком далеком походе, тем более что в числе их много людей бедных; затем спрашивали, куда они намерены употребить эти деньги — на покупку хлеба или на покупку лошадей, причем ставили на вид, будто его императорское величество может завлечь их далеко в глубь страны и затем, когда минует надобность, оставит их ни при чем, особенно если они не имеют никакого определенного письменного обеспечения, скрепленного его печатью. Такими и подобными речами они так настроили простой народ, что те, собравшись снова в коло наутро следующего дня, 21 июня, пришли к совершенно противоположному заключению, а именно: что при столь

неопределенных условиях они никак не могут и не хотят выступать в поход, тем более что им неизвестно, действительно ли существуют обещанные деньги или нет и от кого они могут быть получены, так как им не представлено никакой грамоты от его императорского величества, равно как и письменного удостоверения в том, что им действительно будут уплачены добавочные суммы и подарки. Наконец они прислали в наше помещение нескольких казаков, чтобы сообщить нам такое решение. На это я отвечал, что им легко было бы убедиться в том, что эти деньги присланы действительно его императорским величеством и что я сам от себя не мог бы предложить им таких даров. Что, наконец, было бы безрассудно с моей стороны обнадеживать их в получении суммы, если бы она действительно не существовала, и тем накликать беду на свою голову. Напротив, они могут быть уверены в том, что получат эти деньги, как только согласятся на условия, предложенные нами от имени его императорского величества. Наконец, в подтверждение своих слов, я показал им также свою инструкцию, скрепленную императорскою печатью. Когда же эти посланные возвратились в коло с моим ответом, а чернь, несмотря на это, продолжала упорствовать в своем решении, то вождь и некоторые из старшин, в особенности

Лобода, прежний гетман, при котором Белгород был разрушен, всячески просили и уговаривали их хорошо обдумать, что они делают, и не отвергать милостивых предложений императора, которые они должны бы почитать за великое счастье. В противном случае они рискуют по меньшей мере подвергнуться всеобщему позору и посмеянию, если откажутся теперь от участия в таком похвальном предприятии, направленном против закоренелого врага христианства, и не пожелают выступить в поход, несмотря на милостивое предложение, сделанное им столь могущественным монархом.

Но когда они и после всех этих доводов настаивали на прежнем решении, то вождь тут же среди кола в гневе отказался от своего достоинства и сложил свою должность, мотивируя отказ тем, что он не может и не хочет оставаться вождем людей, которые так мало дорожат своею славою, честью и добрым именем. После этого коло разошлось.

После обеда есаулы снова созвали в коло весь народ, иных даже загоняли туда киями. Прежде всего собрание просило Микошинского принять обратно начальство, что он и исполнил. Затем слышались разные странные речи о Хлопицком; говорили между прочим, что он своими ложными предложениями ввел в заблуждение не только его

императорское величество, но и всех нас и их самих. Иные даже открыто выражали намерение бросить его в воду, чем привели его в большое замешательство.

По всему ходу дела легко можно понять, какую фальшивую роль играл Хлопицкий при дворе, а также и то, что он, почти по всем пунктам, сообщал его императорскому величеству ложные сведения. Ибо, во-первых: он выдавал себя за казацкого гетмана, каким в действительности никогда не был и даже не мог надеяться на этот титул, как это я понял из слов старшины. Во-вторых: он вовсе не был послан запорожским войском к его императорскому величеству, а только, проживая незадолго перед тем в Киеве в среде казаков и толкуя по-своему слова некоторых из них о том, каким бы образом заявить о себе его императорскому величеству, он тотчас же подхватил эти слова и, без ведома их, отправился предложить императору их услуги, заметивши, что дело идет к войне с турками. Это рассказал нам сам Микошинский.

В-третьих: он утверждал, что число казаков простиралось от 8 до 10 тысяч, что также неверно, ибо, спустившись к ним, я застал всего около 3 тысяч человек. Правда, они могут, при желании, собрать еще несколько тысяч войска, если призовут к оружию всех тех казаков, приписанных к

запорожской общине, которые проживают в различных городах и селах. В-четвертых: он утверждал, что они удовольствуются дарами его императорского величества и тотчас по получении их готовы будут двинуться, куда направит их его императорское величество, что также не оправдалось.

Так как Хлопицкий, по правде сказать, своим самозванством сам подал повод к серьезным недоразумениям, которые можно было бы предотвратить, если бы он действовал прямо, то я неоднократно и в таких сильных словах выговаривал ему его легкомысленное поведение, что совсем смутил его и не раз заставил обливаться слезами и потом, выступавшим на лбу, так как он и сам хорошо сознавал, что неправ, и видел ясно, что его жизнь в моих руках, и, если бы я захотел, ему бы плохо пришлось.

Июня 23-го дня казаки с утра собрались в коло и прислали к нам в квартиру нескольких депутатов, которые убеждали нас не думать, будто они не желают поступать в службу его императорского величества, но что главным препятствием к тому является хорошо известный нам самим недостаток лошадей; не будь этого обстоятельства, они знали бы, что делать. В ответ на это я предложил составить и передать в коло те условия, какие мог бы заключить с ними, после

чего они снова воротились в собрание передать товарищам мое предложение и затем разошлись. Между тем я приказал написать свои условия, они со своей стороны тоже начали писать грамоту с обозначением тех условий, на которых они считают возможным на этот раз поступить в службу его императорского величества. А после обеда, собравшись снова в коло, они не захотели ждать, пока я предъявлю им свои пункты, и поспешили прислать ко мне нескольких из своей среды со своими письменными условиями, на которые требовали моего ответа; содержание их следующее:

Условия, переданные полным собранием запорожского войска послам римского императорского величества:

Во-первых, получивши прошедшею весною перед Светлою неделю письмо от римского императорского величества, пана нашего милостивого, присланное сюда за пороги через нашего товарища, пана Станислава Хлопицкого, мы, узнав от пленных, что в Белгороде собирается пешее и конное войско турецкого султана и что оно должно отсюда направиться в Венгрию, призвали на помощь всемогущего Бога и отправились туда же попытать счастья от имени его императорского величества; прошли всюду с огнем и мечом, положили на месте до 2500 вооруженных людей и до 8000 простого народа.

Во-вторых, когда вышеназванный товарищ наш Хлопицкий передал нам присланные его императорским величеством знамя и трубы, мы с благодарностью приняли столь важные клейноды и, получивши точные сведения о том, что крымский хан намеревался со всею своею силою переправиться через Днепр у Очакова, мы направились туда же вместе со своим начальником, желая воспрепятствовать их переправе. Но, заставши там весьма значительные турецкие силы, как морские, так и сухопутные, мы боролись с ними, насколько позволяли наши слабые силы, дважды атаковали их, вступали в перестрелку и, благодаря Бога, увели одного знатного пленника.

В-третьих, мы обязываемся во все продолжение этой войны с турками всегда действовать против неприятеля с присланным от императора знаменем и трубами, преследовать врага на его земле и истреблять его земли огнем и мечом.

В-четвертых, по примеру наших предков — мы сами всегда и во всякое время готовы жертвовать жизнью за христианскую веру; не отказываемся делать это и впредь; но, зная хорошо вероломство язычников и молдаван, не решаемся отправляться в поход под таким важным клейнодом, как знамя его императорского величества, и в сопровождении ваших милостей,

так как нам хорошо известно, что немало честных людей и добрых христиан было изменнически предано молдавским господарем в руки язычников. Ввиду всего этого нам невозможно, за такую плату, предпринимать такой отдаленный поход при таком недостатке лошадей как для нас самих, так и под орудия.

В-пятых, мы желали бы послать к его императорскому величеству посольство, состоящее из пана Станислава Хлопицкого и двух других из наших товарищей, с тем, чтобы они представили ему от нашего имени белгородского пленника и два янычарских значка, изложили бы все возникшие недоразумения и окончательно условились бы относительно нашего содержания.

В-шестых, между тем, до возвращения нашего посольства, мы намерены, с Божьей помощью и в присутствии ваших милостей, вторгнуться в землю язычников, если возможно будет, до самого Перекопа, или куда направит нас воля Всемогущего и дозволит состояние погоды, и от имени его императорского величества истребить все огнем и мечом.

В-седьмых, если необходимость укажет, чтобы его императорское величество обратился письменно к его королевскому величеству и чинам Польши и исхлопотал нам свободный проход через их владения, мы надеемся, что в этом не будет

отказано его императорским величеством.

В-восьмых, равным образом необходимо будет написать к великому князю Московскому с просьбою прислать сюда отряд войска, для того чтобы мы могли соединенными силами идти навстречу неприятелю до самого Дуная, или куда укажет необходимость, и могли бы помериться с ним.

Выслушав эти пункты, я опять вышел из кола, возвратился в свой шалаш и просидел в нем безвыходно весь этот день, но, убедившись в том, что они не намерены отступать от своих условий, на следующий день, 24 июня, послал в коло ответ на предъявленные мне условия.

Ответ на предъявленные казаками условия:

Из переданных нам условий мы поняли, что ваши милости охотно готовы поступить на службу к его императорскому величеству, но по трем причинам находят невозможным выполнить это так, как предложено нами, а именно: 1) вследствие недостатка в лошадях; 2) вследствие того, что ваши милости не решаются в таком малом количестве вступать в пределы Молдавии, зная предательский и вероломный характер этого народа; и 3) что ваши милости не могут предпринять отдаленного похода при таком малом вознаграждении и неопределенных условиях.

Поэтому вы желаете послать господина

Хлопицкого с двумя из своих товарищей к его императорскому величеству, уполномочив их заключить с императором договор относительно вашего содержания. Так как мы не можем дать на это вашим милостям удовлетворительного ответа, а между тем сами видим, что иного выхода быть не может, то нам приходится довольствоваться и этим. Но мы желаем также, вместе с вашими уполномоченными, послать кого-нибудь из среды нас к его императорскому величеству и предлагаем немного повременить с посольством до того времени, пока мы, с Божьего помощью, благополучно возвратимся из счастливого похода на Перекоп, тогда мы могли бы явиться к его императорскому величеству с приятною вестью. Что же касается писем к королю и штатам польским, а также к великому князю Московскому, то ваши милости могут включить эти пункты в инструкцию своим послам для представления его императорскому величеству, который все милостивейше разрешит все это в желательном смысле. Наконец, мы считаем целесообразным, чтобы ваши милости, по возможности, скорее обратились к великому князю Московскому с просьбою выслать предложенное им вспомогательное войско против турок с такою поспешностью, чтобы оно могло прибыть сюда до возвращения вашего посольства от его

императорского величества.

Причины, по которым я не хотел разрывать сношений с казаками, а, напротив, считал полезным удержать их в службе его императорского величества, были следующие:

1) Предполагая, что начатая с турками война протянется не год и не два, я считал полезным привлечь на нашу сторону таких храбрых и предприимчивых людей, которые с юных лет упражняются в военном деле и превосходно изучили того врага, с которым почти ежедневно имеют дело, то есть турок и татар.

2) Содержание этого войска обходится значительно дешевле, нежели наемных солдат других народностей, так как их начальники довольствуются общими паями, не требуя больших окладов (что составляет обыкновенно немалую сумму). При том же они имеют собственную артиллерию и многие из них умеют обращаться с орудиями, так что при них становится излишним нанимать и содержать особых пушкарей.

3) Так как великий князь Московский также принял участие в этом деле и через своих послов приказал объявить казакам (которых он также считает своими подчиненными), что они могут вербоваться на службу его императорского величества, то я не решался прервать сношений с ними из опасения, чтобы великий князь не обиделся

и не отказал в присылке обещанного вспомогательного войска, о котором говорил мне и его посол.

4) Я не мог подыскать другого места, где с таким удобством могло бы присоединиться к нам вспомогательное войско великого князя, как именно здесь, откуда оно может быть направлено всюду, куда укажет необходимость.

5) Когда я увидел и даже отчасти не без серьезной опасности на опыте убедился в том, что эти переговоры с казаками противны планам канцлера [то есть польского канцлера Яна Замойского], — я счел тем более необходимым продолжать поддерживать их, чтобы он не мог склонить их на свою сторону и тем самым подкрепить и усилить те вредные интриги, какими он занят был в то время (чего следовало опасаться).

6) Если бы я даже сразу прекратил с ними переговоры, то все же должен был бы уплатить им деньги сполна, так как они считали эти деньги заслуженными за два похода, совершенные уже от имени его императорского величества, а именно: один поход под Белгород, который они разрушили, и другой, когда они пытались преградить татарам переправу под Очаковом, хотя и безуспешно, по причине значительного превосходства турецких сил.

7) Так как внутренние отношения к Польше,

по-видимому, грозили переворотом в непродолжительном времени, то я считал делом чрезвычайной важности заручиться дружбою этой общины, которая не только пользуется огромным влиянием на Украине (то есть в Волыни и Подолии), но на которую оглядывается и целая Польша.

Июня 24-го дня я вручил им 8000 дукатов золотом в открытом поле, посредине которого развевалось водруженное в землю знамя его императорского величества. Они тотчас разостлали на земле несколько татарских побеняков, или плащей, какие они носят обыкновенно, высыпали на них деньги и приказали некоторым из старшин сосчитать их. После того я снова вышел из кола и возвратился в свой шалаш, но собрание долго еще не расходилось.

В последующие дни они очень усердно собирались в коло и наконец пришли к иному решению: послать Хлопицкого не к его императорскому величеству, а к великому князю Московскому, а на место его избрали депутатами Саська Федоровича и Ничипора, которые должны были вместе со мною отправиться к его императорскому величеству и условиться с ним относительно вознаграждения за их службу и содержание. Между тем Яков Генкель должен был оставаться среди них для того, чтобы иметь

возможность своевременно доносить его императорскому величеству обо всем, что они сделают в его пользу за это время. Поход в Татарию, к Перекопу, также отлагается до благоприятного времени.

Июля 1-го дня я простился в полном собрании с начальником и всем запорожским рыцарством; они со своей стороны благодарили меня за понесенные мною труды и одарили куньею шубою и шапкою из черных лисиц; затем вручили своим послам письмо к императору и полномочия следующего содержания:

Письмо от войска запорожского к его императорскому величеству.

«Божьего милостью августейший и непобедимейший христианский император, всемилостивейший государь! Всепокорнейше и чистосердечно передаем вашему императорскому величеству, как верховному главе всех христианских королей и князей, самих себя и свою всегда верную и всеподданнейшую службу. Желаем вашему императорскому величеству, пану нашему милостивому, и просим у Бога всемогущего телесного здравия и счастливого царствования над христианскою страню и чтобы всемогущий Бог унизил и поверг под ноги вашего императорского величества врагов святого креста, турецких бусурман и татар, также чтобы даровал вашему

императорскому величеству победу, здоровье и все блага, каких вы сами желаете. Всего этого желает вашему императорскому величеству все войско запорожское верно и чистосердечно.

Посланный к нам, запорожскому войску, по воле и приказанию вашего императорского величества, со значительными дарами, наш товарищ Хлопицкий, в настоящее время полковник (то есть начальник над 500 казаками), бывший в прошедшем, 1593 году у вашего императорского величества, пана нашего милостивого, по причине многих опасностей и препятствий, какие он претерпел вместе с послами вашего императорского величества: Эрихом Ласотою и Яковом Генкелем, на пути через польские владения, прибыл к нам только около праздника Св. Троицы. Тем не менее мы задолго до их прибытия, а именно за три недели перед Пасхою, повинувшись всемилостивейшему приказанию вашего императорского величества, выраженному в присланной и объявленной нам здесь за порогами копии с письма вашего императорского величества, не хотели медлить, но, следуя примеру наших предков, промышлявших рыцарским обычаем, и как люди, всегда готовые служить вашему императорскому величеству и всему христианству, по обыкновению нашему, призвали Бога на помощь и на счастье вашего императорского величества пустились в морской

поход недели за две до Пасхи, то есть в опасное время года, рискуя жизнью и здоровьем. Узнавши за верное от пленных татар, что в Белгороде собралось много войска, конницы и пеших янычар, откуда, по приказанию их государя, турецкого султана, должны вторгнуться в венгерскую землю вашего императорского величества, мы успели, с помощью всемилостивейшего Бога, верховного Владыки, на счастье вашего императорского величества, разрушить и опустошить огнем и мечом пограничный турецкий город Белгород, причем перебили несколько тысяч человек, как воинов, так и простого народа; почему и посылаем вашему императорскому величеству одного пленника из разоренного города и два янычарских значка.

Затем, также в недавнее время, крымский хан, желая вторгнуться во владения вашего императорского величества, прибыл со своим войском к устью Днепра и Буга, близ Очакова, мы, под знаменем вашего императорского величества, пытались отрезать ему переправу; но вследствие значительного превосходства его сил, как сухопутных на конях, так и морских на галерах и кораблях, не могли оказать им должного сопротивления. Однако мы два раза вступали с ними в стычку и захватили знатного пленника, которого также послали бы к вашему императорскому величеству, если бы он не был

тяжело ранен. Но Ласота, который сам беседовал с ним и расспрашивал о многом, донесет вашему императорскому величеству обо всем, что узнал от него. Свидетельствуем свою почтительность, как нижайшие слуги вашего императорского величества за присланные вашею императорскою милостью ценные для нас, как людей рыцарских, подарки: знамя, трубы и наличные деньги. Дай Бог, чтобы мы могли с пользою служить в настоящем морском походе, который намереваемся с Божьего помощью предпринять от имени вашего императорского величества; подробности о нем благоволите всемилостивейше выслушать в словесном донесении от посланника вашего императорского величества Ласоты, равно как и от наших послов, Саська Федоровича и Ничипора (оба сотники нашего войска запорожского).

Покорнейше просим ваше императорское величество, как государя христианского, милостиво и с полным доверием выслушать этих наших послов, уполномоченных трактовать о нашем деле. Полковника же нашего Хлопицкого мы отправили с грамотами вашего императорского величества и нашею к великому князю Московскому, как христианскому государю и благорасположенному приятелю вашего императорского величества, прося его прислать нам помощь против турок, что для него не составит затруднения, ввиду близости

его границы, а отсюда его войску легко уже будет проникнуть в Валахию или дальше.

Просим также ваше императорское величество обратиться с грамотою к его королевскому величеству и к чинам польского королевства о том, чтобы каждый казак, на основании охранной их грамоты, мог свободно и беспрепятственно выступать в поход, выходить из их страны и возвращаться на родину.

Доводим также до сведения вашего императорского величества, что количество нашего запорожского войска достигает шести тысяч человек старых, отборных казаков, не считая хуторян, проживающих на границах. Ввиду отдаленности пути мы присоединили к упомянутым нашим послам и начальникам еще двух из нашего товарищества. Предлагая еще раз себя и нашу службу со смирением милостивому благоволению вашего императорского величества, пребываем преданнейшими слугами.

Дано в Базавлуке, у днепровского рукава Чертомлыка, 3 июля 1594 года».

Полномочия запорожских послов.

«Я, Богдан Микошинский, вождь запорожский, купно со всем рыцарством вольного войска запорожского, сим удостоверяем, что мы с ведома и согласия нашего рыцарского кола отправляем к вашему императорскому величеству,

пану нашему милостивому, этих наших послов, сотников вашего войска: Саська Федоровича и Ничипора, уполномочиваем их покончить наше дело с вашим императорским величеством, нашим всемилостивейшим государем, и просим всеподданнейше доверять им во всем, равно как и всему нашему войску, обязываясь этою грамотою и нашим рыцарским словом в том, что во всем удовлетворимся решением, какое состоится между указанными нашими послами и вашего императорского величества и во всем беспрекословно подчинимся этому решению. В удостоверение чего и для большей верности выдали мы нашим послам эту верительную грамоту, скрепленную внизу печатью нашего войска и собственноручною подписью нашего войскового писаря, Льва Вороновича. Дано в Базавлуке, при Чертомлыцком рукаве Днепра, 3 июля 1594 года».

Июля 2-го дня, повидавшись предварительно с московским посольством, я около полудня отплыл из Базавлука на турецком сандале вместе с запорожскими послами: Саськом Федоровичем и Ничипором и с двумя сопровождавшими их казаками; в ту минуту, когда мы отчаливали от берега, войско запорожское приветствовало нас звуками войсковых барабанов и труб и пушечными выстрелами. В тот же день мы проехали мимо Мамай-Сурки, древнего городища (то есть валов,

окружавших древнее укрепление), лежащего на татарской стороне; затем мимо речки Белозерки, текущей из татарской степи и образующей озеро при впадении своем в Днепр, при котором также находится городище, или земляная насыпь, окружавшая в древности большой город. Далее мимо Каменного затона, залива Днепра также на татарской стороне с очень скалистым берегом, от которого и получил свое название. Здесь татары обыкновенно переправляются через Днепр в зимнее время, когда река покрыта льдом; здесь же производится выкуп пленных (odkup). Отсюда начинается высокий вал, который тянется по степи вплоть до Белозерки, а подле него лежит большой каменный шар, свидетельствующий о том, что в древности здесь происходило большое сражение. Затем пришли к Микитину Рогу, который лежал налево от нас, и недалеко оттуда ночевали на острове близ русского берега.

Июля 3-го дня мы прошли мимо Лысой горы по левой русской стороне [Лысая гора — урочище правого берега Днепра, выше Микитина Рога и теперешнего Никополя] и Товстых Песков, больших песчаных холмов на татарском берегу; затем, почти тотчас, миновали устье Конских Вод; здесь речка Конские Воды, текущая из татарской степи, окончательно впадает в Днепр, хотя и перед тем, еще выше, она несколько раз соединяется с

некоторыми озерами и днепровскими заливами, от которых снова отделяется и возвращается в степь. Затем миновали три реки, называемые Томаковками и впадающие в Днепр с русской стороны; по имени их назван и знаменитый остров. Затем мимо Конской Промоины, где речка Конская сливается с днепровскими заливами на татарской стороне; мимо Аталыковой долины 166, находящейся также на татарской стороне, и мимо Червонной (Chrwoga) горы, лежащей на противоположной русской стороне. Далее миновали Семь Маяков (иссеченные из камня изображения, числом более двадцати, стоящие на курганах или могилах на татарском берегу); затем прошли мимо двух речек: Карачокрака и Янчокрака, также впадающих в Днепр с татарской стороны, и мимо стоящей напротив на русской стороне Белой горы. Далее прошли мимо Конской Воды, которая здесь еще впервые сливается с днепровским заливом и образует остров, на котором находится древнее городище Курцемаль, затем другой остров Дубовый Град, получивший название от большого дубового леса. Затем прошли через Великую Забору, остров и скалистое место на

166 См. Яворницкий. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890, 152, 158.

Днепре близ русского берега, напоминающее порог. Немного дальше на другом острове остановились на ночлег (9 миль). 4 июля миновали две речки, называемые Московками и впадающие в Днепр с татарской стороны; отсюда до острова Хортицы 1 миля; остров этот, лежащий на русской стороне, имеет 2 мили в длину. Пристали к берегу пониже острова Малая Хортица, лежащего невдалеке от первого; здесь находится замок, построенный Вишневецким лет 30 назад и впоследствии разрушенный турками и татарами. Близ этого острова впадают в Днепр с русской стороны три речки, называемые Хортицами, от которых и оба острова получили свое имя. К вечеру мы переправили вплавь своих лошадей с острова, где они паслись, на русскую сторону и там провели ночь.

Июля 5-го дня мы пустились верхом через незаселенные дикие степи, переехали вброд речку Суру, здесь обедали и кормили лошадей, проехав около 5 миль; заметив на одном кургане, или могиле, маяк, то есть поставленную на нем каменную статую мужчины, мы подъехали и осмотрели ее. После обеда проехали около трех миль до одной возвышенности и здесь ночевали подле кургана.

Июля 6-го дня поутру снова переплыли Суру и речку Домоткань и пришли к другой болотистой

речке — всего около 4 миль. Здесь кормили лошадей, но перед тем, не доходя до этой речки, встретили медведя и застрелили его. После обеда прошли до речки Самоткани [нужно читать наоборот: Ласота прежде переправился через Самоткань и потом через Домоткань, а не обратно], переправились через нее (около 2 миль) и здесь снова кормили. До этого места степь совершенно обнажена, нигде не видно ни одного дерева, но отсюда уже начинаются заросли, называемые у них байраками, и самая местность становится несколько гористою. К вечеру проехали Омельник Ворскальский (около 2 миль) и немного дальше ночевали в пещере.

7 июля перешли снова через Омельник Ворскальский; в трех милях от него остановились кормить лошадей; затем прошли еще две речки, у последней вторично кормили (около 5 миль). Под вечер приехали к горе (1 миля)».

Как пишет Мельник в «Мемуарах Южной России», от речки Омельника Ласота вступил в пределы Украины и Запорожье оставил.

О дальнейших результатах договоров Ласоты с запорожскими казаками находим сведения в донесении патера Александра Комулео. Много стоило хлопот патеру Комулео рассеять недоверие молдавского господаря к запорожским казакам, но он под конец успел-таки свести их. «Я устроил, —

говорит он в своих донесениях, — что помянутые казаки подошли к молдавским границам, что они и сделали, став лагерем вблизи молдавского войска. Молдавский князь согласился действовать заодно с казаками, частью вследствие убеждений и настояний, которые я ему делал, для чего ездил нарочно два раза в Молдавию, частью же из страха турок и из боязни самих татар, о которых я узнал, что турки хотели с помощью их отнять у него княжество. В силу всего этого он собрал войско в 21 000 человек, вооружил его хорошо артиллерией и вышел к проходу, которым татары обыкновенно проходили через Молдавию и Венгрию, решившись смело противиться и не пропускать их. Когда я потом узнал, что князь молдавский отказался соединиться с казаками, то послал убедить их не оставаться дольше здесь понапрасну, а идти разорять какие-нибудь ближайšie турецкие города, обещая при этом, что молдавский князь не будет им препятствовать в этом. Я тайно предложил кое-какие подарки начальнику казаков, обещая ему больше со временем. Последний и ушел с помянутыми казаками. Этот раз я послал ему сто флоринов, какие со мной были, и обещал соединить его с днепровскими казаками для хорошей добычи. Начальник казаков не захотел ожидать и пошел под город Килию, где и остановился». Из показаний польских писателей видим, что здесь разумелись

походы казаков против турок под начальством Лободы и Наливайко.

Глава 7

Введение церковной унии на Украине и насилия по этому поводу со стороны католиков над православными. Казацкое восстание под предводительством Лободы и Наливайко. Биографические данные о Лободе и Наливайко. Обида от Калиновского Наливайко-отцу и выступление на Украину Наливайко-сына. Похождения его на Волыни и Белоруссии. Выход из Сечи Лободы. Гетман Саула. Действия против казаков Жолкевского. Схватка казаков под Белой Церковью. Гибель Саська, контузия Саулы и выбор Лободы гетманом казаков. Движение казаков к Киеву. Запорожская флотилия под начальством атамана Подвысоцкого. Отступление казаков к Переяславу и Лубнам. Жестокая битва у Солоницы. Выдача Наливайко. Условия, предложенные казакам Жолкевским. Казнь Наливайко и постановления польского правительства о низовых казаках.

Покончив с Косинским и частью истребив, частью разогнав бывших при нем казаков, польские паны, оставив на татарских шляхах незначительную стражу на случай набега татар, спокойно и

беззаботно разъехались по домам и предались своему обычному времяпровождению — приятным разговорам на сеймах. Таким положением дел тотчас же воспользовались татары. В июне месяце 1593 года они внезапно ворвались, в числе 20 000 человек, на Волынь, нахватали там множество русских женщин и разного добра и, быстро поворотив, ушли назад. Паны, услышав о набеге татар, поторопились обвинить в этом казаков, говоря, что татар ввели на Волынь казаки в отмщение князю Острожскому, побившему их. Но казаки так же причастны были к этому делу, как и сами поляки; в это время они заняты были предложением императора Рудольфа II и собирались походом против турок. Прежде всех поднялся со своими казаками Наливайко.

Северин Наливайко [у Кулиша он называется Семеном, у Костомарова он — Семерый] был родом, по одним данным, из города Каменца, по другим — из города Острога. В городе Остроге у Северина Наливайко были два брата, из коих один, по имени Дамиан, состоял придворным священником у князя Константина Острожского; была мать, сестра и собственная семья, а ниже города Острога жил отец, владелец небольшого участка земли в Гусятине, возбуждавшего большой аппетит у местного пана Калиновского. Желая завладеть понравившимся участком земли,

Калиновский, недолго думая, потребовал его себе у Наливайко-отца, и когда старик отказал ему в том, то Калиновский напал на него и так избил его, что старик не перенес побоев и умер. Сын затаил месть против пана. По словам Иоахима Бельского, Северин Наливайко представлял собой личность незаурядную. Это был красивый, сильный, храбрый мужчина и отличный пушкарь ¹⁶⁷. Отличаясь беззаветной храбростью, Северин Наливайко с юных лет стал заниматься «казацким ремеслом»: он много раз воевал в разных землях против разных народов и под руководством различных гетманов, а под конец поступил на службу к князю Острожскому и под его стягом воевал против казаков, предводимых Криштофом Косинским.

Но собственно имя Наливайко стало известным со времени заключения запорожскими казаками договора с послом германского императора Рудольфа II, Ласотою, против турок. Заключив договор, казаки в течение 1594 и 1595 годов предприняли три похода против турок и их союзников, татар и молдавских господарей. Первый такой поход предпринят был Наливайко в конце июня месяца 1594 года с целью произвести диверсию в тылу турецкой армии. Наливайко

¹⁶⁷ Bielskiego Dalszy ciąg kroniki polskiej, 275–281.